

МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ
ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ И
ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

ШАНИНКА

Векторы развития современной России

**ГРАНИЦЫ ДАЮТ ОТПОР:
ДЕМАРКАЦИЯ ПРАКТИК, ПРОСТРАНСТВ
И ЯЗЫКОВ ОПИСАНИЯ**

Материалы XVI Международной
научно-практической конференции
молодых ученых

20–22 апреля 2017 года

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

УДК 316.32
ББК 60.561
В26

Оргкомитет

*Юлия Пацюкова, Рита Шульгина, Анна Каллина, Всеволод Герасимов,
Александра Боброва, Алина Филяева, Марина Пименова*

В26 Векторы развития современной России. Границы дают отпор: демаркация практик, пространств и языков описания. Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых 20–22 апреля 2017 года / под общ. ред. М. Г. Пугачевой — М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. — 216 с.

ISBN 978-5-4469-1278-0

В сборнике представлены доклады участников XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых, посвященные трем аспектам феномена «возвращения границ»: пространственному (границы регионов, территорий, общественных пространств); практическому (практики рефлексии, практики памяти, практики помощи); дисциплинарному (границы дисциплин, направлений, языков описания). Для научных работников и специалистов, аспирантов и студентов в области социальных и экономических наук.

Дизайн обложки *Наталья Липилина*

УДК 316.32
ББК 60.561

ISBN 978-5-4469-1278-0

© Московская высшая школа социальных
и экономических наук, 2018
© Междисциплинарный академический центр
социальных наук (Интерцентр), 2018
© Авторы статей, 2018

Содержание

PUBLIC HISTORY

Коммеморативные практики постсоветских пространств: память vs забвение

- МАРЧЕНКО А. Ю.* Коммеморативные стратегии формирования
социокультурной идентичности 6
- СТАНКЕВИЧ М. М.* Фильм Алексея Германа-старшего
«Трудно быть богом» как попытка осмысления
советской реальности через призму настоящего 14
- ПЛЕХАНОВ А. А.* «Новые» и «старые» праздники
в украинской политике памяти после 2014 года 20

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Международная политика: новые вызовы — старые ответы?

- ГОРБУНОВА Е. А.* Глобализация образования
и транснационализация семьи в Тихоокеанском регионе 29
- ФИЛАТОВ Г. А.* Возможные действия России в случае
прихода к власти в Венесуэле оппозиции 35
- КЛИМОВА Г. С.* Опыт европейской интеграции
и вызовы сепаратизма 44
- ФИЛЯЕВА А. И.* Использование образа «Другого» в международной
политике: интервенция философии постструктурализма
в дисциплину «международные отношения» 52

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Сделать время видимым: множественные темпоральности, практики синхронизации и анахронизм

- МИШИН С. И.* Сделать время видимым: проблематика
репрезентации и специализации субъективного времени 62
- БОЛОТОВ И. В.* Некоторые замечания о роли времени
в трансцендентальной философии
(на примере И. Канта и К. Мейясу) 66
- КРИХТОВА Т. М.* Стратегии времени-места у современных
православных священников: «кочевые» и «оседлые» 75

<i>ПЕРФИЛЬЕВА А. С., САТЫБАЛДИНА Д. К.</i> Логика городского времени	84
Рецепторная демократия: слушание и видение как модусы политической субъектности	
<i>ЧЕКУЛАЕВ С. В.</i> Аксиология слушания как необходимость диссенсуального основания рецепторной демократии	93
Этнометодология: расширяя границы своего языка	
<i>МАКАРОВ А. Б.</i> Этнометодологическое исследование феномена отсутствия разъяснения прав при открытии судебного заседания	97
УПРАВЛЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫМИ ПРОЕКТАМИ	
Восстановление и развитие сел и малых городов социокультурными средствами	
<i>ОСИПОВА М. С.</i> Фавелы Рио-де-Жанейро и их интеграция в городское культурное пространство на примере основных агентов культурного развития.	105
Формирование локальной идентичности посредством современных социокультурных практик	
<i>КАЛАШНИКОВА С. К.</i> Символические основания политики идентичности в Санкт-Петербурге: роль городских праздников	113
<i>АЛЕКСЕЕВ Д. В.</i> Еврейский этнос как часть социокультурной среды Москвы	121
<i>ЦУЙ ЦЗЯВЭНЬ.</i> Культурная идентичность в аспекте цивилизационного подхода: практики поддержания и конструирования	127
<i>ЗВЕЗДОЧКИН А. А.</i> Места памяти и публичное пространство как социокультурная практика формирования локальной идентичности	133
<i>МАКСИМЕНКО Д. П.</i> Подольский краеведческий музей и Музей писем А. П. Чехова как центры формирования локальной идентичности Подольского района	144
Вовлечение социально незащищенных групп в культурные практики	
<i>ЛЕБЕДЕВА Н. М.</i> Разные тела на сцене: инклюзия в сценическом танце.	154

<i>Крупник М. В.</i> Современный социальный театр: практики работы с незащищенными группами.	161
--	-----

ПСИХОЛОГИЯ

Границы в психологическом консультировании: проницаемость или закрытость?

<i>Боброва А. И.</i> Интернет-аддикция: миф или реальность?	177
<i>Пахомова М. П.</i> Проблема психологической готовности общества к инклюзии людей с синдромом Дауна	188
<i>Кушнирская А. А.</i> Этические границы в психологическом консультировании ЛГБ-подростков	197
<i>Литвинов В. Ю.</i> Телеэмпатия: воздействие телевидения на эмоции аудитории	207

PUBLIC HISTORY

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПОСТСОВЕТСКИХ ПРОСТРАНСТВ: ПАМЯТЬ VS ЗАБВЕНИЕ

АНАСТАСИЯ ЮРЬЕВНА Марченко

Волгоградский государственный
социально-педагогический университет

Коммеморативные стратегии формирования социокультурной идентичности

Специфической особенностью современного этапа культурного развития является непрерывное усложнение и ускорение социокультурной динамики, а также трансформация традиционных механизмов исторической преемственности и воспроизводства культурного целого. Ускорение хода истории, постоянное сгущение плотности культурных инноваций меняет способ восприятия времени в рамках современной культуры и одновременно с этим ставит под сомнение традиционный механизм обретения субъективной самоидентичности личности. Процесс ускоряющейся культурной динамики с неизбежностью сопровождается глобальной трансформацией привычных структур жизненного мира, становящихся все более неконгруэнтными по отношению к субъекту. Одновременно с увеличением технических возможностей для аккумуляции предыдущего опыта и увеличением скорости устаревания настоящего возрастает и необходимость селекции достойных архивации элементов прошлого, их структурирования и иерархизации. В данном контексте особую актуальность приобретает вопрос о причинах отбора и сохранения в культуре определенных ценностей, представлений и норм и забвения других.

Проблематике механизмов культурной коммеморации в последние десятилетия уделяется все большее внимание как в отечественном философско-гуманитарном дискурсе, так и в рамках зарубежных «memory-studies». Представляется справедливым утверждение, согласно которому тема памяти (социальной, исторической, памяти социальных групп и институтов и др.) и различных мнемонических модусов в конце XX века заняла место, принадлежавшее в XIX веке теме человеческой души. Актуализация проблемы содержания культурной памяти происходит именно в переходные, кризисные эпохи, сопровождающиеся существенной трансформацией представлений о человеке, его прошлом, настоящем и будущем. Вновь появляющиеся социальные группы, поколения, сменяющие друг друга, находят источник собственной исторической легитимности в различных пластах коллективного опыта, именно это обстоятельство делает пространство памяти исторически обусловленным, фрагментарным и отражает актуальное пространство социального опыта в его конкретности и противоречивости. Общество по своей природе «вынуждено» творить коллективную память, являющуюся основным механизмом культурного единства и преодоления ограниченности индивидуального бытия. А. И. Макаров связывает возрастающую актуальность проблематики надындивидуальной памяти с поиском ориентации субъекта в условиях рушащихся символических универсумов. «Образы социальной памяти более устойчивы во времени, чем образы индивидуальной памяти. Поэтому коллективный характер воспоминания выступает эквивалентом всеобщности образа и опыта, объективности знания... Историческое событие — это такое воспоминание, которое способно внести смысл в наличную действительность для членов коллектива»¹.

В отличие от актуальной бесконечности социальной памяти, пространство памяти культуры ограничено. Именно поэтому пополнение исторической памяти, запоминание нового возможно лишь на основе забвения старого, освобождения ресурсов. В рамках культурной памяти как сложной органической и в то же время системной целостности важное значение имеют не только отдельные ее элементы, то есть разделяемые культурным сообществом воспоминания, но и многочисленные связи между ними. Если в классической культуре обновление памяти происходило постепенно и новые элементы,

¹ Макаров А.И. Социальная память и проблема реальности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Социально-экономические науки и искусство». 2009. № 3 (37). С. 7.

приходящие на смену «устаревшим», неактуальным, успедали «врасти», вписаться в ее структуру, не разрушая общего облика «мнемонического ландшафта», единства памяти культуры, то в эпоху многократного ускорения хода истории (и, соответственно, памяти) интервал между «запоминаниями» постоянно сокращается в силу моментального устаревания настоящего, превращающегося в прошедшее. В результате этого процесса происходит изменение культурного метаболизма: процесс воспроизводства памяти трансформируется и традиционная память как «экран», в терминологии А. Моля, приобретает характер «мозаики», «войлока». Мозаика отличается от системы тем, что не имеет единой структуры, объединяющей элементы в системную целостность. Мозаичная культура, по словам А. Моля, складывается из «разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или по ассоциации идей... Она состоит из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни единого общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью»¹.

Целью и наивысшей ценностью в этих условиях становится тотальная архивация, стремление «вспомнить все», запоминание без отбора, а также негация забвения. Память разрастается и поглощает все вокруг себя. Так как все запомнить невозможно, запоминанию подвергаются только формы, имена, ярлыки. Память сближается с идеологией и приобретает искусственный, сконструированный, манипулятивный характер. В такой культуре важна не преданность конкретным ценностям и идеалам прошлого, воспроизводимым в настоящем и продуцируемым в будущее, а умение «пользоваться» памятью, жонглировать именами, переструктурировать воспоминания, растворяться в отсутствии логики и последовательности — содержание памяти культуры и, соответственно, индивида перестает структурироваться по иерархии и ценностно-смысловой нагруженности на более или менее значимое, а начинает выстраиваться в случайном порядке, по ассоциативному принципу, по алфавиту, личным предпочтениям, условиям запоминания, по внешнему сходству и т. п.

Ускорение темпа исторических изменений влечет за собой фрагментацию целостного восприятия времени и увеличивает значимость случайностей и единичных явлений. «С одной стороны, невероятное ускорение истории погружает все и вся — и все скорее и скорее — в об-

¹ Моля А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 45.

ласть окончательно минувшего. Это ускорение заражает лихорадкой сохранения следов и остатков, оно порождает сомнение перед лицом разрушения, навязчивое желание накопления, которым питается гипертрофия институций памяти: архивов, музеев, библиотек, коллекций, цифровых массивов акций, банковских данных, хронологий и репертуаров, всего того, в чем не следует более видеть отходы нашей цивилизации и свалку истории, но, напротив, зеркало нашей идентичности и хранилище правды о нас, ждущей расшифровки»¹.

По мысли французского антрополога Р. Бастиды, человек как субъект памяти обращается к прошлому по принципу «сетей комплементарности» (*complementarity networks*)²: любая социальная группа организуется и поддерживается на основе отношений обмена — информацией, ценностями, воспоминаниями. Индивидуальный вклад каждого члена группы неодинаков и занимает определенное положение в структуре социума. Включенность индивидуальных воспоминаний в общий контекст памяти группы (в самом широком смысле) придает им осмысленность и форму, также как использование языка как интерсубъективной системы знаков позволяет зафиксировать континуальность и хаотичность процесса внеязыкового восприятия окружающего мира. По словам М. Хальбвакса, «люди совместно мыслят посредством речи», «прежде чем вызвать в памяти воспоминания, мы их проговариваем; реконструировать в любой момент наше прошлое нам позволяет речь и вся солидарная с нею система социальных конвенций»³.

Память культуры ориентирована не столько на сохранение, воспроизводство и адекватную оценку событий прошлого, сколько на поддержание конкретной идентичности здесь и сейчас. И отдельный человек, и общество в целом помнит то, что важно ему в данный момент, что помогает ему справляться с сегодняшней жизнью. В этом смысле истинность и аутентичность отдельных воспоминаний важны для поддержания стабильной социокультурной идентичности в значительно меньшей степени, чем их эмоциональная достоверность и синхронизированная «встроенность» в коллективную память группы. Индивидуальные воспоминания питают коллективную

¹ *Anderson P.* La pensee tiede, suivi de La pensee rechauffee, reponse de Pierre Nora. Paris: Seuil, 2005. P. 119.

² См.: *Bastide R.* Applied anthropology. London, 1971.

³ *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 87, 326.

память, придают ей эмоциональность и историческую достоверность, внося в то же время определенный элемент дискретности и противоречивости. Коллективная же составляющая «легитимизирует» индивидуальные воспоминания, придает им социально-значимую ценность и культуросозидающий смысл. Таким образом, гармоническое соответствие между двумя мнемоническими модусами является необходимым условием стабильности культурного целого. В данном случае такая характеристика воспоминаний, как их историческая подлинность и достоверность, становится сугубо периферийной и никак не влияет на процесс трансляции социокультурной идентичности.

В результате социальной коммуникации происходит органичное переплетение памятей отдельных индивидов и социальных групп в единый культурный контекст. Индивидуальные памяти взаимно обогащают и дополняют друг друга, основаны на схожих представлениях об общем прошлом. В процессе инкультурации (в ходе образования, заучивания системы исторических фактов, последовательности событий прошлого, «рамки» коллективной памяти) происходит процесс интериоризации, индивидуального «вхождения в память», задается матрица для формирования персональной идентичности. Таким образом, важнейшим условием стабильности культурного целого является гармония в соотношении между различными уровнями и модусами памяти культуры (индивидуальной, групповой, коллективной).

Рамки коллективной памяти представляют собой некоторую систему ориентиров, точек кристаллизации коллективного опыта, образующих каркас, внутри которого и происходит индивидуализация конкретных воспоминаний субъекта, нарастающих на своеобразный «скелет», матрицу памяти. По мере удаления того или иного момента времени рамки образуют менее плотную сетку, при этом чередование большей или меньшей их концентрации связано с конкретно-историческими потребностями групповой самоидентификации. «Промежутки», пустоты между социально-значимыми воспоминаниями также являются внешними по отношению к индивидуальному сознанию.

Коллективная память представляет собой постоянно изменяющееся целое. Степень взаимной согласованности различных ее уровней различна в зависимости от степени сплоченности группы, иерархической структурированности социума. В свою очередь механизм включения индивида в общность во многом основан на четкой регламентации индивидуальных воспоминаний и происходит посредством их

конвенциональной соотнесенности с принятыми в том или ином обществе практиками памятования и забывания.

Память культуры в качестве сложной системной целостности представляет собой совокупность не только отдельных воспоминаний, но и связей между ними. Поэтому забвение зачастую выступает в виде стирания этих связей, их затаивания и перехода в потенциальное состояние. Провалы в памяти как особый вид амнезии связаны с разрушением последовательности между отдельными элементами памяти, стиранием их взаимосвязанности. Можно предположить, что манипуляция мнемоническими процессами чаще всего направлена именно на те связи, которые обеспечивают их последовательность и единство.

Аберрации памяти и забвения составляет важную основу самоидентификации ничуть не в меньшей степени, чем истинные воспоминания о прошлом. В ходе воспроизведения элементов памяти (например, при рассказывании о них) изначальное содержание обновляется, переструктурируется в соответствии с наличной ситуацией, обогащается новыми ассоциациями и перефокусируется на тех или иных аспектах. Затем происходит новое «перезапоминание», в которое включается уже само воспоминание и «воспоминание о воспоминании». «Парадоксальным образом именно это намерение “не забывать”, вероятно, и приводит к тому, что подобные судьбоносные события претерпевают разнообразные трансформации, дополнения и унификацию: их приводят к тому стандартному формату, в котором и другие люди о них помнят»¹. Эта процедура значительно усложняется в случае, если происходит коллективный обмен воспоминаниями, формируется особого рода «коммеморативное сообщество», в котором воспоминания модифицируются до тех пор, пока у всех членов сообщества не окажется примерно один набор сходных «воспоминаний», созданных не столько личным опытом, сколько социальной коммуникацией.

Целое культурной памяти ограничено по плотности, по всей видимости, существует некий предельный уровень: в периоды смены культурных эпох происходит ревизия содержания памяти, переструктурирование элементов, искусственное конструирование общего прошлого и активная легитимация настоящего. В этом случае функции памяти в культуре временно берет на себя идеология,

¹ Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 29.

продуцирующая рамки актуальной коллективной памяти, после чего память постепенно «дорастает» до нормального состояния уже с учетом новой идеологии. Существующий в нынешней России безусловный кризис стратегий коммеморации и исторического сознания, на наш взгляд, является очередным подтверждением этому: псевдопатриотическая агрессивная риторика национального величия и «духовных скреп», активно и со значительными затратами (улицы, памятники, праздники, медали, псевдоэкспертные сообщества) внедряемая российской властью, постепенно срывается с массовым сознанием и подкрепляется инициативами снизу.

Создание псевдореминисценций, мифологизация коллективного прошлого действительно играют важную роль в легитимации коллективного настоящего. Представляется вполне обоснованной мысль, согласно которой в основе национального единства лежит не только общая память, но и общность забвения (Э. Ренан). Трансляция культурной идентичности и самосознания в значительной мере основана на забвении, примирении с травматическими страницами своего прошлого. Междоусобные и гражданские войны, трагические стороны колониальной политики, преследования инакомыслящих — переработка, «менеджмент» прошлого является необходимым условием стабильности социокультурного целого и консолидации общества. В современных российских условиях, в частности, очевидной является попытка элиминировать из общественного сознания память о жертвах искусственно вызванного голода в Поволжье и Украине, сталинских репрессиях, насильственном перемещении народов и других печальных страницах советского периода. Апология фигуры Сталина как «великого полководца» и «жесткого, но справедливого национального лидера», очевидно, выгодна современной правящей элите, и это исподволь внедряется в массовое сознание, переставая вызывать закономерное отторжение и возмущение.

Современное российское общественное сознание характеризуется очень сложным состоянием культурной памяти, в которой произошел шизофренический разрыв между идеологической памятью о прошлом, транслируемой официальными институциями, и машинной государственной пропаганды и «второй памятью» (в терминологии Г.Б. Юдина), формирующейся более спонтанно и естественно, но тем не менее столь же мифологизированной. По утверждению А.И. Миллера, об исторической политике в полном смысле слова стоит говорить только по отношению к плюралистическим обществам

демократического типа, в то время как в авторитарных режимах вмешательство власти в изучение истории и политику памяти основано на «официальной презумпции идеологической монополии, на механизмах всеобъемлющей цензуры и административного контроля над профессиональной историографией»¹. В данных условиях задача интеллектуального сообщества видится, во-первых, в формировании навыков критического мышления и противодействия историческим манипуляциям, а во-вторых, в поддержании альтернативных вариантов общественной коммеморации, так называемой «второй памяти», акторы которой все более активно изучают локальную историю семьи, города, края, развивая и поддерживая конструктивную российскую идентичность.

¹ Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке. М.: НЛО, 2012. С. 9.

Фильм Алексея Германа-старшего «Трудно быть богом» как попытка осмысления советской реальности через призму настоящего

Мераб Константинович Мамардашвили в лекции номер 17 курса «Психология и топология пути» на примере 1937 года раскрывает тезис Марселя Пруста о том, что реальность складывается в памяти: «Пока мы не извлекли опыт события, мы останемся в 1937 году»¹. Иными словами, именно память маркирует время, а не хронологическая дата. Опыт не был извлечен, потому что не было публичного пространства для его осознания. Фильм Алексея Германа «Трудно быть богом» — пример такой попытки рефлексии советского опыта.

События фильма, как и одноименной книги братьев Стругацких, происходят не на Земле, а на другой планете, в городе Арканар. Главный герой — Румата Эсторский — по легенде благородный дон в 17-м поколении, незаконный сын местного языческого бога Горана — прилетел сюда с группой землян-ученых, чтобы наблюдать, почему Возрождение здесь так и не началось, зато «была реакция на то, чего почти не было: шла охота за образом мысли: умниками, книжочьями, талантливыми ремесленниками»², которых топили в нужниках³. Румата помогает тем, кому удается. Вместе с конвоем пропадает лекарь Будах, которого Румата предполагал прятать от отрядов серых штурмовиков Кусиса⁴. Министр охраны короны — Дон Рэба — возглавляет монашеский орден, устраивает переворот, убивает короля и «серых», всех, кто был близок к власти.

¹ Мамардашвили М. Психология и топология пути // Нева, 1997. Цит. по: URL: yanko.lib.ru/books/philosoph/mamardashvili-topology.htm.

² «Трудно быть богом». Реж. Алексей Герман-старший, 2013. Кинокомпания «Ленфильм», студия «Север».

³ Как обыгрывание выражения «мочить в сортирах».

⁴ Серые штурмовики Кусиса — отряды солдат, подчиняющиеся короне и приводящие в исполнение приговоры, касающиеся в том числе умников и книжочеев.

Румата запугивает Дона Рэбу и отправляется в Веселую башню¹ искать Будаха. Во время освобождения лекаря погибает друг Руматы барон Пампа. «Приглашение» в Веселую башню получает подруга Руматы — Ари. Она погибает от арбалетной стрелы, пущенной ей в голову Аратой Горбатым. Это событие провоцирует² Румату и он устраивает ужасную бойню, после которой не видит смысла в возвращении на Землю.

Михаил Ямпольский, анализируя другой фильм Германа «Хрусталева, машину!», характеризует время, отраженное в фильме, как время конца, завершения истории: «В “Хрусталева” декларируется достижение исторической цели, в сущности гегелевский конец истории, когда действительность совпадает с понятием»³, «“Хрусталева” — фильм о конце советской эпохи». «Трудно быть богом», хронологически следующий за «Хрусталева, машину!», идет дальше: этот фильм не просто переступает «край конца истории», а находится всецело за ним. В «Трудно быть богом» время остановилось: нет последовательности, длительности, а значит, нет и времени.

Резню, устроенную Руматой в конце фильма, можно понимать как попытку запустить время: расправа как маркер времени, который призван разделить время на до и после. Но этого не происходит, потому что бойня никак не меняет действительность. Подобный конец предсказан самим Руматой во время разговора с Будахом:

Р. Я спросил, если бы ты был богом, что бы ты сделал?..

Б. Создатель, если ты есть, сдуй нас как пыль, как гной, или оставь нас в нашем гниении, или уничтожь нас всех, всех уничтожь!

Р. Сердце мое полно жалости. Я не могу этого сделать⁴.

В книге Стругацких Румата отвечает следующим образом: «Я мог бы сделать и это, — сказал он, — но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно человечество другим? Не будет ли это то же самое, что и стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?»⁵ Таким образом, Стругацкие акцентируют внимание не на катастрофичности человеческой природы, как

¹ Веселая башня — тюрьма, предназначенная для всех неугодных власти, место пыток и приведения смертных приговоров в исполнение самыми изощренными способами.

² Румате нельзя вмешиваться в ход событий на этой планете, в том числе убивать.

³ Ямпольский М. Локальный апокалипсис. О фильме Алексея Германа «Хрусталева, машину!» // Новое литературное обозрение. 2012. № 117 (5). Цит. по: URL: www.plobooks.ru/node/2622.

⁴ «Трудно быть богом». Реж. Алексей Герман. Диалог между Руматой и Будахом.

⁵ Стругацкие А. и Б. Избранное. М.: Моск. Рабочий, 1989. С. 5009.

это делает Герман, а на «драматической неразрешимости коллизии интеллигента-прогрессора и народа»¹. «Любовь и вера в народ, присущая Румате как представителю интеллигенции, и, шире, гуманистические идеалы не выдерживают испытания экспериментальной ситуацией». Поэтому Румата Стругацких возвращается на Землю, мучимый мыслями о нравственной грани, которую он переступил. Румата Германа остается именно потому, что осознал суть человеческой природы и всю безысходность ситуации. Стругацкие делали акцент надвигающемся в направлении фашизма государстве, а Герман — на самом человеке. У Стругацких была надежда, у Германа ее нет.

Почему Румата на «просьбу» Будаха богу отвечает: «Я не могу этого сделать»? Потому что это уже было. Предсказания, которые делает Румата, отвечая на предложения Будаха: «Сильный отберет у слабого» — есть прошлое, то, что уже было, накладывающееся на настоящее, то, что есть сейчас, и будущее, то, что будет. Перед нами иллюстрация проблемы временного сдвига: то, что будет, уже было. Если настоящее — история, и даже будущее — история, значит все — история. И понятие истории теряет свой смысл: смысл линейного развития, смысл эволюции; ее больше нет. В этой логике переворот, устроенный Доном Рэбой², не революция, а след³.

Предметы, которые традиционно воспринимаются как фон и декорации, у Германа выходят на первый план. Это напоминает интерес к вещам «нового романа» и, в частности, «шозизма», где человек — вещь среди вещей. Шозизм не рассказывает историю, а отражает мир в формах самой реальности. Шозизм фиксирует внимание на вещах и предметах, представляет перечень наличного содержания бытия, но это не помогает в выстраивании причинно-следственных и смысловых связей. Эти связи более не имеют значения.

Концентрацию внимания на вещах можно понимать как акт деантропологизации, как кризис антропоцентризма. Эта установка шозизма: человек — вещь среди вещей — очень близка советской реальности и наследуемой из той эпохи травме. Советская культура, как часть культурной политики, позиционировала человека как винтик (вещь) большого, глобального механизма⁴. Вещь может изнашиваться,

¹ *Лейдерман Н.Л. Липовецкий М.Н.* Современная русская литература: 1950–1990-е годы. Т. 2. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 290.

² На смену серых всегда приходят черные. Важен временной маркер «всегда».

³ След — философский термин, воспринимаемый здесь в рамках концепции Ж. Деррида.

⁴ Люди как «винтики великого государственного механизма» — по выражению И. В. Сталина (по газетному отчету. Правда. 27 июня 1945 года).

и тогда ее заменяют на другую вещь, другой винтик. Винтик, находящийся в определенно работающей системе, не может действовать самостоятельно и свободно, иначе будет сломлен массой системы. Так, трагедия барона Пампы, чье тело с дюжиной воткнутых в него стрел было выброшено на помойку, заключается в наличии у него чувства собственного достоинства в обществе, которое не признает чувства собственного достоинства. Барон ни в чем не виноват, кроме наличия у него тех качеств, которые «даны» ему изначально. Эта ситуация, очевидно, чрезвычайно близка советской реальности.

Язык Германа подрывает систему бинарных оппозиций¹ изнутри, подменяя моральное телесным. Гипертрофированные признаки телесности: чрезмерно плотные упитанные или чрезмерно худые и сухие — выделяются благодаря противоположной группе. Подобные оппозиции, которыми наполнен весь фильм, существующие в парадигме телесного, отсылают нас к системе советских моральных бинарных оппозиций: «с нами — против нас», «правильный — лжец», «наш — чужой, враг». Но проблема в том, что маркеры «свой — чужой» не работают: невозможно разделить все общество на жертв и палачей, правых и неправых. Герман критикует эту систему изнутри, показывая ее абсурдность.

Комментируя структуру времени в «Хрустале», Ямпольский критикует тезис Джеймисона о том, что в ситуации постмодерна в культуре происходит ослабление чувства времени и выдвигание на первый план пространства. Этот тезис Джеймисона чрезвычайно важен и наилучшим образом иллюстрирует ситуацию со временем в фильме «Трудно быть богом». В ситуации, когда время потеряло свою ценность, на передний план выходит неподвижность, то, что может существовать, быть без времени, а именно — пространство.

Акцент, сделанный на предметах, понятий нами ранее как акт деантропологизации, также может быть понят как авторский стиль режиссера, концентрирующийся на «кинопробах» предметов. Антон Долин обозначает «излюбленное пространство Германа» как коммуналку. «Весь прочий мир не что иное, как колоссальное коммунальное поле, где никому не дано права на индивидуальную, личную зону»².

Отсутствие личного пространства можно отметить еще в «Седьмом спутнике», снятом Германом вместе с Григорием Ароновым. Главный

¹ Идея критики системы бинарных оппозиций как критики принципа европейского рационалистического мышления, высказанная, например, Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Принципы ведения войны и «наведения порядка» внутри государства как результат рационалистического мышления эпохи модерна.

² Долин А. Герман: Интервью, эссе, сценарий. М.: НЛО, 2013. С. 110.

герой — генерал царской армии, — вернувшись после ареста в свою квартиру, обнаруживает коммунальное жилье, и до самой смерти больше не может остаться в приватной, личной зоне. Фильм «Проверка на дорогах» предлагает партизанский вариант, очевидно, общего жилья, и так вплоть до фильма «Трудно быть богом», где даже «дворец» короля больше похож на коммуналку, где бесконечно снуют по бытовым делам женщины, разбросаны детские игрушки. Образ коммуналки опять отсылает нас через телесное к моральному: отсутствие права на личное пространство как права на личный выбор, на собственное мнение.

«Коммуналка — еще и особенная языковая среда. Точнее, среда, в которой языки сосуществуют так плотно, что услышать в речевой полифонии единый диалог — нет никакой возможности: шум распадается на отдельные реплики, возникающие из хаоса вокруг, как оттаявшие слова из романа Рабле»¹. В полифонии голосов, отмеченной Долиным, чрезвычайно важно пространство. На создание этого эффекта «шума, распадающегося на отдельные реплики», работает именно пространство. Персонажи, блуждая по этому пространству, создают шум, который временами, а именно тогда, когда персонаж оказывается возле камеры, превращается в реплику, вырванную из контекста.

Замкнутость пространства и клаустрофобические кадры даже на улице визуализируют все ту же безысходность и абсурдность. Фрагментарность, незаконченность языка чрезвычайно важна: отсутствие системы как противоположность целостности и тотальности.

Отсутствие системы напоминает кабинеты редкостей, которые собирались без руководства причинно-следственных связей, просто как образцы наличного бытия. «Свалки занятных вещей» в фильме предстают как визуализированный списки и перечни. Возможно, Герман отсылает нас к хаотичному паническому советскому накопительству. «Насилие, тесно связанное с постсоветской травмой, есть центральное означающее советского сакрального»². Травму или опыт, вынесенные в публичное пространство, необходимо проработать³. Главная проблема репрезентации (трансляции) травмы заключается в том, что эта репрезентация должна иметь травмирующий характер и давать зрителю средства для того, чтобы преодолеть шоковое состояние. В искусстве

¹ Там же. С. 111.

² Липовецкий М. Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: НЛО, 2008. С. 15.

³ Доминик ЛаКапра в книге «Репрезентация Холокоста: история, теория, травма» (Representing the Holocaust: History, Theory, Trauma) описывает два способа работы с травмой: acting-out and working through.

для этого используются методы, ставящие под вопрос аристотелевское представление о мимесисе. Одним из таких методов является гротеск, позволяющий «разыграть» как переживание травматической ситуации, так и ее рефлексии. Этому способствует такое психолого-эстетическое свойство гротеска, как способность передавать сильные иррациональные эмоции. К основным принципам гротеска можно отнести: гипертрофированность и чрезмерность; парадоксальность сочетания добра и зла, смеха и страха, прекрасного и ужасного и т. п.; нестабильность образов и их незавершенность; пограничность состояния жизни и смерти, начала и конца¹. Важно отметить, что гротеск на этом уровне репрезентации воспринимается как намеренный прием.

Особое место для Германа занимает телесный гротеск М. Бахтина, так как через телесное режиссер показывает нам моральное. С одной стороны, гротеск призван показать реальность: страх, непонимание, предательство и жестокость. С другой — именно благодаря двойственной структуре гротеска — соединение противоположных (часто противопоставленных друг другу, по сути бинарных оппозиций) образов — удается спровоцировать эффект катарсиса, который происходит в момент чрезмерности переживаемого.

«Трудно быть богом» аллегорически описывает знаковые моменты советской системы, но все же делает акцент на сегодняшнем дне. Этот фильм благодаря описанному временному сдвигу можно воспринимать как то, что было, то, что есть, и то, что будет.

Сама трагедия и наследуемая травма не столько в ужасах, творимых советским правительством, сколько в результатах: советской системе удалось создать «нового» человека, который не хочет снимать колодки. Румата кричит: «Я же велел снять колодки! Почему вы не снимаете колодки?»² Герман дает ответ, показывая сцену с освобожденным рабом, который падает и умирает. Это будет уже другое человечество.

¹ См. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990; *Эко У.* История уродства. М.: Слово, 2007; Bloom H. (Ed.) *The Grotesque*. New York: Infobase Publishing, 2009; *Carroll N.* *Minerva's Night Out: Philosophy, Pop Culture, and Moving Picture*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013; *Chao Sh.-L.* *Rethinking the Concept of the Grotesque: Crashaw, Baudelaire, Magritte*. London: Legenda, 2010; *Jennings L.B.* *The Ludicrous Demon: Aspects of the Grotesque in German Post-Romantic Prose*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1963; *Kayser W.* *The Grotesque in Art and Literature*. Bloomington: Indiana University Press, 1963.

² «Трудно быть богом». Реж. Алексей Герман. Румата.

«Новые» и «старые» праздники в украинской политике памяти после 2014 года¹

События украинского политического кризиса 2013–2014 годов привели к смене украинских элит и повлекли за собой серьезные изменения в общественном и политическом дискурсе. Пришедшая к власти контрэлита также кардинально изменила политику памяти по сравнению с периодом президентства В. Ф. Януковича. Ее основной вектор был ориентирован на несколько основных точек сборки нового символического господства, таких как: усиление обращения к тематике евроинтеграции и европейскости Украины, националистический дискурс и разрушение артефактов и практик советского прошлого. Если в условиях кризиса и активного политического противостояния 2014 года борьба с «советским» и формулирование нового языка разговора о прошлом во многом происходили спонтанно, то в последующий период работа с памятью вошла в институциональное русло и поддерживалась и координировалась правительством Украины².

Важным элементом новой политики памяти является реформативное государственное регулирование над режимом календаря и праздничными датами. Ключевое место в создании проекта нового календаря праздников занимает такой важный актор украинской политики памяти, как Украинский институт национальной памяти. В период В. Ф. Януковича данная институция носила статус научного института, но в июле 2014 года постановлением правительства он был реформативен и получил статус «центрального органа исполнительной власти по реализации государственной политики в сфере восстановления и сохранения национальной памяти, деятельность кото-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00099.

² Гайдай А. Ю., Любарец А. В. «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепрпетровска, Запорожья и Харькова) // Вестник Пермского университета. Вып. 2 (33). С. 32–35.

рого направляется и координируется Кабинетом Министров Украины через Министра культуры»¹.

Его возглавил основатель Центра исследований освободительного движения экс-директор архива СБУ В. М. Вятрович. Украинским институтом национальной памяти (далее — УИНП) был инициирован законопроект «О государственных и других праздниках, памятных датах и траурных днях», который предполагает кардинальное изменение календаря праздничных дат. Данный документ породил дискуссию вокруг существующих праздников и необходимости их изменения². Вместе с тем, помимо деятельности УИНП, ряд действий по изменению положения праздников на Украине уже был предпринят со стороны президента П. А. Порошенко. В данной работе будет рассмотрен вопрос о том, как власть реализует свою политику по отношению к новым и старым праздникам, их празднованию, смысловой составляющей. Для этого были поставлены следующие вопросы: как инкорпорировались «новые» и переформатировались «старые» праздники? Что государственная политика в отношении праздников может сказать о символическом поле современной Украины?

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА

Для ответа на данные вопросы была использована концептуальная рамка символической борьбы П. Бурдьё, которая позволяет нам интерпретировать действия политической элиты, включенной в символическую борьбу за навязывание определенного социального мира, в наибольшей мере отвечающего ее интересам. При этом поле идеологических взглядов воспроизводит в превращенной форме поле социальных позиций. Таким образом, анализируя символическую борьбу, мы видим и то, как протекает процесс изменений социальных и символических практик украинских элит.

Они могут вести эту борьбу напрямую, через символические конфликты в повседневных практиках, по поводу дискуссий о необходимости праздновать те или иные праздники, переименования улиц,

¹ Кабінет Міністрів України Постанова від 9 липня 2014 р. № 292 «Питання Українського інституту національної пам'яті». URL: zakon4.rada.gov.ua/laws/show/292-2014-п/

² Проект закону України «Про державні та інші свята, пам'ятні дати і скорботні дні» // Официальный сайт института национальной памяти. URL: www.memory.gov.ua/laws/proekt-zakonu-ukraini-pro-derzhavni-ta-inshi-svyata-pam-yatni-dati-i-skorbotni-dni (дата обращения: 14.07.2017).

скверов, городов. Либо «по доверенности», через борьбу, в которую вступают специалисты символического производства, как это происходит с деятельностью УИНП¹.

ДАННЫЕ

В качестве материала для анализа были использованы нормативно-правовые акты 2014–2017 годов, связанные с регулированием праздничных дат и нерабочих дней; решения государственного комитета телевидения и радиовещания Украины; законопроект по изменению праздничного календаря «О государственных и других праздниках, памятных датах и траурных днях» и др.

АКТУАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СУЩЕСТВОВАВШЕГО КАЛЕНДАРЯ ПРАЗДНИКОВ

Вопрос аргументации сторонников изменения календаря будет проиллюстрирован на примере аргументов, изложенных в качестве обоснования необходимости принятия законопроекта УИНП «О государственных и других праздниках, памятных датах и траурных днях». Положения распространяются на аргументацию всех сторонников изменений. Можно выделить несколько основных объяснительных моделей того, почему изменение календаря праздников является существенным и необходимым.

Во-первых, сочетание советских праздников и праздников новой украинской государственности не способствует конструированию национальной идентичности украинского народа. Вместе с тем в документе содержится положение о том, что он призван способствовать восстановлению и сохранению традиции украинского народа, ощущению каждым гражданином своей причастности к истории национальной общности и созданию ее будущего, что опять же возвращает нас к вопросу о конструируемом примордиализме. Данный законопроект является прекрасным примером того, как в языке авторов одновременно уживаются конструктивизм и эссенциализм, когда в одной части документа говорится о конструировании идентичности украинцев, а в другой — о примордиальной традиции народа².

Во-вторых, необходимость изменения праздников оправдывается положением «военного противостояния и информационной агресс-

¹ Бурдьё П. Социология социального пространства СПб.: Алетейя, 2007. С. 92–93.

² Сюни Р.Г. Конструируя примордиализм: старые истории для новых наций // Антропология социальных перемен. М.: РОССПЕН, 2011. С. 52–86.

сии», при которых необходимо консолидировать общество за счет исторического прошлого, традиций и общих ценностей.

В-третьих, особая роль государственных праздников состоит в том, чтобы стать фактором восстановления исторической памяти украинского народа, источником гражданско-патриотического становления общества и формирования чувства гордости за выдающихся украинцев, внесших значительный вклад в возникновение и утверждение государственности.

В-четвертых, в качестве результатов законопроекта заявлено следующее положение: придать вес событиям национальной истории и культуры; ослабить влияние «идеологического наследия тоталитарного советского времени»; сформировать направления развития государственной исторической политики в государственном строительстве.

Но вместе с тем корни проблемы нынешнего состояния календаря праздников, по мнению авторов законопроекта, лежат не столько в отсутствии прописанных процедур утверждения праздников, сколько в разных понятиях, используемых в законодательстве для их обозначения. Более того, глубинная причина сложившегося положения дел связана с проблемами гражданской сознательности и украинской исторической науки: «...детерминированной факторами инертности в трактовке и восприятии исторических событий. Прежде всего, это связано с проблемами становления национальной исторической мысли в противовес советской исторической традиции»¹.

Таким образом, данный законопроект выдвигает претензии к научному сообществу историков за слишком долгое следование советской научной традиции, к общественности — за инертность и отсутствие сильной эмпатии к истории и историческим событиям, и к государственной машине, которая вместе с обществом инертна и не осознает проблемы политики памяти и упорядочивания праздников. Авторы данного документа ставят перед ним цели восстановления и сохранения национальной памяти украинского народа, преодоления коммунистических идеологем и колониальных стереотипов, привлечение Украины к евроинтеграционным процессам². Как уже было отмечено, совокупность аргументов, связанных с необходимостью изменения

¹ Проект закону України «Про державні та інші свята, пам'ятні дати і скорботні дні» // Официальный сайт института национальной памяти. URL: www.memory.gov.ua/laws/proekt-zakonu-ukraini-pro-derzhavni-ta-inshi-svyata-pam-yatni-dati-i-skorbotni-dni (дата обращения: 14.07.2017).

² Там же..

календаря, представляет собой, в сущности, набор основных положений современной политики памяти.

Этот документ вместе с тем не обходится без прагматики и описывает сложившееся на Украине положение вещей в сфере государственных праздников: отмечается спонтанность и нелогичность того, как утверждаются праздничные дни, критикуется, что праздники и памятные даты могут вводиться законами, указами президента Украины, постановлениями Верховной рады и другими способами, фиксируется, что данная сфера должным образом не структурирована и не упорядочена. Суть прагматической стороны изменений состоит в стремлении к сокращению затрат от праздников и увеличению рабочих дней, вместо 11 праздничных выходных, существовавших в разных комбинациях до 2017 года, планируется оставить 9. Вместе с тем важным вопросом оказывается предложенная практика отмены переноса выходного на понедельник, если праздник выпадает на выходные дни, что может сократить число праздничных дней до шести.

ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КАЛЕНДАРЯ

14 октября 2014 года указом президента П. А. Порошенко «с целью чествования мужества и героизма защитников независимости и территориальной целостности Украины, военных традиций и побед украинского народа» День защитника Украины был перенесен с 23 февраля на 14 октября, а в следующем 2015 году День защитника Украины стал выходным днем¹. Эта дата связана с ключевым мифом основания Украины — казачьим мифом (14 октября 1999 года президент Леонид Кучма объявил Днем украинского казачества), а также с важным православным праздником Покрова Пресвятой Богородицы. Еще до объявления его праздничным днем он ежегодно отмечался представителями националистических взглядов как день создания Украинской повстанческой армии².

9 апреля 2015 года Верховной радой Украины был принят пакет из четырех «мемориальных» законов, которые были призваны легализовать разрушение и вытеснение с поля символической политики советского

¹ Указ президента України Про День захисника України // Официальный сайт Верховной рады. URL: zakon3.rada.gov.ua/laws/show/806/2014 (дата обращения: 14.07.2017); Про внесення зміни до статті 73 Кодексу законів про працю України // Официальный сайт Верховной рады. URL: zakon2.rada.gov.ua/laws/show/238-19 (дата обращения: 14.07.2017).

² Плохий С. Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій. К.: Laurus, 2013. С. 400–401.

ностальгического нарратива и его потенциальную замену на национальный/националистический¹. Один из этих законов «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов» ввел новый праздник 8 мая «День памяти и примирения» с целью чествования памяти всех жертв Второй мировой войны².

Также был восстановлен в качестве выходного отмененный В. Ф. Януковичем День соборности Украины, приобретший после событий 2014 года дополнительный набор смыслов, отраженных в лозунге «Украина — единая страна»³.

МОДЕЛИ РАБОТЫ С ПРАЗДНИКАМИ

Сегодняшняя ситуация с «новыми» и «старыми» праздниками в современной Украине во многом схожа с праздниками в советский период 1920-х годов, когда одновременно праздновались и старые дореволюционные религиозные праздники, и новые советские. В настоящий момент мы видим, что властями были использованы несколько различных моделей работы с праздниками.

Во-первых, это традиционный путь вытеснения старых праздников путем утверждения новых в календарной близости от них. Ярким примером тому является День памяти и примирения 8 мая vs День Победы 9 мая, когда последний оказывается вытесняемым из общественного дискурса. В дальнейшем согласно законопроекту УИМП планируется изъять 9 мая из числа нерабочих дней. Подобную ситуацию стремятся реализовать и в отношении 8 марта, исключив его из списка выходных дней и при этом создав выходной день в честь 9 марта — дня рождения Тараса Шевченко. Данная дата была объявлена национальным шевченковским днем В. А. Ющенко в 2005 году, когда праздновалось 200-летие поэта.

Аналогично произошло с установлением нового ноябрьского праздника, им стал День Достоинства и Свободы, который был назначен на 21 ноября. Данный праздник выполняет функцию конституирования мифа основания современной политической истории

¹ Касьянов Г. В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая Экспертиза. URL: istorex.ru/page/kasyanov_gv_istoricheskaya_politika_i_memorialnie_zakoni_v_ukraine_nachalo_xxi_v (дата обращения: 14.07.2017).

² Про увічнення перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939–1945 років // Офіційний сайт Верховної ради. URL: zakon2.rada.gov.ua/laws/show/315-19 (дата обращения: 14.07.2017).

³ Указ Президента України Про День Соборності України // Офіційний сайт Верховної ради. URL: zakon3.rada.gov.ua/laws/show/871/2014 (дата обращения: 14.07.2017).

Украины и вместе с тем подхватывает недолговременную традицию празднования введенного В. А. Ющенко Дня Свободы, который с 2005 по 2011 год праздновался 22 ноября в честь победы «Оранжевой революции»¹.

Вторую модель можно обозначить как синтактическое переформатирование — это ситуация, когда происходит сохранение праздника, но он переносится в календаре, что приводит к выстраиванию новых связей с событиями прошлого. День защитника Отечества 23 февраля был перенесен на 14 октября. В рамках этой даты люди смогли выбрать более подходящую интерпретацию праздника в зависимости от спектра убеждений от Дня казачества и праздника Покрова до Дня УПА. Впрочем, можно отметить некоторую проблему в связи с тем, что происходит его наложение на «День Вооруженных Сил Украины», который отмечается 6 декабря. Для части общества данный день ассоциируется с днем УПА ввиду того, что задолго до 2014 года он активно использовался националистическими силами как повод для манифестаций.

Третья модель работы с праздниками связана со смысловым переосмыслением праздника, ее можно определить как семантическое переформатирование. В число таких праздников и памятных дат входят: День соборности Украины, памятные мероприятия, посвященные бою под Крутами, День памяти жертв голодоморов и др. Все эти памятные даты и праздники фокусированы властью на обеспечение символического единства страны и неразрывно связаны с репрезентацией Чужого, который на это единство посягает.

Четвертая модель работы с праздниками — это забвение, которое является важным фактором в нацистроительстве. Эрнест Ренан в своей лекции «Что такое нация?» говорил о том, что «забвение, я бы даже сказал — искаженное восприятие собственной истории, — это существенный фактор в процессе формирования нации; вот почему прогресс исторических знаний нередко таит угрозу для национальности». Подобная модель взаимодействия с прошлым как полное забвение и исключение из числа праздников, как это случилось с 7 ноября, имеет отношение к 1 и 2 мая, 8 марта, 9 мая, 23 февраля, 22 июня. Подобную точку зрения последовательно развивает УИМП в ультимативной манере, отстаивая позицию избавления от всего советского

¹ Указ президента України № 872/2014 Про День Гідності та Свободи // Офіційний сайт президента України. URL: www.president.gov.ua/documents/8722014-18001 (дата обращения: 14.07.2017).

периода истории и участия в нем украинского народа. В предлагаемом нарративе украинцы в советский период оказываются жертвами (репрессий, голода, дефицита и пр.), при этом непричастными к тому, что происходило на территории УССР.

Такой запрос к истории делает привлекательным колониальный дискурс. В его рамках оказывается возможным пользоваться всеми позитивными благами, доставшимися от советского прошлого в плане искусства, научно-технического прогресса, промышленного потенциала, и одновременно негатив перекалывается на метрополию, советский центр, который, как большой Другой, абсолютизируется. Украинский народ, его региональные элиты, наоборот, репрезентуются как слабые и неспособные на самостоятельные действия. При этом происходит приватизация пространства, материальных и культурных индустрий, обладание которыми представляется как должное, в качестве расплаты за советскую и российскую «колониальную политику».

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

В целом ситуация с праздниками в современной Украине схожа с положением в СССР в период перехода от 1920-х к 1930-м годам, когда старорежимные праздники еще существуют, но вскоре окажутся под запретом. Если для Советского Союза (и советской Украины) решение проблемы праздников было во многом связано с религиозной проблематикой (борьба шла с православными праздниками, ритуалистикой, религиозной символикой), то для современной Украины — это борьба с советским наследием и уже его праздниками, ритуалами и сакральными объектами.

При этом методы замены больших религиозных праздников на советские и создание альтернативной советской гражданской религии в советский период во многом применимы к сегодняшнему дню. Отказ от «советского» побуждает к развитию украинской гражданской религии, связанной с культом жертв голода 1930-х годов, героизацией погибших в результате событий Евромайдана 2013–2014 годов, в АТО. В современной Украине ритуалистика и смысловая нагрузка «новых» праздников оказывается непроработанной, спонтанной и зачастую прямо использует шаблоны и модели, созданные в позднесоветский период.

Можно проследить тенденцию привнесения характерной для Украины виктимизации в календарь. В предложенном законопроекте предусмотрена такая правовая категория, как «скорбный (траурный)

день» — день памяти жертв трагических событий истории Украины¹. Отдельно стоит отметить, что крымские события подтолкнули украинские элиты инструментализировать трагические события депортации крымских татар. В постановлении Верховной рады от 12 ноября 2015 года трагическая дата начала депортаций — 18 мая — на Украине стала Днем памяти жертв геноцида крымско-татарского народа. Таким образом, мы видим, как государственная политика в отношении календаря может активно работать как во внутренней, так и во внешней политике.

¹ В их число включены: 1) День Героев Небесной Сотни — 20 февраля; 2) День памяти жертв аварии на Чернобыльской АЭС — 26 апреля; 3) День памяти жертв геноцида крымско-татарского народа — 18 мая; 4) День памяти жертв политических репрессий — третье воскресенье мая; 5) День памяти жертв коммунистического и нацистского тоталитарных режимов — 23 августа; 6) День памяти жертв Холокоста — 29 сентября; 7) День памяти жертв голодомора — геноцида украинского народа и массового искусственного голода — четвертая суббота ноября. Проект закону України «Про державні та інші свята, пам'ятні дати і скорботні дні» // Официальный сайт института национальной памяти. URL: www.memory.gov.ua/laws/projekt-zakonu-ukraini-pro-derzhavni-ta-inshi-svyata-pam-yatni-dati-i-skorbotni-dni (дата обращения: 14.07.2017).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ — СТАРЫЕ ОТВЕТЫ?

ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА ГОРБУНОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

Глобализация образования и транснационализация семьи в Тихоокеанском регионе

Развитие процессов транснационализации и глобализации привело к усилению образовательных обменов между странами. Тихоокеанский регион отличается крайне интенсивным уровнем миграций с целью образования, при этом его ключевой особенностью является то, что процесс глобализации образования сопровождается процессом транснационализации семьи.

Широкое распространение приобрел новый тип семьи, известный в англоязычной литературе как «astronaut family», «wild goose family» или «kirogi family», когда дети в сопровождении матери иммигрируют для получения школьного образования, а отец остается в родной стране, чтобы обеспечивать семью. При этом семья оказывается разделенной между двумя и более странами на значительный промежуток времени — до 12 лет. Процесс транснационализации семьи зародился в конце 1980-х годов, в связи с процессом глобализации, глобальной гегемонией английского языка, ростом азиатских экономик и развитием коммуникационных и транспортных технологий, а также упрощением процедуры выдачи визы. Поток образовательных мигрантов направлен в первую очередь в такие страны, как США, Канада и Австралия, то есть страны с общепризнанным высоким качеством образования и англоязычной средой. В качестве доноров в процессе обмена образовательными иммигрантами выступают, как

правило, Гонконг, Тайвань, материковый Китай и Южная Корея. В образовательные обмены вовлечено значительное количество человек: так, в одной только Южной Корее насчитывается около 500 тысяч семей-кироги и число растет приблизительно на 20 тысяч в год¹.

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СЕМЬИ: ВЗГЛЯД ИЗ СТРАНЫ-ДОНОРА

Готовность родителей жертвовать нормальными семейными отношениями ради образования детей обусловлена рядом факторов. Во-первых, это исторически сложившееся уважение к образованию, которое уходит корнями к конфуцианству. Следует отметить и готовность людей ставить семью выше личных интересов², подобное отношение также имеет глубокие исторические корни в странах Восточной Азии.

Во-вторых, это высокая конкуренция в образовательной системе. Главной целью, вокруг которой организована вся жизнь и школьника, и его семьи, считается поступление в престижный университет, что накладывает на учеников крайне высокий уровень нагрузки.

В-третьих, господствует представление о западном образовании как о более качественном и, соответственно, гарантирующем экономическое процветание. При этом особый акцент делается на изучении английского языка, поскольку свободное владение английским является необходимым условием для поступления в университет и в дальнейшем получения работы в крупных компаниях, а лучшим способом изучения английского языка считается пребывание в англоговорящей среде. Например, согласно имеющимся данным, 59% корейских семей считают учебу за рубежом необходимой частью образовательного процесса³.

Семьи-кироги избрали стратегию разделения между несколькими странами для решения экономических проблем. В принимающей стране иммигранты сталкиваются со значительными сложностями в поиске работы по специальности и невозможностью рассчитывать на заработок, сопоставимый с оплатой труда на родине. Чтобы обеспечить образование и проживание за рубежом, отцам приходится оста-

¹ *Хван С., Ким Д. С.* Феномен семьи-кироги в современной Корее // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 93.

² *Kim K.* Change and Challenge of Korean Family in the Era of Globalization: Centering Transnational Families // Journal of Ritsumeikan Social Sciences and Humanities. 2009. № 1. P. 172.

³ *Kim J., Agic B., McKenzie K.* The mental health of Korean transnational mothers: A scoping review // International Journal of Social Psychiatry. 2014. № 8 (60). P. 784.

ваться в родной стране. Как правило, семьи, которые выбирают данную стратегию, принадлежат к новому среднему классу, возникшему в результате роста азиатских экономик в 1980-х годах. Для них образование — важнейший фактор социальной мобильности. Отмечается, что транснационализация, первоначально характерная только для верхнего среднего класса — ограниченного числа предпринимателей и высокооплачиваемых профессионалов, — приобретает все большее распространение среди менее обеспеченных слоев населения¹. При этом различия в финансовом положении семей-кироги отражаются на количестве и качестве внутрисемейных контактов — от нескольких встреч в год до полного ограничения личного общения с отцами.

Взгляд из страны-реципиента

Образовательные мигранты оказывают значительное влияние на экономику принимающей страны, а также на местные этнические группы. В структуре экономики возникает ниша узкоспециализированных образовательных агентств, оказывающих услуги сопровождения образовательных мигрантов и управляющих постоянными мигрантами той же национальности. Это явление представляет собой форму этнического бизнеса, однако имеет ряд важных отличий от более традиционных форм. Во-первых, образовательные агентства находятся в технологичном секторе экономики, в то время как этнические предприятия, как правило, создаются в сфере услуг. Во-вторых, они не ограничиваются местным этническим сообществом, а несут транснациональный характер. Благодаря этому данная форма этнического бизнеса может стать основанием для экономического развития этнических групп. Например, корейское сообщество в Ванкувере продемонстрировало бурную экспансию в сфере образования, создав за короткий промежуток после упрощения процедуры выдачи образовательных виз корейцам порядка 120–140 образовательных или туристических агентств².

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СЕМЬИ: ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Разрыв семейных связей приводит к тяжелым психологическим последствиям для обеих сторон. У членов разделенных семей

¹ Kim K. Op. cit. P. 170.

² Kwak Min-jung. Immigrant Entrepreneurship and the Opportunity Structure of the International Education Industry in Vancouver and Toronto // Asian and Pacific Migration Journal. 2013. № 4 (22). P. 16.

наблюдается крайне высокий уровень стресса и депрессий¹. Среди отцов, на долгий период времени вынужденно разлученных с семьей, выше статистика самоубийств. Для матерей основную сложность представляют увеличившиеся обязанности, культурный и языковой барьер в незнакомой стране и чувство одиночества. В зоне риска также находятся дети; на их состояние негативно влияет недостаток времени с родителями. Отмечались случаи, когда из-за психологических проблем подростки начинали проявлять деструктивное поведение².

Однако вышесказанное не означает, что разделение всегда приводит к негативным последствиям для психологического состояния членов семьи. Некоторые исследования отмечают у родителей в разлученных семьях осознание общей миссии и мобилизацию ради успеха детей, что позволяет сохранять крепкие отношения между супругами³. В подобных случаях сохранение прочной связи положительно влияет на общий психологический фон в семье и помогает справляться с депрессией.

При этом многие женщины положительно воспринимают разделение семьи, так как становятся менее зависимыми от контроля со стороны супруга. С одной стороны, они получают больше возможностей для самореализации, а с другой — это не противоречит сложившимся культурным представлениям о роли женщины в семье. Дети и подростки, в свою очередь, отмечают меньшую конкуренцию в образовательной среде западных стран и, как следствие, меньше стрессов из-за успеваемости и более дружественные отношения с одноклассниками.

Тем не менее негативные последствия являются крайне опасными. Воссоединение семьи и восстановление семейных отношений также представляется серьезной задачей, связанной со значительными психологическими сложностями. В результате разделения семьи меняется традиционное распределение обязанностей между мужем и женой. При попытке воссоединить семью между старой и новой моделями семейных отношений возникает конфликт.

¹ Например, опрос 2012 года показал, что 70% отцов из семей-кироги страдают от депрессии: *Kim S.* «Wild Goose Fathers» Increasing, 70% Depressed, Malnourished // URL: www.koreabang.com/2013/stories/wild-goose-fathers-increasing-70-depressed-malnourished.html (дата обращения: 04.07.2017).

² *Zhou M.* «Parachute Kids» in Southern California: The Educational Experience of Chinese Children in Transnational Families // *Educational Policy*. 1998. № 6 (12). P. 683.

³ *Chang M. W., Darlington Y.* «Astronaut» Wives: Perceptions of Changes in Family Roles // *Asian and Pacific Migration Journal*. 2008. № 1 (17). P. 66.

Положение образовательных иммигрантов в принимающем обществе можно назвать особенным в том смысле, что эта группа населения находится в стране временно. У них нет стимулов к интеграции в принимающее общество, более того, зачастую на подростков, получающих образование в другой стране, оказывается давление со стороны семьи, чтобы те не перенимали западный образ жизни.

Несмотря на это, дети и подростки, выросшие в подобных семьях, как правило, испытывают значительные сложности с самоидентификацией. Существование между двумя культурами приводит к тому, что иногда человек не может соотнести себя ни с одной из них. Разнонаправленные стремления к аккультурации и к отказу от интеграции также приводят к значительным психологическим проблемам в семьях-кироги.

Тенденция к ослаблению государственных границ, высокая конкуренция в образовательной сфере ряда азиатских стран и высокое значение английского языка толкают значительное количество семей на иммиграцию с целью получения образования. В сочетании с экономическими сложностями, с которыми сталкиваются иммигранты в принимающих странах, это приводит к возникновению транснациональных семей. Это явление влечет за собой широкий круг последствий, начиная от влияния на экономическую ситуацию в принимающих регионах и заканчивая тревожным ростом психологических проблем и возникновением транснациональной идентичности. Однако на данный момент эти вопросы практически не затрагивались в русскоязычной литературе.

Транснациональные семьи не соответствуют традиционной концепции национальной идентичности, которая строится на принадлежности к какой-то территории, поскольку подобные семьи поддерживают связи с несколькими государствами одновременно. Более того, представители самих семей-кироги зачастую стремятся к формированию не национальной, а глобальной идентичности. Уже первые исследователи данного вопроса отмечали, что транснациональные семьи создают социальное пространство, пересекающее географические, культурные и политические границы¹. В некоторых более поздних работах космополитизм рассматривается не как побочный эффект, а как основная стратегия в эпоху глобализации². В настоящий момент уже

¹ Цит. по: *Chiang L.-H. N.* «Astronaut families»: transnational lives of middle-class Taiwanese married women in Canada // *Social and Cultural Geography*. 2008. № 5 (9). P. 508.

² *Abelmann N., Newendorp N., Sangsook L.-C.* East Asia's Astronaut and Geese Families // *Critical Asian Studies*. 2014. № 2 (46). P. 277–280.

можно говорить о возникновении и устойчивом функционировании феномена «гибкого гражданства», который позволяет аккумулировать экономический и культурный капитал вне ограничений, накладываемых государственными границами. Дальнейшее исследование данной проблематики представляется актуальным.

ГЕОРГИЙ АНДРЕЕВИЧ ФИЛАТОВ

Московская высшая школа
социальных и экономических наук,
программа «Международная политика»

Возможные действия России в случае прихода оппозиции к власти в Венесуэле

Ухудшение внутривнутриполитической ситуации в Венесуэле ставит перед руководством России вопрос, как сохранить достигнутый уровень двусторонних отношений в случае прихода к власти в стране оппозиции. Поддержание отношений с Каракасом имеет большое значение для Москвы по двум причинам: экономической и политической. С экономической точки зрения Венесуэла — одна из немногих стран, в товарообороте с которыми у России преобладает продукция машиностроения — 80% экспорта в 2014 году¹. Даже если исключить из этой статистики вооружение, доля машиностроения в поставках в Венесуэлу все равно будет составлять больше 50%². Во-вторых, для Москвы имеет большое значение политическая линия, проводимая Каракасом на международной арене: Венесуэла последовательно выступала в поддержку российских интересов, так, Каракас признал независимость Абхазии и Южной Осетии, проголосовал против антироссийской резолюции ООН по Крыму.

Россия уже имеет опыт по сохранению отношений со странами Латинской Америки, в которых к власти пришла оппозиция. В Аргентине в ноябре 2015 году на президентских выборах победил оппозиционный кандидат Маурисио Макри. Во время предвыборной кампании он заявлял, что может пересмотреть контракты, заключенные в период президентства Кристины Фернандес де Киршнер с Россией и Китаем³. Однако позже наиболее важные договоренности были

¹ Данные Федеральной таможенной службы. URL: stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:2526252371241924::NO.

² Подробнее см.: *Золотова Е.В.* Особенности российско-венесуэльского сотрудничества: проблемы и перспективы // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2014. № 1–2 (9). С. 112.

³ *Dinatale M.* Macri advierte que podría vetar los contratos de Cristina con China y Rusia // La Nación. 19.11.2015. URL: www.lanacion.com.ar/1846814-macri-advierde-que-podria-vetar-los-contratos-de-cristina-con-china-y-rusia.

подтверждены. Так, летом 2016 года Аргентина и Россия подписали договор о финансировании проекта крупной гидроэлектростанции, в строительстве которой участвуют российские компании¹, продолжаются переговоры по возведению новых энергоблоков атомных электростанций российской корпорацией «Росатом»², удалось возобновить вещание российского канала RT³, хотя летом 2016 года оно было прекращено⁴.

Для ответа на вопрос, какие действия наиболее оптимальны для сохранения установленных с Венесуэлой отношений, необходимо рассмотреть ситуацию на нескольких уровнях. Первый — уровень государства как единого рационального актора (*single rational actor*). Второй — изучение интересов и позиций различных политических групп внутри Венесуэлы. Третий — контакты с отдельными лицами и возможность использовать частное влияние в Венесуэле: с кем из представителей оппозиции или близких к ней влиятельных участников венесуэльской политики можно было бы вести переговоры о сохранении имеющихся договоренностей.

За время нахождения чавистов у власти уровень отношений между Каракасом и Москвой поднялся до небывалых высот. Так, если в 2004 году торговый оборот был 0,034 млрд долларов США, то на своем пике в 2013 году он достиг 2,5 млрд долларов США⁵. Этот задел может способствовать сохранению российского присутствия в Венесуэле.

Значительную часть торговли составляло оружие. В среднем его поставки достигали более 50% товарооборота между странами в пиковый 2013 год. И хотя новых контрактов ожидать не приходится, уже поставленное вооружение создает основу для выстраивания отношений с возможным новым правительством. Резкое прерывание сотрудничества со страной-поставщиком вызовет необходимость искать

¹ Acuerdo oficial por Chihuido I. // La Nación. 30.06.2016. URL: www.lanacion.com.ar/1923258-acuerdo-oficial-por-chihuido-i.

² Samela G. La Argentina negocia una nueva central nuclear con una empresa estatal rusa // Clarín. 19.06.2016. URL: www.ieco.clarin.com/economia/Argentina-central-nuclear-empresa-estatal_0_1598240204.html.

³ Relanzaron el canal ruso RT en la Argentina // Télam. 19.09.2016. URL: www.telam.com.ar/notas/201609/163657-pinedo-y-lombardi-destacaron-el-relanzamiento-del-canal-ruso-rt-en-la-argentina.html.

⁴ Argentina Announces Suspension Of Russia's RT TV Broadcasts // Radio Free Europe. 11.06.2016. URL: www.rferl.org/a/argentina-announces-suspension-russian-state-rt-news-broadcasts/27791747.html.

⁵ Данные Федеральной таможенной службы. URL: stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:2526252371241924::NO.

других игроков, готовых обслуживать это вооружение либо полностью заменять его на новое. Однако цена такой смены может быть очень велика.

В случае Венесуэлы речь идет об очень серьезной зависимости. Некоторые виды войск практически полностью перешли на технику российского производства, исключение составляет лишь флот¹. Почти все сухопутные войска и ВВС используют российское оружие: из 173 основных боевых танков, находящихся на вооружении, 92 — это Т-72М1М²; все 237 БМП — российского производства; из 60 САУ — 48 «Мста-С», из 52 вертолетов — 34 произведены в России. В ВВС схожая ситуация: из 95 самолетов истребительной авиации — 24 Су-30МКВ. ПВО Венесуэлы также состоит в подавляющем большинстве из российских систем.

Все это стоило стране около 10 млрд долларов³. И это при том, что годовой военный бюджет Венесуэлы в 2015 году составил 1,5 млрд долларов. В случае прихода к власти оппозиции и начала реформ закономерно предположить, что первые несколько лет новое руководство не будет заниматься перевооружением армии.

Это связано с тем, что альтернативным поставщиком ряда видов техники могут выступить только США, которые не просто производят технику всей номенклатуры, но и изготавливают ее в достаточном количестве. Однако ее стоимость в несколько раз выше российской. Так, например, стоимость одного американского танка Abrams M1A1 составит 5 млн долларов⁴, в то время как стоимость нового Т-90С составляет чуть более 3 млн долларов⁵. Если рассматривать самолеты, то стоимость F-15SA в случае с недавним контрактом для Саудовской Аравии составила 200 млн долларов за штуку⁶, в то время

¹ Все данные приведены по: The Military Balance. The annual assessment of global military capabilities and defense economics 2016. IISS. 2016. P. 415–417.

² Остальные являются устаревшим французским танком AMX-30V.

³ Глава Минобороны Венесуэлы: российское оружие усилило армию Венесуэлы // ТАСС. 11.02.2015. URL: tass.ru/politika/1761504.

⁴ Для примера взят контракт на поставку танков в Марокко: Kingdom of Morocco — M1A1 SA Abrams Tank Enhancement, Support and Equipment. URL: www.dsca.mil/major-arms-sales/kingdom-morocco-m1a1-sa-abrams-tank-enhancement-support-and-equipment.

⁵ Для примера мы взяли стоимость поставки танков Алжиру и Туркмении: Полторы сотни танков Т-90С будет поставлено в Алжир и Туркмению // Ведомости. 14.02.2012. URL: www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/02/14/500_mln_na_tankah.

⁶ Phillips M. Royal Pain // Bloomberg Business. 08.01.2016. URL: www.bloomberg.com/news/articles/2016-01-07/iran-relations-one-of-saudi-arabia-s-many-problems.

как Су-30МКВ обошелся Венесуэле в 60 млн долларов¹. Сохранение военно-технического сотрудничества с Москвой, таким образом, в сложившейся ситуации явно находится в интересах Венесуэлы независимо от того, какое правительство окажется у власти.

Еще одна сфера, в которой интересы Москвы и Каракаса совпадают — это организация производства техники. Так, в страну поставляют свою продукцию российские автопроизводители «КАМАЗ»² и «ЛАДА». Первая компания не просто поставляет Каракасу готовую технику, но и осуществляет программу локализации ее производства. При поддержке «КАМАЗа» создано автобусное производство на основе поставляемых шасси, что обеспечивает рабочие места для местного населения³. И хотя сейчас здесь отмечается относительно низкая для этой страны безработица (8,6%)⁴, в случае проведения неолиберальных реформ, к которым тяготеет античавистская оппозиция, этот показатель может возрасти. Поэтому сотрудничество с российскими компаниями, создающими рабочие места, должно быть в интересах любого правительства Венесуэлы.

Для России важным пунктом сотрудничества с Венесуэлой является экспорт оборудования для производства электричества. С 2011 года компания «Интер РАО» поставила в эту южноамериканскую страну 13 газотурбинных установок. Создание электрогенерирующих мощностей в Венесуэле — одна из острейших проблем. В свое время страна сделала ставку на строительство ГЭС и получение электричества за счет воды⁵. Однако климатические условия в регионе ставят венесуэльскую электроэнергетику в зависимость от засушливых и дождливых сезонов — они влияют на наполнение водохранилищ, питающих ГЭС. В связи с этим появляется еще одна точка совпадения интересов двух стран: Россия может помочь Венесуэле с решением этой проблемы, обеспечив своевременную и быструю поставку данного оборудования.

На уровне групповых интересов необходимо понять, с какими группами и партиями внутри оппозиционного блока будет лег-

¹ Данные SIPRI: Transfers of major conventional weapons: sorted by supplier. Deals with deliveries or orders made for year range 2000 to 2015.

² «КАМАЗы» востребованы на внешних рынках. 25.02.2014. URL: www.kamaz.ru/press/releases/kamaz_vostrebovany_na_vneshnikh_rynках/?sphrase_id=987419.

³ Там же.

⁴ Данные Всемирного банка за 2014 год. URL: data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=VE.

⁵ Key world energy statistics. 2006. URL: web.archive.org/web/20070709212140/http://www.iea.org/dbtw-wpd/Textbase/nppdf/free/2006/key2006.pdf.

че всего выстроить диалог. Оппозиция разделяет ярко выраженные проамериканские взгляды. С одной стороны, это проистекает из идеологической позиции, согласно которой все, что делается правительством чавистов, не подходит для страны. Под это подпадает и сотрудничество с российскими компаниями. В мае 2016 года парламент предупредил, что не будет считать законными никакие контракты с иностранными компаниями, заключенные правительством без его одобрения¹. В частности, речь шла о контракте венесуэльской государственной нефтяной компании PDVSA с «Роснефтью». Необходимо отметить, что оппозиция критикует и договоры с компаниями из других стран, например с канадской золотодобывающей компанией Gold Reserve². Поэтому считать их заявления знаком особого отношения к российским компаниям не приходится.

Вместе с тем ряд документов и заявлений, сделанных оппозицией по поводу внешней политики, позволяет рассчитывать на то, что в конце концов конструктивный подход при выстраивании отношений между государствами возобладает и национальные интересы государства окажутся важнее позиций отдельных политических групп. В 2011 году руководство оппозиционного объединения — «Круглого стола демократического единства» — приняло документ «Основы для внешней политики государства»³. В нем в качестве краткосрочных целей оппозиция четвертым пунктом обозначала «укрепление связей с Россией, Индией и Китаем и соглашений, подписанных с этими странами». Об отношениях с США в этом документе не говорилось ничего.

«Круглый стол демократического единства» — это объединение 18 довольно различных политических партий. Общее у них в основном лишь то, что все они выступают против нынешнего правительства. В связи с этим следует более внимательно рассмотреть, какие группы внутри оппозиции играют важную роль и какие могли бы поддержать сохранение отношений с Россией на прежнем уровне.

Третьей по важности группой в «Круглом столе демократического единства» является партия «Новое время», представители которой получили 19 мест в парламенте. В ее программе представлен ряд положений, которые совпадают с российскими интересами в Венесуэле,

¹ Parlamento venezolano dice serán nulos acuerdos internacionales sin su aval // Reuters. América Latina. 26.05.2016. URL: lta.reuters.com/article/domesticNews/idLTAACN0YH2J3.

² Ibid.

³ Bases para una Política Exterior de Estado. URL: www.unidadvenezuela.org/wp-content/uploads/downloads/2011/08/BASESPARAUNAPOLITICAEXTERIORDEESTADO.doc.pdf.

что позволяет создать почву для сохранения отношений с Каракасом. В частности, диверсификация экономики определяется как наиболее важный элемент развития страны. Признается большое значение инвестиций зарубежных компаний и особенно выделяется необходимость передачи Венесуэле технологий¹. Нынешнее участие России в экономических проектах в Венесуэле, о котором говорилось выше, согласуется с этими требованиями. Российские компании охотно идут на сотрудничество в области организации совместного производства, а также передачи части технологий — в качестве примера приводилась корпорация «КАМАЗ». Именно на эти выгоды от сотрудничества России с Венесуэлой логично делать упор при переговорах с данной партией. «Новое время» входит в «Социалистический интернационал», и установление первых контактов также имеет смысл начать с межпартийного общения.

В эту структуру входит и вторая по числу полученных мест в парламенте фракция (25) — «Демократическое действие» (Acción Democrática). Для налаживания первоначальных контактов с этой партией можно использовать международные связи «Демократического действия». Партия входит в международный «Социалистический интернационал», в котором состоит также российская партия «Справедливая Россия»². В связи с тем, что она имеет хорошие отношения с российской властью, представляется важным интенсифицировать совместную работу обеих партий в этой организации. Это позволило бы заложить основу для контактов между парламентскими партиями двух стран и, соответственно, сделать более приемлемым для «Демократического действия» общение с Россией.

Несмотря на стремление оппозиции провести серьезную ревизию всего, что было сделано в период правления чавистов (в первую очередь это касается, правда, внутренней политики и лишь затем внешней), отдельные ее представители выражают взгляды, которые совпадают с российскими интересами в Венесуэле. Так, один из лидеров оппозиционного движения Леопольдо Лопес не раз говорил о важности многополярного мира³, что соответствует взглядам Москвы

¹ Un Nuevo Tiempo es Democracia Social. P. 10–11. URL: partidounnuevotiempo.org/inicio/index.php/descargas-unt/category/1-documentos.

² Member parties of the socialist international. URL: www.socialistinternational.org/viewArticle.cfm?ArticleID=1780.

³ Leopoldo López: nuestra política exterior será impulsar la exportación «made in Venezuela». URL: www.noticias24.com/venezuela/noticia/82531/lopez-apunta-a-una-nueva-institucionalidad-construida-por-millones-en-la-mejor-venezuela.

на оптимальную структуру международных отношений. В сентябре 2015 года Лопес был приговорен к 13 годам заключения за подстрекательство к мятежу и терроризм, поэтому сейчас его роль среди античавистских сил скорее символическая. Однако в случае победы оппозиции на президентских выборах стоит ожидать его освобождения, после чего Лопес может занять важный пост в новом правительстве. Его взгляды на международные отношения соответствуют декларируемой Москвой позиции, что создает общую почву для налаживания отношений.

Одним из наиболее важных лиц в оппозиции является лидер партии «За справедливость» Энрике Каприлес, губернатор штата Миранда, наиболее вероятный кандидат в президенты от объединенных сил античавистов. Налаживать отношения с ним можно начать заранее. Например, возможно его приглашение на неофициальное мероприятие в России. Это приглашение должно исходить от негосударственных структур, так как в противном случае этот поступок вызовет недовольство представителей нынешней власти в Венесуэле. Поэтому имеет смысл попытаться установить контакты на неофициальном уровне: например, через российское научное сообщество, которое занимается изучением проблем Латинской Америки. Примечательно, что такая попытка, по всей видимости, уже предпринималась. В 2015 году Каприлесу было направлено приглашение на крупную иbero-американскую конференцию, которая проходит раз в два года в Санкт-Петербурге. Потом это приглашение было отозвано¹. К сожалению, нам не известны подробности этого инцидента. Такой визит, однако, в перспективе мог бы положительно сказаться на отношениях России с новыми властями Венесуэлы, во главе которых с большой вероятностью будет стоять Каприлес.

Другой отправной точкой для диалога с Каприлесом может стать его происхождение. Он выходец из еврейской семьи, его предки пострадали в результате холокоста: некоторые из его родственников погибли в концентрационных лагерях, а родная бабушка выжила в варшавском гетто². В связи с этим при ведении переговоров с ним можно упомянуть, что именно советские войска первыми начали освобождать пленников нацистских концентрационных лагерей. Конечно,

¹ *Kostyuk R.* After Venezuela's parliamentary elections, its ties with Russia at risk // *Russia Direct*. 08.12.2015. URL: www.russia-direct.org/opinion/after-venezuelas-parliamentary-elections-its-ties-russia-risk.

² *Capriles le pide a Chávez que respete sus orígenes* // *La Nación*. 08.08.2012. URL: www.lanacion.com.ar/1497258-capriles-le-pide-a-chavez-que-respete-sus-origenes.

этот момент имеет скорее символический характер, однако такие шаги помогают устанавливать благоприятный личностный климат в отношениях с людьми, от которых во многом зависит и внешняя политика страны.

Помимо непосредственных руководителей оппозиции имеет смысл налаживать контакты и с менее высокопоставленными представителями античавистских сил. Среди довольно разношерстного оппозиционного объединения существуют партии, организации и конкретные личности, которые раньше разделяли левые взгляды, но в какой-то момент оказались либо против власти Чавеса, либо против его преемника Мадуро. Выстраивание контактов с такими людьми на личностном уровне имело бы значение для прояснения ситуации и позиции нашей страны, а также открывало бы доступ к более высокопоставленным членам оппозиции.

В качестве примера можно привести члена партии «За справедливость», депутата Национальной ассамблеи Исмаэля Гарсиа. С 1973 по 2002 год он был членом «Движения к социализму» (Movimiento al Socialismo). В середине 1980-х годов учился на Кубе в «Школе рабочего центра имени Лазара Пенью», которая готовила профсоюзных деятелей различных стран региона. В начале правления Чавеса он активно его поддерживал, но разошелся с ним по идеологическим причинам. Основал свою собственную партию «Можем» (Podemos), из которой тоже вышел, когда большинство ее членов решили вернуться к поддержке чавистов. Однако прошлое Гарсиа может способствовать контактам с российскими представителями, и через него можно было бы устанавливать связи с новым руководством Венесуэлы.

Таким образом, в случае прихода к власти в Венесуэле оппозиционных сил наиболее широкий простор для действий по установлению связей представляет межгосударственный уровень. В первую очередь это касается сферы военно-технического сотрудничества: поставленную Москвой технику необходимо обслуживать и обучать экипажи. Для России же большое значение имеет поставка продукции машиностроительной отрасли (машины, энергетическое оборудование), а также участие в разработках нефтяных месторождений Венесуэлы.

Уровень организаций и личностный уровень кажутся намного более сложными путями для поиска точек соприкосновения. Оппозиция, представляющая собой широкую коалицию различных сил, включает в себя и группы, которые сотрудничают с некоторыми российскими партиями в международных организациях. Начинать вы-

страивать отношения с ними имеет смысл именно на этом уровне. На личностном уровне были выявлены лишь общие позиции Москвы и некоторых руководителей античавистских сил, которые во многом носят скорее символический характер и могут лишь дополнить экономические рычаги. В связи с этим в случае прихода к власти оппозиции оптимальным представляется концентрировать усилия в первую очередь на уровне национальных интересов Венесуэлы. При аккуратном подходе это может помочь сохранить уровень отношений между двумя странами.

ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА КЛИМОВА
Кафедра международной политики
и зарубежного регионоведения
Школы публичной политики
Института общественных наук РАНХиГС

Опыт европейской интеграции и вызовы сепаратизма

Вопрос, что представляет собой европейская интеграция, занимал и продолжает занимать многих людей. К этой проблеме обращаются специалисты самого разнообразного профиля — политологи, социологи, экономисты, историки и т. д., она интересует и политиков, и бизнесменов, и, наконец, простых граждан ЕС. Очевидно, что европейский интеграционный процесс любопытен и сам по себе, и как своеобразная экспериментальная площадка апробации теорий постиндустриального развития. 25 марта 2017 года страны Европейского союза отметили 60-летний юбилей евроинтеграции. Конечно, этот процесс начался задолго до подписания Римских договоров, но и за этот формальный период история проекта оказалась полна взлетов и падений. Последние 10–12 лет были непростым временем для Европейского союза: провал принятия Конституции, экономический кризис, Brexit и т. д. Многие из этих вызовов носят системный характер и заставляют и практиков, и теоретиков наднациональной интеграции пересматривать ее основы.

Все эти теоретические и практические переосмысления в основном протекают в концептуальном пространстве, которое А. Винер и Т. Диез метко назвали «мозаикой интеграционной теории»¹. За истекшие 60 лет европейской интеграции общей теории региональной интеграции не сформировалось. Напротив, мы можем говорить о параллельной трансформации организационной структуры европейского проекта и теоретических подходов к его изучению. Это совпадение отметили и систематизировали Винер и Диез. С их точки зрения развитие теории региональной интеграции, если исключить протоинтеграционный период, может быть разделено на три этапа: объяснение интеграции (с 1960-х годов); анализ управления

¹ Wiener A., Diez T. *European Integration Theory*. New York: Oxford University Press, 2004. P. 19.

(с 1980-х годов); конструирование ЕС (с 1990-х годов)¹. Как отмечает М. В. Стрежнева, эта периодизация заслуживает внимания, поскольку тесно связана с институциональной эволюцией ЕС². Действительно, сама идея интеграционного объединения и сложное обсуждение роли национального и межправительственного функционала в его рамках вызвали к жизни дискуссию между сторонниками межправительственного похода (построенного на примате государства)³ и неофункционализма (опирающихся на идею «перелива» — интеграционного мультипликатора)⁴. Структурные изменения в 1980-е годы во многом привели к тому, что исследователей заинтересовал прежде всего вопрос «европеизации» институтов управления. Концептуальным ответом стало появление теории многоуровневого управления⁵. Учреждение Европейского союза договором 1992 года способствовало как развитию дискуссии между различными направлениями теории многоуровневого управления, так и появлению значительного корпуса конструктивистских исследований. Последние уделяют внимание не столько институциональным, сколько ценностным аспектам интеграции⁶. Во многом все теоретическое многообразие интеграционных моделей, эта интеграционная мозаика, вертится вокруг таких фундаментальных вопросов современного мироустройства, как роль национального государства, его перспективы и компетенции, взаимодействие с формирующимися внегосударственными институтами и гражданами.

¹ Ibid. P. 6–7.

² Стрежнева М. В. Теории европейской интеграции // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 33.

³ Сторонники межправительственного подхода полагали, что наднациональное институциональное строительство — это результат сделок между национальными государствами с конкретными геополитическими интересами, которые способствовали «объединению» суверенитета в конкретных исторических обстоятельствах.

⁴ Неофункционалисты объяснили переход от анархической государственной системы к наднациональному институциональному строительству, сосредоточив внимание на структурах общества и рынка, а также их влиянии на поддержку интеграции элитами.

⁵ Многоуровневое управление носит сетевой, неиерархический характер. В рамках этой концепции сложилось два подхода — федералистский и функциональный, по-разному оценивающих взаимодействие между наднациональными институтами и национальными правительствами.

⁶ Подробнее о теориях интеграции см.: Стрежнева М. В. Теории европейской интеграции // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 28–55; Rosamond B. Theories of European Integration. New York: St. Martin's Press. 2000; Wiener A., Diez T. European Integration Theory. New York: Oxford University Press, 2004. В современном научном дискурсе о евроинтеграции господствует междисциплинарный подход, см., например, Abels G. Gendering European Integration Theory. New York. Columbia University Press. 2016.

В практическом плане развитие Европейской интеграционной модели в какой-то степени напоминает маятник. В начале реализации проекта идеи федерализма («Соединенных штатов Европы») играли большую идеологическую роль, но их несколько оттеснила на второй план реальность, воплотившаяся в прагматическом и поэтапном неофункционализме Ж. Монне. В 1980-х — начале 1990-х годов, в связи с деятельностью Ж. Делора, федерализм вновь стал чрезвычайно привлекательной парадигмой. В проекте Конституции ЕС ее влияние, пожалуй, достигло своего пика, а провал ратификации документа стал началом возвращения к более прагматичным и менее амбициозным подходам. Фактически сегодня Европейский союз балансирует между межправительственной и наднациональной практиками, тем самым оставляя открытым вопрос о перспективах национального государства, наднациональной идентичности и ее политического воплощения. Принципы межправительственного управления можно увидеть как в механизмах принятия решений (Европейский совет, отвечающий за все принципиальные решения, состоит из высшего звена представителей национальной исполнительной власти, а в большинстве сфер решения принимают государства, согласовывая свои действия с другими членами Союза), так и в ограниченности полномочий наднациональных институтов (Еврокомиссия и Европарламент не имеют возможности проводить политику, несогласованную с государствами). Наднациональный характер объединения реализуется в приоритете европейского права, усилении роли Европарламента и Брюсселя в целом.

Вопросы и вызовы, стоящие перед Европейским союзом сегодня, разнообразны и достаточно сложны. Многие из них не уникальны, со схожими проблемами сталкиваются и другие участники исторического процесса. Один из таких вызовов — феномен сепаратизма. Именно это явление становится лакмусовой бумагой для системных вопросов о роли национального государства и его суверенитета, о механизмах управления, роли граждан и перспективах современной картины мира.

В границах Европейского союза, как и в мире в целом, практически нет стран, где не существовало бы национальных меньшинств, многие из которых выступают не только за расширение своих прав, но и за выход из состава национальных государств. Сепаратизм на европейском континенте реализуется в политической, экономической, социальной и культурно-языковой сферах. Он имеет различные корни и проявления, но чаще всего находит воплощение в форме регионально-сепаратистского движения, подпитываемого тем или иным вариантом

сепаратистской идеологии. Однако европейский сепаратизм отличается рядом ярких особенностей.

Во-первых, он достаточно сильно связан с этнической идентичностью. Как отмечал Э. Хобсбаум: «Всякое сепаратистское движение в Европе, которое только может прийти в голову, опирается на принцип “этнической принадлежности” в языковой или какой-либо иной форме, то есть на предположение о том, что “мы” — баски, каталонцы, шотландцы, хорваты или грузины — представляем собой народ, отличный от испанцев, англичан, сербов или русских, и поэтому не должны жить с ними в одном государстве»¹. Эта этничность в европейском сепаратизме актуализирована прежде всего влиянием политической и экономической интеграции.

Во-вторых, в определенной степени можно утверждать, что это «сепаратизм богатых». Безусловно, сепаратистские движения существуют не только в экономически успешных регионах государств-членов ЕС, но наиболее активные процессы протекают именно в них. Реальная перспектива отделения возникала за последние годы, пожалуй, только в Испании (Каталония), Соединенном Королевстве (Шотландия) и Бельгии (Фландрия)². Эти регионы отличают достаточно высокие показатели экономического развития по отношению к другим

¹ Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм / под ред. Г. Балакришна. М.: Праксис. 2002. С. 332–346. [Электронный ресурс]. URL: travelling-science.blogspot.ru/2013/11/blog-post_19.html (дата обращения: 11.06.2017).

² В Бельгии в 2007–2011 годах разразился политический кризис, в основе которого лежали давние франко-фламандские противоречия, обостренные ухудшением экономической конъюнктуры. Фландрия начала тяготиться содержанием Валлонии и Брюсселя. Смена правительств и активная поддержка сепаратистских партий во Фландрии поставили вопрос о целостности страны. В последующие годы ситуация выглядела менее напряженной, даже традиционно сепаратистские партии, например Новый Фламандский Альянс, несколько смягчили риторику. В Каталонии должны были провести референдум о ее независимости, но его подготовка была заморожена Конституционным судом Испании. В назначенную дату отмененного референдума — 9 ноября 2014 года — был проведен опрос о политическом будущем Каталонии, на котором более 80% населения региона высказались за создание независимого государства. Данный опрос не имел юридической силы, но перспектива сессии сохраняется — 27 сентября 2015 года на выборах в региональный парламент победили сторонники за независимость. 9 ноября 2015 года каталонский парламент проголосовал за принятие резолюции об отделении. 9 июня 2017 года было объявлено о дате нового референдума — 1 октября 2017 года каталонцам предстоит ответить на вопрос — хотят ли они независимости Каталонии в форме республики. Опыт шотландского сепаратизма также показателен. 18 сентября 2014 года при согласии Лондона прошел референдум по вопросу выхода Шотландии из Великобритании. При явке 84,6% против высказались 55% жителей Шотландии, поддержавшие идею независимости 44,7%. Brexit вновь выносит этот вопрос на повестку дня.

административным единицам их национальных государств, причем эта динамика достаточно устойчивая. Если соотнести средние показатели ВВП государств (Бельгии, Великобритании и Испании) со средними показателями регионов, стремящихся к отделению (Фландрии, Шотландии и Каталонии), за 2000–2016 годы¹, то мы увидим достаточно скромные показатели у всех сепаратистов за исключением Фландрии (в среднем 58% ВВП). Однако если мы также сопоставим долю территории и населения этих регионов в общегосударственной территории и численности населения с их экономическим вкладом в развитие государства, то результаты будут совсем другими. Фландрия, занимая 44% территории и составляя в среднем 57,7% населения, дает 58% ВВП Бельгии, тогда как Валлония — 23%. Оставшиеся 19% приходятся на столичный Брюссель. В Каталонии эти показатели — 18,8% при 15,8% и 6,4% соответственно. Исключение составляет Шотландия, дающая в среднем только 7,8% ВВП Великобритании, занимая 32,3% площади и обладая 8,5% населения. Но сопоставление ВВП Шотландии с экономическими данными Уэльса (3,3%) и Северной Ирландии (2%) подтверждает, что Шотландия является более благополучным регионом, нежели другие части Соединенного Королевства². Будучи не только отличными в языковом, культурном или иных аспектах, но и экономически более богатыми регионами, нежели другие части страны, и зачастую выплачивая значительные налоговые отчисления в пользу центра³, Фландрия, Шотландия и Каталония вполне ожидаемо стремятся расширить свою самостоятельность. Участие же в Общем рынке смягчает возможные риски для небольших государств, на что и рассчитывают сторонники отделения.

Размеры государства исторически всегда были тесно связаны с его экономической и политической устойчивостью. Регионы крупно-

¹ Использованы средние показатели численности населения и объемов ВВП за 2000–2016 годы. Eurostat “Regional statistics by NUTs classification”. [Электронный ресурс]. URL: ec.europa.eu/eurostat/web/regions/data/database (дата обращения: 11.06.2017).

² ВВП Англии значительно превышает ВВП Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, но формирование Великобритании осуществлялось под эгидой Англии, и, соответственно, отсутствует историческая обусловленность сепаратизма.

³ См., например, Spanish income tax rates 2015 by region (comunidad). [Электронный ресурс]. URL: www.advoco.es/hot-topics/109-spanish-income-tax-rates-2015-by-region-comunidad.html (дата обращения: 06.07.2017); Tax revenue in England, Scotland, Wales and Northern Ireland. [Электронный ресурс]. URL: www.ifs.org.uk/publications/6881 (дата обращения: 06.07.2017); A disaggregation of HMRC tax receipts between England, Wales, Scotland & Northern Ireland [Электронный ресурс]. URL: www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/557572/Disaggregated_tax_and_NICs_receipts_-_information_and_analysis.pdf (дата обращения: 06.07.2017).

го государства, испытывающие негативные процессы, делят их последствия с другими частями страны¹, то есть экономически и политически регионам выгодно вхождение в состав более крупного политического института. Однако по мере развития интеграционных процессов — складывания единого экономического пространства — эта выгода компенсируется новыми возможностями, а необходимость сохранения статуса региона внутри государства ослабевает.

В-третьих, европейский сепаратизм институционализирован в рамках политических структур Евросоюза². Политика Брюсселя в отношении регионов, субсидиарность, как и развитие панъевропейского парламентаризма, способствуют усилению региональных, в том числе сепаратистских партий и движений. Поскольку в ЕС нет сформированных общеевропейских партий или СМИ, вовлеченность региональных политических объединений в наднациональные структуры является одним из немногих способов трансляции политических предпочтений граждан. Примечательно, что сепаратистские партии не только добились относительного успеха в Европейском парламенте³, но и серьезно эволюционировали от евроскептических настроений в середине XX века до статуса еврооптимистов в конце XX — начале XXI века⁴. Сепаратистские партии ЕС (например, Шотландская Национальная партия, Фламандский интерес, Баскская националистическая партия и т. д.) взяли курс на независимость в Европе. Хотя изначально эта стратегия выглядела парадоксальной, но в целом

¹ Подробнее об этом см.: *Alesina A., Spolaore E. On the Number and Size of Nations // The Quarterly Journal of Economics*, 1997. Vol. 212. № 4. P. 1027–1056. [Электронный ресурс]. URL: isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic107502.files/Alesina_and_Spolaore.On_the_Number_and_Size_of_Nations.pdf (дата обращения: 11.06.2017).

² Подробнее об этом см.: *Климова Г.С. Наднациональная европейская идентичность в условиях регионального сепаратизма // От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 481–524.*

³ Так, например, Европейский свободный альянс, объединившийся в рамках статуса официальной партии ЕС с Зелеными (Greens/EFA), в 2004 году получает 5,56%, то есть 40 мест из 732, в 2009 году на 17 мест больше (57 из 766 мандатов), получив 7,4%. Во время последних выборов Greens/EFA набрали 6,66%, потеряв 7 мандатов (50 из 751). *European elections 2004*. [Электронный ресурс]. URL: www.europarl.europa.eu/elections2004/ep-election/sites/en/results1306/graphical.html (дата обращения: 03.07.2017); *European elections 2009*. [Электронный ресурс]. URL: www.europarl.europa.eu/aboutparliament/en/20150201PVL00021/In-the-past (дата обращения: 03.07.2017); *European elections 2014*. [Электронный ресурс]. URL: www.europarl.europa.eu/aboutparliament/en/20150201PVL00021/In-the-past (дата обращения: 03.07.2017).

⁴ См.: *Laible J. Separatism and Sovereignty in the New Europe: Party Politics and the Meanings Statehood in a Supranational Context*. New York. Palgrave Macmillan. 2008.

стремление усилить суверенитет («умаленный суверенитет») в рамках Европейского союза оказывается выгодным для региональных сепаратистских партий. Они в основном охотно участвуют в наднациональном политическом процессе, рассматривая его как способ накопления политического капитала и гарантию снижения экономических издержек малых объемов региона.

Иными словами, европейский сепаратизм в достаточной степени институционализирован и встроен в наднациональную структуру Европейского союза. Это сепаратизм, имеющий не только этнические, но и экономические основания. Но, несмотря на свою еврооптимистическую ориентацию, он, безусловно, является вызовом не только для национальных государств, но и для ЕС в целом.

Наиболее остро стоящий в связи с сепаратизмом вызов заключается в усиливающемся противоречии между декларируемыми общеевропейскими ценностями и интересами политических элит. Европейский союз исторически объявляет демократию и права человека своими базовыми идентификационными ценностями. Важно понимать, что эти идеи разделяют и граждане ЕС, выбирая демократические ценности как основополагающий элемент евроидентичности¹. Но при этом Брюссель опирается не на статью 2 Договора о Европейском союзе, которая утверждает приверженность ЕС демократии, равенству и правам меньшинств (и на которую ссылаются сепаратисты), а на статьи 48 и 49, согласно которым любое третье государство должно отдельно проходить процедуру вступления². Очевидно, что национальные государства, потерявшие часть территории, будут блокировать такие заявки. Фактически Брюссель шантажирует сепаратистов, угрожая уничтожить фундамент для относительно безболезненной в социально-экономическом плане сецессии. В данном случае ЕС не только действует как межправительственная организация, а не наднациональный институт, но и ставит под сомнение свои фундаментальные ценностные основы. Бесспорно, что в контексте Brexit Шотландия обострит дискуссию о сепаратизме в ЕС. Если выход Великобритании пойдет по жесткому сценарию, нового референ-

¹ См.: Standart Eurobarometer 71. Spring 2009. Future of Europe. [Электронный ресурс]. URL: ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf (дата обращения: 04.07.2017); Standart Eurobarometer 77. Spring 2012. European Citizenship. [Электронный ресурс]. URL: ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb77/eb77_citizen_en.pdf (дата обращения: 04.07.2017).

² Brussels says an independent Catalonia would need to leave EU. [Электронный ресурс]. URL: www.euractiv.com/section/all/video/brussels-says-an-independent-catalonia-would-need-to-leave-eu/ (дата обращения: 04.07.2017).

дума в Шотландии вряд ли можно будет избежать. Для ЕС же независимость Шотландии станет важным прецедентом¹ для определения своего статуса и будущего как наднационального или все же межправительственного проекта.

Подобные конфликты важны для развития политических институтов и общества в целом. А европейский сепаратизм, таким образом, можно рассматривать в двух измерениях: во-первых, как результат трансформации мировой системы и национального государства, во-вторых, как ответ на эти вызовы. Какое из измерений является приоритетным — покажет время.

¹ У Каталонии несколько меньше шансов на подобный статус, поскольку она более встроена в континентальную систему (Еврозона, Шенген и т. п.).

Использование образа «Другого» в международной политике: интервенция философии постструктурализма в дисциплину «Международные отношения»

В 1980-х годах произошел кризис традиционных теорий международных отношений, которые не могли ни объяснить, ни спрогнозировать происходившие в то время события — энергетический кризис, обострение взаимоотношений капиталистических стран и стран «третьего мира» и т. д. Именно тогда, во время «четвертых дебатов», началась интервенция теоретических подходов из различных областей знаний в теорию международных отношений, что привело к появлению «критических международных теорий».

Одним из наиболее интересных подходов, пришедших в область международных отношений из философии, представляется постструктурализм. Данный подход подвергает сомнению правомерность многих устоявшихся представлений о мире, явлениях, политических акторах, о сменяемости структур, об отсутствии единой структуры. Анализируя историю формирования таких представлений, постструктуралисты подчеркивают их случайный характер и необъективность. Как утверждает Дж. Эдкинс, понимание политики и политического нуждается в переосмыслении, и постструктурализм, в своем движении от «политики» к «политическому», пытается создать инструменты для этого переосмысления. Это связано с «более общим исследованием роли вымышленных сообществ в социальной и политической мысли западных обществ»¹. В этом вопросе, по Эдкинс, подход таких мыслителей, как Фуко, Деррида, Лакан и Жижек (то есть постструктуралистов), полезен по двум причинам. Во-первых, он не разделяет

¹ *Edkins J. Poststructuralism and international relations: bringing the political back in.* London: Lynne Rienner Publishers, 1999. P. 6.

социальный порядок и субъективность: «устройство субъекта неразрывно связано с устройством определенного социального или символического порядка и проистекает из него»¹. Во-вторых, для этих мыслителей не существует «реального» сообщества, отличного от «вымышленных» сообществ, которые поддерживают политическую мысль. Социальная реальность, политическое сообщество, субъект — лишь фикции, вымысел; люди ограничены в действиях границами, установленными существующими социальными и международными порядками, которые, в свою очередь, были созданы по решению субъекта — того, кто оказался ответственным за принятие решений в «момент открытости, политический момент, в котором отсутствию одного социального порядка не пришло на смену существование другого»².

Постструктурализм в целом уделяет мало внимания международным отношениям, в основном рассматривая их как часть явлений общественной жизни, поэтому существует скептицизм в отношении применения постструктурализма в сфере международных отношений. Продемонстрируем, как постструктуралистские идеи актуализируются в области международных отношений на примере постструктуралистской концепции «Другого».

ПРОБЛЕМА «ДРУГОГО» В ФИЛОСОФИИ

«Другой» в философии постструктурализма.

Концепция Юлии Кристевой

Прежде чем перейти к рассмотрению представлений авторов, использовавших идею «Другого» в контексте исследований международной политики, необходимо охарактеризовать философскую постановку вопроса о «Другом».

Тему «Другого» затрагивали еще античные философы, она периодически появлялась на протяжении всей истории философии. Во второй половине XX — начале XXI века эта идея стала особенно актуальной: менялись границы государств, развивались технологии коммуникации, «другие» оказались ближе, чем раньше, и, вероятно, поэтому стала особенно актуальной проблема понимания того, что собой представляет «Другой» и что из этого следует.

Ивэр Нойманн систематизирует представления о «Другом», выделяя этнографический подход, психологический подход, подход

¹ Ibid.

² Ibid. P. 8.

континентальной философии и «восточный дискурс». В своей работе «Использование “Другого”: образы Востока в формировании европейских идентичностей» Нойманн придает особенное значение четвертому подходу — «восточному экскурсу». Раскрывая его суть, он упоминает четырех авторов: Георга Зиммеля, Карла Шмитта, Фридриха Ницше и Михаила Бахтина. Их роль, по Нойманну, заключается в следующем: «Зиммель привлек внимание к маргинальному пространству между “Я” и “Другим”... Шмитт свел политику к акту различения между ними, великим достижением Фридриха Ницше было то, что он начал стирать границу между этими категориями»¹. Бахтин привносит мысль о том, что без «Другого» субъект не может иметь знания ни о мире, ни о себе, поскольку «значение создается в дискурсе, где встречаются сознания»². Именно четвертый подход, по-видимому, связан с постструктуралистским концептом «Другого».

С таким пониманием субъекта логично соотносится близкая к психоаналитическому подходу идея о том, что мы сами создаем «Другого» своим представлением о том, что существуют различия между «нами» и «ними», причем на самом деле мы переносим на других свою внутреннюю неоднородность.

Такое видение «Другого» демонстрирует одна из наиболее известных представителей постструктурализма — Юлия Кристева, психоаналитик, семиотик, философ. В книге «Чужие самим себе» (“Strangers to ourselves”) она рассматривает проблему «Другого», понимаемого как иностранца, чужака, оказавшегося в незнакомой, несвойственной ему обстановке.

С точки зрения Кристевой, любая идентичность может быть поставлена под вопрос, изменена, сломана, «демонтирована». Именно это происходит с мигрантом — у него нет основного языка, а значит, по Кристевой, нет и фиксированной идентичности. Он потерян, стал сиротой, поскольку «не принадлежит к какому-либо месту, какому-либо времени, какой-либо любви»³. Поэтому у него множество идентичностей, что может привести к психическим проблемам⁴. Мигрант может преодолеть сложности адаптации к новой ситуации, перестро-

¹ Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 38.

² Там же. С. 40.

³ Kristeva J. Strangers to Ourselves. New York: Columbia University Press, 1991. P. 8.

⁴ Юлия Кристева: изоляция, идентичность, опасность, культура... // Вестник Европы. 2005. 15 URL: magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/kri26.html (дата обращения: 15.01.2017).

ить себя, «родиться заново»; но другой проблемой остается то, как его видят и воспринимают коренные жители.

Как отмечает Кристева, в примитивном обществе «иностранец» воспринимался как «враг». Автор задает крайне важный вопрос: может ли такое понимание «иностранца» исчезнуть из восприятия людей современных обществ?¹ Могут ли люди жить с другими и как другие, без остракизма и без нивелирования? Для Кристевой этот вопрос обретает большую остроту в связи с уже упоминавшимися выше особенностями современного мира — мира экономической и политической интеграции, а также проблем миграции.

Выполнение указанной задачи, то есть возможность принять других, у Кристевой связана с самоосознанием, со способностью людей признать свою «жуткую странность» (*uncanny strangeness*). Человек, пытаясь справиться со всем неприятным и опасным опытом, который он испытал и который находится в его «бессознательном», проецирует эти переживания вовне, создавая образ «жуткого другого»². Таким образом мы «закрываемся» от «Другого» в себе и демонизируем «иностранцев», «чужих». Соответственно, для того, чтобы жить с другими, принять их, нужно поставить себя на место «Другого», осознать, что «Я — другой»³, что мы — «иностранцы по отношению к самим себе»⁴. Таким образом, разрешение этой проблемы приобретает индивидуальный характер, оказывается личным делом каждого отдельного человека, что, впрочем, соотносится с концепцией Юлии Кристевой: она придает особое значение «особости и отдельности» каждой личности, поскольку «это связующая чуждость, она дает возможность подлинных отношений между людьми»⁵.

Эдвард Саид: ориентализм как утверждение идеи о «Востоке» как о «Другом»

Теперь рассмотрим, как ставит вопрос о «Другом» еще более близкий к тематике международных отношений ученый. Если у Кристевой внимание уделяется в основном личным, психическим аспектам создания образа «Другого», то для Эдварда Саида, культуролога,

¹ Kristeva J. Strangers to Ourselves. New York: Columbia University Press, 1991. P. 1.

² Ibid. P. 184.

³ Ibid. P. 14.

⁴ Ibid. P. 170.

⁵ Константинов А. 7 вопросов Юлии Кристевой // Русский репортер. URL: rusrep.ru/article/2011/02/08/7_voprosov/ (дата обращения: 15.01.2017).

журналиста и политического деятеля, ключевыми являются аспекты политические.

Значимой частью политической деятельности Саида было привлечение внимания к тому, насколько искаженным и политизированным является западное восприятие Востока, как с его помощью осуществляется культурное доминирование. Этой проблеме посвящена его книга «Ориентализм. Западные концепции Востока».

Саид говорит о «Востоке» (Orient) как об искусственной сущности, созданной Западом для управления реально существующим Востоком (East)¹. В данном контексте ориентализм — это «интеллектуальная власть западной культуры над Востоком»², оформленная, убедительная, тщательно насаждаемая позиция, «рукотворное тело теории и практики, в которое на протяжении поколений шли значительные материальные инвестиции»³, свидетельство существовавшего на протяжении веков имажинативного разделения мира на Запад и Восток. Ориентализм создается не для Востока, а для Запада, и в действительности то, что описывает ориентализм, это не Восток как «вещь-в-себе», а видение Востока Западом, не «естественное» изображение, а репрезентация. Это изображение основывается на идее о восточном человеке как о «Другом».

Восточный человек в ориенталистском изображении выступает объектом, а не субъектом деятельности, особенно политической: он представлен как тот, «кого судят... кого изучают и описывают... кого дисциплинируют»⁴. Все отличия Востока от Запада оказываются «неправильными»; все лежащее вне западного общества нуждается в коррекции и «мудром» управлении Запада. Саид признает, что каждая культура трансформирует другие культуры, воспринимая их такими, какими ей выгодно их видеть. Но в случае ориентализма эта конверсия становится тотальной. В результате, когда европеец встречается с Востоком, Восток уже является для него «лицетворением чужака, против которого была направлена вся европейская цивилизация в целом с эпохи Средневековья»⁵, лицетворением врага. В этом отношении Саид характеризует ориентализм как форму радикального реализма, паранойи.

¹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. С. 143.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 111.

Саид отмечает, что, опираясь на ориентализм, Европа смогла беспрепятственно продвигаться на Восток. Однако создание радикальной концепции «Другого» имело серьезные последствия, негативные для европейцев: с середины XX века ориентализм становится причиной кризиса, не разрешенного и в настоящее время. К 1955 году Восток изменился, стал политически подготовленным и способным отстаивать свою независимость. Деятельность нового Востока не соответствовала укоренившимся представлениям о нем. Несоответствие «между текстами и реальностью»¹ привело к отсутствию взаимопонимания между Востоком и Западом.

Этот кризис, как считает Саид, был неизбежен: ориентализм, использующий в качестве краеугольного камня идею разделения на «Запад» и «Восток», углубляет существующие различия, что ведет к ограничению коммуникации разных культур.

Автор спрашивает: «Можно ли разделить человеческую реальность... на четко отличающиеся друг от друга культуры, истории, традиции, общества, даже расы, и притом продолжать жить по-человечески?»² Отвечая на этот вопрос, Саид пишет, что ему «хотелось бы своей работой способствовать лучшему пониманию того способа, каким осуществляется культурное доминирование. Если это поможет становлению нового способа общения с Востоком, если это приведет к устранению и “Востока”, и “Запада”, только тогда мы сможем немного далее продвинуться по пути, который Реймонд Уильямс называл забыванием... врожденного доминирующего стиля»³.

Саид осознает, что влияния политических реалий на науку не избежать — даже в том случае, если удастся отменить деление на «нас» и «них» в контексте дихотомии Восток — Запад, останется деление на Север — Юг, цветных — белых и пр. Однако нельзя и сделать вид, что разделений не существует, и тем более утверждать это деление как нечто неоспоримое и неизменное, как это делает ориентализм, знание о котором, по мнению Саида, должно напоминать об «искушении деградации знания»⁴, которая проявляется в интеллектуальной нечестности, сокрытии и маскировке, приводящей к «интенсификации, усугублению и увековечиванию»⁵ разделения людей. Таким образом, Саид

¹ Там же. С. 171.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 509.

⁵ Там же. С. 507.

видит решение проблемы «Другого» в первую очередь в предотвращении распространения ложных представлений о других культурах.

ОБРАЗ «ДРУГОГО» В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Уильям Коннолли: идентичность, различие и политика

Одним из авторов, рассматривающих проблемы различий и представлений о «Другом» в контексте реалий международной политики, является политолог Уильям Коннолли.

С его точки зрения, идентичность, различие и политика тесно связаны: «...идентичность нуждается в различии (difference) и различие нуждается в идентичности... политика пронизывает связь идентичности и различия»¹. Отношения идентичности Коннолли связывает с двумя «проблемами зла». Первая проблема на политическом уровне оборачивается серией попыток защитить чистоту и определенность главной (hegemonic) идентичности, рассматривая как зло различия, которые представляют наибольшую угрозу целостности и определенности этой идентичности. Вторая проблема зла возникает из решений первой проблемы, проистекая из «разнообразных политических тактик, через которые сомнения о самоидентификации излагаются и разрешаются при помощи конструирования Другого»², через противопоставление которому идентичность определяет себя.

Так же как Саид, Кристева и Нойманн (о котором будет рассказано ниже), Коннолли отмечает, что представление о «Другом» — не знание о реально существующем месте, народе, стране, а сконструированное, искусственное представление. Как пишет Коннолли, это творение, сформированное в результате столкновения представлений первооткрывателя, соответствующих его культуре, и чуждых ему явлений: языка, действий, внешности³. Он критикует то отношение к воспринимаемым как «Другой», которое описывает Саид в «Ориентализме», сравнивая проблемы взаимоотношения с другими идентичностями с проблемой отношения христианства к религиям народов Нового света⁴.

Проблема восприятия других идентичностей заключается в том, что исследователь, изучающий эти идентичности, со временем понима-

¹ Connolly W.E. Identity/Difference; democratic negotiations of political paradox. London: University of Minnesota Press, 2002. P. 9.

² Ibid.

³ Ibid. P. 323.

⁴ Ibid. P. 326.

ет, что они не такие «Другие», как казалось, и в результате погружения в другую культуру может утратить связь со своей. Коннолли приводит в качестве примера христианского священника Лас Касаса, обнаружившего схожие черты в христианстве и религии ацтеков. Но идентичность и различие тесно связаны: выйдя за установленные границы своей идентичности и «Другого», Лас Касас потерял свою идентичность.

Коннолли все же находит возможность сосуществования различающихся культур, не рассматривающих друг друга как «Другого». Когда в определенной культуре подразумевается, что не существует истинной идентичности, так как каждая идентичность является особенной, сформировавшейся в результате обстоятельств, конфликтной ситуации не возникает. В этом случае «другая идентичность не будет представлять угрозы для меня или нас просто потому, что она значительно отклонилась от структуры, управляющей мной или нами... она будет представлять угрозу, если определение добра в этой идентичности будет требовать определения нас как зла по сути своей или если ее культурные приоритеты обязывают ее посягать на ресурсы, необходимые для поддержания нашей идентичности»¹. Следовательно, по Коннолли, в некоторых случаях для решений проблемы «Другого» потребуются изменение идентичности народов.

Таким образом, возможность решения проблемы «Другого» оказывается мало связанной с конкретными действиями определенных людей. Однако изучение идентичности остается крайне важным. Коннолли рассматривает открытие Нового света, которое можно также назвать открытием «Другого» для жителей Старого света, как открытие текста, составленного на основе более ранних текстов — то есть интертекста. Как утверждает Коннолли, международные отношения, какими мы их знаем, были сформированы на основе интертекста между Старым светом и Новым, а значит, непосредственно связаны с проблемами идентичности, восприятия себя и «Другого». Необходимо знать границы, в которые помещена современная мысль, чтобы понимать истоки мышления современных деятелей, что важно как для теоретиков международных отношений, так и для политиков и дипломатов.

Ивэр Нойманн: Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей

Рассматривая работы, показывающие применение образа «Другого» в международной политике, нельзя не упомянуть работу Ивэра

¹ Ibid. P. 333.

Нойманна «Использование “Другого”»: образы Востока в формировании европейских идентичностей»¹.

По Нойманну, представление о том, кем является определенная группа людей и как должны действовать эти люди, внедренное в сознание людей данной группы, создает коллективную идентичность, которая становится «видом производительной силы», «предоставляет возможность деятельности и структурирует социальное поле, предлагая осуществить те, а не иные действия»². Как считает автор, коллективная идентичность фиксируется не только и не столько суждением о том, как должна вести себя группа людей, обладающих этой идентичностью, кто такие «мы», сколько представлением о том, кем являются и как ведут себя «Другие», чем они отличаются от «нас». Следовательно, чтобы осознать, как некая группа людей определяет свое «Я», нужно изучить, как они определяют «Другого». Осознание существования «Другого» как человеческого изобретения, а также понимание того факта, что выбор «Другого» является произвольным, способствует, например, улучшению коммуникации между европейскими и неевропейскими государствами.

Для европейских государств, как считает Нойманн, главным «Другим» долгое время являлся «Турок». После Второй мировой войны роль основного «Другого» Европы переходит к Советскому Союзу.

С XVIII века Россия воспринималась как «ученик», который пытался стать частью «цивилизованной Европы» по собственному желанию³. Советская Россия рассматривалась одновременно как «сбившаяся с пути» часть Европы и как возможная угроза Европе. После распада СССР в России снова стали видеть ученика, перенимающего экономические и политические практики Европы. Интересно, что Нойманн пишет о неизбежности конфликта между принятием роли «ученика», предполагающей неравенство, и сохранением самоидентификации России как великой европейской державы, что требует равенства с другими европейскими державами. В настоящее время можно утверждать, что предсказание Нойманна подтвердилось.

В политической практике в целом, по мнению Нойманна, проблема идентичности связана с тем, что «нельзя просто стереть “Я” — нужно рассказать о нем историю... историю в сослагательном наклонении»⁴.

¹ Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 42.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же. С. 277.

Нойманн приводит в качестве примера переговоры по поводу институциональных отношений Норвегии и ЕС: утверждение истории о «Я», согласно которой национальную норвежскую идентичность угрожают вытеснить другие идентичности и европейское «Я», привело к осуществлению националистической политики, а не плюралистической, которая могла бы привести к вступлению в ЕС. Таким образом, как утверждает Ивэр Нойманн, политическое вмешательство «должно принимать не только форму анализа фантазий других людей, но и форму позиционирования своих собственных фантазий»¹.

Превращение реально существующих различий в «инаковость», демонизация других идентичностей и превращение их в «Других» приводит к конфликтам, которые с большой долей вероятности могут вылиться в войны. Нойманн осознает, насколько важной остается идентичность, и одновременно видит опасность в ситуации, когда укоренившиеся в культуре модели идентичности продолжают оставаться неосознаваемым фактором, влияющим на наши действия. Избегать «заствывания» идентичности можно, напоминая, что все истории являются «историями в сослагательном наклонении». Так анализ формирования коллективной идентичности поможет нам «жить в различии, а не приводить к тому, чтобы некоторые из нас умирали, став “Другими”»².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно заключить, что ценность постструктуралистского изучения образа «Другого» для проблематики международных отношений и международной политики заключается главным образом в следующем: постструктурализм объясняет и «вскрывает» границы мышления в целом и представления о других акторах международной политики в частности, показывая, каким образом и в каких целях формировались те или иные взгляды, которые, в свою очередь, формируют внешнюю политику государств и оказывают влияние на международные отношения.

¹ Там же. С. 278.

² Там же.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

СДЕЛАТЬ ВРЕМЯ ВИДИМЫМ: МНОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ, ПРАКТИКИ СИНХРОНИЗАЦИИ И АНАХРОНИЗМ

СТАНИСЛАВ ИГОРЕВИЧ МИШИН, К. Э. Н.

Сделать время видимым: проблематика репрезентации и специализации субъективного времени

КАК УЧЕНЫЕ ДЕЛАЮТ ВИДИМЫМ ОПЫТ ВОСПРИЯТИЯ И ПРОЖИВАНИЯ ВРЕМЕНИ?

На собрании Международного общества изучения времени в 1973 году, где участвовали специалисты из различных областей знания, известный психолог Дж. Гибсон так назвал свое выступление: «События — воспринимаемы, но время — нет»¹. С точки зрения психолога, так же как человек не может воспринимать пространство вне поверхностей и фактур, так и «нет такой вещи, как восприятие времени — а только восприятие событий и передвижений»². Это знаменитое и парадоксальное заявление Гибсона подчеркивает тот факт, что события для человека обладают темпоральными характеристиками, две из которых являются базовыми — длительность и последовательность.

За время, прошедшее с той конференции, было сделано много открытий в нейрофизиологии, когнитивной психологии и лингвистике.

¹ *Gibson J.J. Events are Perceivable But Time Is Not: The Study of Time II. 1973. P. 295–301.*

² *Ibid.*

При этом исследования, затрагивающие различные уровни восприятия времени, непременно опираются на анализ его репрезентаций, то есть того, как мы выражаем опыт восприятия времени и тем самым делаем его видимым. Так, в 2011 году были открыты «клетки времени» в гиппокампе, которые «кодируют» временные интервалы определенным образом, что позволяет «запоминать поток событий в различных переживаниях, тем самым наводя мосты между событиями, которые разделены периодами времени»¹. При этом большинство «клеток времени» формируют качественно разные репрезентации с изменением основного временного параметра. Нейроны гиппокампа также составляют уникальные темпорально организованные репрезентации определенного опыта, и этот механизм напоминает то, как представляются события в пространстве. Таким образом, уже на уровне «нейронных ансамблей» речь идет не о некоем «непосредственном» переживании опыта времени, а о репрезентации, с одной стороны, и о связи опыта проживания во времени с опытом пространственным — с другой.

Поднимаясь на следующий уровень, в современной когнитивной науке при планировании эксперимента или интерпретации его результатов важно понимать, что восприятие времени также исследуется косвенно — через цепочки репрезентаций. Это лишь некое выражение «внутреннего» времени, которое возможно посредством чего-то внешнего по отношению к восприятию и памяти, например языка² или любой другой системы символов.

Так, в качестве меры длительности, вместо примерной оценки в единицах времени, можно использовать такую метафору продолжительности, как отрезки или линии разной длины³. Измеренные таким образом отрезки можно сравнить между собой и с «объективным временем», тем самым сделав прямой вывод об «искажении», «опережении», «запаздывании» субъективного времени человека по сравнению с хронологическим. Здесь исследователь неизбежно сталкивается с проблемой того, что внутреннее время едва ли можно измерить напрямую — получается, что сложное, нехронологическое

¹ MacDonald Christopher J., Lepage Kyle Q., Eden Uri T., Eichenbaum H. Hippocampal «Time Cells» Bridge the Gap in Memory for Discontiguous Events // *Neuron*. 2011. Vol. 71. P. 737–749.

² Salay N. Representation: Problems and Solutions. The annual meeting of the cognitive science society. 2016.

³ См., например: Zauberman G., Kyu Kim B., Malkoc S.A., Bettman J.R. Discounting Time and Time Discounting: Subjective Time Perception and Intertemporal Preferences // *Journal of Marketing Research*. 2009. Vol. XLVI. P. 543–556.

субъективное время приводится к хронологической, последовательной и равномерной форме. Ведь психологическое время не всегда линейно и направлено¹.

Для измерения последовательности событий не нужны часы. Достаточно, например, попросить испытуемого расположить объекты в хронологическом порядке. Исследования таких репрезентаций, произведенные, например, в некоторых работах, демонстрируют два ярких феномена². Во-первых, репрезентации времени тесно связаны с социолингвистическими особенностями, и, во-вторых, ориентация во времени происходит относительно тела и через тело (или относительно солнца, как в некоторых культурах), что еще раз подчеркивает актуальность такого современного направления, как воплощенное (телесное) познание.

Представление длительности в виде отрезка, а последовательности в виде ряда образов, картинок событий — частный случай опространствления, или спациализации. Мы не можем выразить время, не используя для этого пространства. Речь даже не только о том, что события происходят в неких пространственных координатах, — чисто темпоральные явления человек привык самими различными способами выражать в пространственных терминах³ (как мы убедились выше, это имеет глубинные нейрофизиологические основания). Так анализ восприятия времени неизбежно превращается в анализ спациализированных средств выражения и представления, демонстрируя при этом, что когнитивные процессы, лежащие в его основе, неотделимы от телесных, лингвистических аспектов и зависят от ситуации и от контекста.

Сравнение спациализированных темпоральностей между собой — распространенный метод в изучении такого раздела, как межвременной выбор. В нем изучение восприятия времени помимо теоретической актуальности имеет и существенную практическую значимость — в разработке решений по сбережению, инвестированию средств, потребительскому выбору, которые неизбежно связаны со сравнением текущих и будущих денежных потоков. В исследовании, проведенном нами

¹ Zakay D. *Psychological Time.: Philosophy and Psychology of Time*. Springer, 2015.

² Boroditsky L. Does language shape thought? Mandarin and English speakers' conception of time // *Cognitive psychology*. 2001. № 43. P. 1–22; Miles L.K., Tan L., Noble G.D., Lumsden J., Macrae N.C. Can a mind have two mind lines? Exploring space-time mapping in Mandarin and English speakers // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2011. Vol. 18. P. 598–604.

³ Kim B.K., Zauberman G., Space B.J.R. Time, and Intertemporal Preferences // *Journal of Consumer Research*. 2012. Vol. 39 (4). P. 867–888.

на российской выборке¹, респонденты демонстрировали большую ставку дисконтирования межвременных предпочтений — что связано с влиянием культурных факторов восприятия времени (полихромное восприятие времени, высокий уровень избегания неопределенности).

Можно не сводить опыт времени к чему-то внешнему, а сравнивать темпоральности между собой, но это вряд ли решит проблему. Сравнение возможно в пространственных и косвенных координатах (короче — длиннее, ближе — дальше, стабильнее — динамичнее), поэтому в вопросе, можно ли анализировать восприятие времени без искажений и посредств, пока можно оставаться агностиками.

Таким образом, выражение внутренней темпоральности проходит через цепочку репрезентаций и искажений и все больше говорит о самом способе выражения — его знаковой структуре, телесном контексте. Восприятие времени — сложный феномен, анализируя который, важно понимать условность выбранного способа изучения внутренней темпоральности. Время безразлично к событию или контенту, но его восприятие человеком неизбежно связано с ними, так же как и с социолингвистическим, культурно-историческими контекстами, используемым способом и уровнем репрезентации (и специализации).

¹ Мишин С. Межвременные предпочтения в принятии решений: опыт экспериментального исследования в России // Экономический журнал ВШЭ. 2012. № 3. С. 404–426.

Некоторые замечания о роли времени в трансцендентальной философии (на примере И. Канта и К. Мейясу)

Время, вне всяких сомнений, притягивает к себе исключительное внимание в трансцендентальной философии, если мы связываем «понятие трансцендентальной философии с постановкой трансцендентальной проблемы (проблемы выведения бытия мира из бытия субъекта) и стремление обнаружить условия возможности существования (мыслимости) объектов в субъективности...»¹. Ниже мы постараемся подкрепить наш тезис на примере двух на первый взгляд диаметрально противоположных авторов — И. Канта и К. Мейясу.

В случае Канта рассмотрение фокусируется на его главном тексте — «Критике чистого разума». Этот трактат стал первым систематическим наступлением на метафизику, под которой в нем опознается «совершенно изолированное спекулятивное познание разумом... а именно познание по средствам одних лишь понятий...»². Озабоченность Канта преодолением догматических и скептических эпистемологий, неспособных, по его мнению, определить познавательный

¹ Савин А. Э. О понятии «трансцендентальная философия» у Гуссерля и Канта // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 35–38; Философское предприятие Хайдеггера нельзя в полной мере назвать трансцендентальным. Хайдеггер последовательно и настойчиво дистанцируется от фиксации мысли на субъекте, будь то кантианская критическая философия или философская антропология. Более того, он закладывает основания деструкции субъекта как такового, показывая, что чистое «Я» и противопоставленный ему объект (мир) являются результатом вторичного опредмечивания предонтологических интенций. Онтологически мир и субъект принадлежат друг другу. Все же разработка бытийного вопроса представляет собой поиск самого главного априори — бытия, — без которого не только ничего не мыслится, но ничто и неспособно быть, коль скоро оно и есть то самое «есть». *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Академический проект, 2015. § 7, 10, 12.

² *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Академический проект, 2015. § 7, 10, 12.

процесс в его аподиктичности, послужила путеводной нитью разработки критической системы¹.

Впрочем, Кант критикует метафизику изнутри нее самой. Это все еще требующая разрешения проблема «о возможности или невозможности метафизики вообще и определение как источников, так объема и границ...»². В такой формулировке задача ставится следующим образом: выявить основания достоверного (неметафизического) знания, а затем провести цезуру одного от другого. Во времена Канта на это претендовали математика, естественные науки и оспариваемая метафизика. Эти три разновидности в сущности одной процедуры (науки) выступают подсудимыми на трибунале, который разум устраивает сам себе.

К чему нужно это судилище? Кант считает, что разум необоснованно претендует на слишком многое. В стремлении расширить наши знания до необусловленного, он неизбежно теряет твердую почву чувственного опыта и становится спекулятивным. Отсюда нескончаемые и пустые дебаты, полем для которых всегда была философия. Кант видит описанное как положение дел его времени, и чтобы наконец обеспечить неоспоримые когнитивные основания, разрабатывает кардинально новый подход.

Традиционно принято считать науку надежным фундаментом познания. Именно идеалам *научной достоверности* пытается соответствовать нововременная философия. В чем специфика науки, ее научность, обеспечивающая ей доверие? Наука производит необходимые и универсальные утверждения, поддающиеся верификации; в этом, по Канту, ее преимущества. Вопрос об основаниях тем самым перетекает в вопрос об аподиктичности или о том, как возможен переход от одних фактов/посылок к другим, причем внешним по отношению к первым.

В ответ Кант смещает фокус мысли к субъекту. Он описывает ключевые положения нового подхода в предисловии: «До сих пор считали, что всякие наши знания должны соотносываться с предметами. При этом, однако, кончались неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них... не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы

¹ См. предисловие к первому изданию Критики чистого разума. *Кант И.* Соч.: в 8 т. Т. 3. М.: Чоро, 1994. АVII–АХХII.

² Там же. АХII

должны сообразовываться с нашим познанием...»¹. Трансцендентальный метод по большому счету заключается в высвечивании формальных структур, позволяющих субъекту конструировать объект опыта, и поскольку структуры эти априорны, произведенное знание отвечает характеру научности.

Субъект конструирует опыт через неотчуждаемые чистые формы синтеза. Они отражают структуру познавательного аппарата, а значит, задают опыт так, что он не может быть иным. Их языковое выражение Кант именует синтетическими априорными суждениями. Используя синтетические априоры, науки производят новое и необходимое знание. Оно новое, поскольку произведено в синтезе, и необходимое — в силу априорного характера². На формальном уровне все сводится к тому, как возможны такого рода суждения.

В КЧР Кант говорит о двух видах синтеза — чувственности и рассудка. В разделе трансцендентальной эстетики представлен анализ чувственного восприятия. Восприятие есть пассивное получение материей возможного опыта — множественных восприятий. Но что объединяет разрозненные восприятия в единое созерцание? Он пишет: «...то, благодаря чему многообразное в явлении может быть упорядочено определенным образом, я называю *формой* явления...»³. Если «материя всех явлений дана нам только *a posteriori*, форма их целиком должна для них находиться готовой в душе...»⁴. Другими словами, субъект своей активностью создает явления — единство воспринимаемого чувственного многообразия, — формуя их чистыми формами синтеза.

Как мы знаем, есть две чистых формы созерцания — пространство и время. Они служат условиями внешних объектов и внутренней жизни души соответственно. Чем в этом описании является время? Кант отвечает: «Время есть нечто такое, как форма внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния»⁵. Пространство же локализует и связывает внешнюю предметность. Как чистые, то есть идеальные и внеопытные формы созерцания, пространство и время обуславливают синтетические априорные суждения математики.

¹ Там же. ВVI.

² Там же. В15–19.

³ Там же. В34.

⁴ Там же. В34.

⁵ Там же. В50.

Тут же выясняется, что время превосходит по значимости пространство. Поскольку «если я могу сказать *a priori*, что все внешние явления находятся в пространстве и *a priori* определены согласно отношениям пространства, то... я могу сказать в совершенно общей форме, что все явления вообще... существуют во времени и необходимо находятся в отношениях времени»¹. Объем применимости формы внутреннего чувства в два раза больше, чем внешнего. И все дело в том, что любое явление проходит через принимающую инстанцию — субъекта, — и как таковые они обязательно будут репрезентированы в сознании.

Синтез чувственности предоставляет сырые созерцания, недоступные пока мысли. Опыт приобретает связанность в предметностях только в рассудочном синтезе. Этот процесс описан в разделе трансцендентальной логики. В соответствующих главах Кант дедуцирует необходимые условия синтетического единства рассудка. Рассудок активен, он занят связыванием множественных чувственных созерцаний в понятиях. И вновь, как и в случае с чувственностью, рассудок подводит множественное под единое посредством априорных форм. Кант именует их чистыми понятиями, или категориями²; они же фундируют синтетические априорные суждения естественных наук.

Категории — суть правила, по которым созерцания увязываются в объективированную мысль. Значит, они по своей сути пусты и недействительны в отрыве от созерцаний. С одной стороны, имеются пассивные созерцания, а с другой — активное рассудочное, но чисто формальное мышление. Реальный опыт образуется на стыке первого и второго. Учение Канта о схематизме призвано прояснить, как это возможно.

Чтобы две познавательные способности сошлись вместе, необходим медиатор. Таким медиатором и является схема со специфическим формально-чувственным характером. «Это посредствующее предствление должно быть чистым (не заключающим в себе ничего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, *интеллектуальным*, а с другой — *чувственным*»³. Схема как бы перекидывает мост от сферы чувственных восприятий к рассудку. Но как? Она самим своим устройством указывает дискурсивному мышлению, какая категория должна быть применена в том или ином созерцании.

¹ Там же. В51.

² Там же. В128.

³ Там же. В177.

Как все-таки функционирует схема? Схема — это символ, сводящий созерцания и категорию. Изнутри она устроена как своего рода универсальный образ, отсылающий к соответствующей категории. К примеру, схема собаки есть ее образ, следуя которому воображение рисует существо с четырьмя лапами и хвостом. Кант конкретизирует схему, называя ее трансцендентальным определением времени. Что это значит? По сути дела, схемы выражены порядком моментов времени, и судя по нему воображение применяет категории. Так впервые мысль обретает тождественный объект¹.

Продемонстрируем связь схемы и времени: созерцая продолжительность времени, мы получаем схему субстанции; последовательную сменяемость одного момента другим — схему причины и следствия; наконец, одновременность моментов времени дает схему категории взаимодействия и т. д. В известной мере схемы тяжело отличить от категорий, следовательно, правомерно сказать, что рассудок связывает их непосредственно со временем².

Синтез чувственности и рассудка оказывается все еще недостаточным для полноценного опыта. Акты синтеза продолжали бы существовать в разрозненности, если бы не особый топос, в котором они сводятся в единый поток восприятия. Эту функцию Кант называет трансцендентальным единством апперцепции. Апперцепция — это самосознание. Дедукция самосознания разворачивается из тезиса, что «многообразные представления, данные в некотором созерцании, не были бы вместе *моими* представлениями, если бы они не принадлежали все вместе одному самосознанию»³.

Итак, чтобы опыт вообще состоялся как цельный и «мой», должно быть некоторое доопытное представление, которое присутствовало бы в каждом акте синтеза. Это априорное представление о мыслящем эго, или «я мыслю». Трансцендентальное самосознание присутствует тождественным в каждом акте синтеза, опознает эго в качестве моего акта, а далее забирает полученное в нем содержание в серию всех последующих актов⁴.

Проблема, однако, в том (и здесь на первый план вновь выходит понятие времени), что самосознание может быть как эмпирическим,

¹ Огнев А.И. Учение Канта о схематизме понятий чистого рассудка // Кантовский сборник. 2012. № 2. С. 79–86.

² Там же.

³ Кант И. Соч.: в 8 т. В132.

⁴ Там же. В132–136.

так и чистым. Эмпирическое самосознание представлено в Я в потоке опыта. Это то, как мы каждый раз застаем себя в восприятиях. Из предыдущего изложения вытекает, что это чувственное эго возможно лишь при наличии внеопытного (интеллигибельного) Я, удостоверяющего каждый случай подобной встречи как случившийся именно со мной.

На учении о двух видах самосознания построена критика рациональной психологии. Как отмечает Кант, эмпирическое Я подчинено правилам синтеза, в том числе немислимо вне времени. Но трансцендентальное единство апперцепции указывает на стоящее за ним интеллигибельное вневременное Я. О самом трансцендентальном субъекте известно только то, что он есть и действует, коль скоро имеется какой-то личный опыт. И все же чистое Я эффективно подводит опыт под трансцендентальное единство апперцепции благодаря тому, что осознает и присовокупляет друг к другу многообразие эмпирии во времени. Априорным условием тождества опыта является интеллигибельное основание, которое тем не менее реализуется на опытном материале¹.

Переключим внимание на Мейясу. В данном контексте его проект интересен на контрасте с критической философией, так как подается под видом демарша против трансцендентализма. Автор «После конечности» предлагает критику различных форм трансцендентальной философии (корреляционизм в его терминологии). Однако, вероятно, он имеет с Кантом куда больше общего, чем хотел бы признать, что тем более интересно в свете итоговой неспособности достичь заявленного.

Кредо Мейясу звучит так: «...мысль способна на абсолютное, способна даже производить нечто вроде “вечных истин”, и это несмотря на различные деструкции и деконструкции, которые традиционная метафизика претерпела за последние полтора века»². Под Абсолютом здесь понимается двойственная интеллектуальная интуиция. Вывод Абсолюта в обоих смыслах построен по картезианскому лекалу: сперва мысль получает доступ к онтологической необходимости, затем из нее выводится онтический дериватив — первичные качества вещей³.

¹ Различие трансцендентального и эмпирического субъекта играет решающую роль в решении третьей антиномии, а вслед за этим и для практической философии Канта. Там же. В339–413.

² *Meillassoux Q.* Iteration, Reiteration, Repitition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign // *Genealogies of Specualtion. Materialism and Subjectivity Since Structuralism* / ed. by Armen Avanessian and Suhail Malik. 2016. Bloomsbury Academic. P. 117.

³ *Graton P., Ennis P.* The Meillassoux Dictionary. Edinburgh University Press, 2014. P. 19–21.

Дедукция Абсолюта, представленная в третьей главе «После конечности», составляет ядро спекулятивной онтологии. По сути говоря, за Абсолютом Мейясу стоит онтологический вопрос. Выстраивая длинные и запутанные цепочки дедукции, он продолжает пытаться помыслить нечто иное как бытие. И как будет показано, у него оно скрывается под понятием времени, или возможности (*la peut-être*).

Мейясу считает предыдущие подступы к онтологии неудовлетворительными: они были метафизическими либо недостаточно фундаментальными. Встает вопрос: «Как совершить объединенный отказ от скептицизма, критики, трансцендентальной и экзистенциальной феноменологии, постмодернизма... но также от идеализма, спиритуализма, витализма и перспективизма?»¹

Выход обнаруживается в своеобразной материалистической диалектике. В третьей главе он сталкивает между собой несколько современных и имевших место в истории философских позиций, тем самым пытаясь преодолеть их одним разом. Не вдаваясь в подробности диалектических перипетий, перейдем к выводу. Мейясу заключает, что внутренняя логика антиметафизической мысли фиксируется вокруг понятия фактичности. И в целом это движение в правильном направлении. Необходимо лишь одно дополнительное усилие, чтобы найти «скрытую за фактичностью онтологическую истину...»².

В чем смысл преодоления метафизики? В стремлении обрушить абсолютистские претензии, выдвигаемые на грубом концептуальном уровне, без учета самих вещей. Метафизические концепты — Единое, Бог, субстанция, трансцендентальный субъект, жизнь — опровергаются указанием на их вторичный характер. То, как сущее кажет себя, доказывает произвольную относительность метафизического описания мира. Оно размыкает возможность изменений/различий, отсутствующую в герметичных, подшитых к *causa sui* системах.

По Мейясу, сокрытая в тенях трансцендентальных условий истина гласит: бытие контингентно. Фактичность, как правило, отождествляется с нехваткой. Она очерчивает границы нашей конечности. Фактичное означает случайное, временное, конкретное, короче говоря, такое положение дел, о необходимости которого нельзя однозначно утверждать. Следовательно, возможны другие положения дел,

¹ *Meillassoux Q.* Iteration, Reiteration, Repitition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign. P. 133.

² *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. М.; Челябинск: Кабинетный ученый, 2015. С. 73.

но «возможные» означают возможность по незнанию»¹. Далее, он попросту переворачивает негативность в позитивное знание. Основываясь на прагматическом противоречии — фактичность немыслима фактичной без того, чтобы вновь ее не подтверждать, — Мейясу конвертирует ее в знание о бытии в себе, то есть в Абсолюте.

Что означает контингентность как смысл бытия? Внутримирно сущее в каждый момент имеет возможность-стать-другим-без-основания. Даже миры могут разваливаться и собираться по-новому без каких-либо причин, но не по произволу, а в силу бытийной необходимости². Из какого горизонта ясен этот тезис? Философ сам отвечает: «Этот пункт легко понять, если соотнести возможность-быть-другим-без-основания с идеей времени, способного как упразднить, так и породить любую вещь»³.

Так понятое время — это механизм по производству новизны. Абсолютная длительность способна изменять какое угодно положение дел, следовательно, вносить любые различия. Все мыслимые (непротиворечивые) возможности и так содержатся во времени. Реализуются они не согласно какой-то воле или закону, как раз наоборот — в силу того, что над мощностью абсолютного времени ничто не властно.

Вернемся к началу. На примере КЧР было показано, как, несмотря на развитый концептуальный аппарат, понятие времени оказывается краеугольным камнем трансцендентальной эпистемологии Канта. Время играет ведущую роль на всех уровнях синтеза: в трансцендентальной эстетике время синтезирует внешние и внутренние явления в противовес пространству; в трансцендентальной аналитике, исходя из того, каким образом разрешается учение о схематизме, внутреннее чувство сводит созерцания и категории в предмет мысли; наконец, несмотря на характер чистого самосознания, все то же внутреннее чувство служит условием поддержания единства этого Я в потоке эмпирии. Таким образом, время является главным основанием работы синтезирующей машины субъекта. Именно оно в конечном счете отвечает на вопрос, как возможно новое и необходимое знание, следовательно, как вообще возможны какие-либо различия, одновременно подводимые под понятийное единство.

¹ Там же. С. 82.

² Там же. С. 91–92.

³ Там же. С. 87.

Что касается Мейясу, его проект не может считаться успешным из-за имманентных противоречий¹. Мы оставляем их за рамками рассмотрения. Отметим лишь, что поднимаемая им проблематика уже указывает на то, что Мейясу все еще движется в пространстве переданных ему Кантом проблем. Время у Мейясу еще более эксплицитно и, видимо, осознано становится предельным основанием (пусть и отменяющим взамен все прочие основания) явленности различий в мире. Время — залог событийности, которая служит направляющей мысли этого автора.

¹ К схожему выводу приходит С. Жижек. *Zizek S. Afterwords: Objects, Objects Everywhere // Slavoy Zizek and Dialectical Materialism / edited by Agon Hamza and Frank Ruda, Palgrave Macmillan, 2016. P. 197.*

Стратегии времени-места у современных православных священников

Эта статья — результат реализации проекта «Священник в церкви и обществе: анализ бюджетов времени», который ведется с осени 2015 года Лабораторией социологии религии ПСТГУ. Исследование проводилось методом включенного наблюдения в технике Shadowing: в течение недели предполагалась подробная фиксация всего происходящего со священником, а также с его окружением. Кроме этого, с каждым священником были проведены по два интервью: глубинное в начале недели и уточняющее в конце, в них респондент объяснял свою мотивацию того или иного действия. Нашу выборку составили 25 священников из разных регионов, разного возраста и стажа хиротонии.

Основная гипотеза исследования заключалась в том, что бюджет времени современных православных священников принципиально отличается от бюджета времени представителей других профессий. Священник исполняет свои профессиональные обязанности все время: без перерывов на обед или выходных, часть из этих обязанностей нигде не прописана. Получая специальное образование, священник тем не менее не знает, какие в будущем ему придется выполнять действия, сами же действия зависят главным образом от места, в котором этот священник будет служить. Во время наших наблюдений эта мысль проговаривалась в интервью как самими священниками, так и в виде комментариев их окружения: матушек, людей, имеющих служение на приходе и т. д. Часто, когда мы объясняли цель и принципы исследования, нам говорили: «Нельзя посчитать и измерить, чем занимается батюшка, потому что он занят все время».

Ни в церковной среде, ни в светском обществе не существует единого и четкого понимания того, в чем выражаются результаты работы священника, чем должен заниматься «хороший» священник и что определяет его успешность и состоятельность. Конкретные показатели, которые возможно посчитать (например, количество

людей на службе, количество причастников, постоянных прихожан), здесь смешиваются с такими, которые никак нельзя оценить количественно (атмосфера в храме, сплоченность прихода), однако, они могут быть не менее значимыми для самого священника, общины и внешних наблюдателей. Учебники пасторского действия говорят главным образом о литургии, требах и исповеди, вскользь и почти без конкретных указаний упоминают необходимость священнику неформально общаться с прихожанами и собственной семьей, иметь возможность для отдыха и саморазвития и практически игнорируют организаторскую и «бумажную» работу, оформление документов, составление отчетов, финансовые вопросы и другие непредвиденные дела.

Один из основных исследователей бюджетов времени Дж. Гершуни утверждает, что «политическая экономия постиндустриального общества — это, по сути, политическая экономия времени»¹. Иными словами, для понимания сегодняшнего общества целесообразно считать показателем человеческой деятельности не финансовые инструменты, а время, которое тратится людьми на их повседневные действия. Наше исследование началось с предположения, что время, затрачиваемое священником, считается показательным по тому, как в нем учитываются все повседневные дела священника, а также его мотивации и особенности прихода, в котором он служит. Метод нашего исследования заключался в том, что мы не просто спрашивали у священников, как они видят себя, свое место на приходе и в церкви и каким сторонам своего служения уделяют больше внимания, а смотрим, как это видение отражается в их повседневных делах.

Первоначальная задача заключалась в том, чтобы проверить, насколько соответствуют друг другу бюджеты времени, проговариваемые самим священником в интервью, и то, что происходит с ним ежедневно. Несколько раз мы наблюдали ситуацию, в которой священник очень четко декларировал свои основные занятия, в то время как в реальности его деятельность составляли совсем другие задачи. Для этого необходимо было наблюдать рабочий день священника целиком, периодически спрашивая его о том, как он сам видит смысл тех или иных происходящих с ним событий.

¹ Гершуни Д. Бюджеты времени и неформальная экономическая деятельность // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос. 1999. С. 343–355.

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВСЕХ СВЯЩЕННИКОВ

После полевого этапа сбора информации мы проанализировали собранные данные, проведя кодирование занятий священников. Для подсчета времени мы поделили всю деятельность священников на следующие категории: богослужение, исповедь, молитва в течение дня, совещания, прием пищи, администрирование, работа на себя, бюрократия, время с семьей, лекции, дорога между точками.

По каждому священнику была составлена таблица, в которой подсчитывалось, сколько времени он тратил на каждую категорию действий во все дни недели и какой процент эта деятельность занимала в соотношении со всеми его временными затратами. Кроме того, мы разделили действия священника на индивидуальные и общие, те, которые он совершал в одиночестве, и те, которые требуют присутствия других людей. Это деление показалось нам важным, потому что чаще всего в качестве позитивной характеристики священника используется именно описание его общения с людьми, поддержка, помощь советами.

Главная проблема подсчета затрачиваемого времени заключалась еще и в том, что не каждый рабочий день длился ровно с утра до вечера. Священник мог утром провести богослужение, после этого отправиться домой для отдыха и домашних дел, а вечером у него было еще какое-нибудь мероприятие. Особенно это актуально для священников, которые живут рядом с приходом. В некоторых случаях помещения возле храма могут стать местом, где священник отдыхает, регулярно питается, общается с собственной семьей, своеобразным домом за пределами дома. Например, у одного настоятеля храма дети учатся в школе, которая находится прямо через забор от храма, после уроков они приходят в домик возле храма и их общение с отцом происходит во время его работы. После уроков дети приходят обедать в трапезную и проводят время на приходе, выполняя поручения или просто занимаясь своими делами. Поэтому мы не пытались посчитать вообще все время. Часть занятий неизбежно бы выпадала.

Нашей задачей было не только посчитать время, которое священники тратят на свои основные обязанности, но и сравнить то, как это соотносится с их идентичностью, то есть с тем, что они проговаривают в интервью как самое главное в своей деятельности.

Наибольшее время у всех священников занимает богослужение, в которое попадают подкатегории евхаристия, службы суточного круга, ритуалы освящения, молебны и панихиды, причастия и соборования в храме. И такое положение вещей логично, службы в храме — это

то действие, которое не может выполнять никто, кроме священников. Священники, которых мы наблюдали во время исследования, служат от двух до десяти раз в неделю. В большинстве приходо́в, где служат сразу несколько священников, график литургий обычно составляется заранее, с равномерным распределением нагрузки между всеми. Иногда он стабилен, и каждый священник примерно знает свое расписание на недели вперед, а иногда составляется достаточно спонтанно.

Второе место по частоте почти у всех священников, за исключением тех, кто по разным причинам живут одни, приходится на общение с семьей. У единственного наблюдаемого нами священника в celibate на втором месте были учеба и самообразование. Обычно под общением с семьей понималось свободное время и время в выходные, в течение которого священник не занимался своими основными служебными обязанностями. Время, проведенное дома, не удалось никак расписать по категориям, хотя мы просили священников фиксировать свои занятия в выходные. Большинству из них было сложно сформулировать свои занятия в эти дни, сложнее, чем «Отдыхал и общался с семьей». Общение с детьми действительно видится им важной составляющей своей деятельности, поскольку считается, что хороший священник должен быть хорошим семьянином и воспитывать своих детей в христианской вере. Мы можем только примерно говорить о том, много или мало времени тратилось на общение с семьей.

«КОЧЕВЫЕ» И «ОСЕДЛЫЕ»

Главным вопросом было все-таки то, по каким параметрам различаются бюджеты времени и можно ли построить некую четкую классификацию на основе того, как священники тратят свое время. Для наглядности приведем два примера. Первый священник был определен нами как «больничный», его приход находится на территории больницы и он проводит в больницах большую часть своего времени. Вот как он в интервью проговорил свое назначение:

— Для меня главное служить людям. Служить людям нуждающимся. Больным, тем, которые обращаются за помощью, составляют зону нашей ответственности. То есть приводить людей к Христу, Богу. И молиться за больных, помогать им, облегчать их страдания, помогать им осмыслить их болезни, обрести правильное понимание болезни. Оказать ту посильную помощь, которую мы можем оказать. И другое направление — приведение людей к Богу.

«Больничный» священник тратит на исполнение треб наибольшее количество своего рабочего времени: более 10 часов, при том, что за неделю наблюдений его рабочее время составило всего 30 часов. На втором месте у него службы суточного круга, которые заняли 6:45. И действительно, этот священник позиционирует себя как служителя людям и того, кто занимается реальными делами. Но тут надо иметь в виду и то, что священник не занимался требоисполнением все время, которое мы маркировали как требы в больнице. Часть времени ушла на разговоры с пациентами, часть — на перемещение между палатами и корпусами больницы (в том числе на общение с персоналом больницы по поводу доступа в те или иные помещения). Маршруты перемещений священник строил не сам, ему помогала требная сестра, которая накануне составляла список пациентов, которых нужно посетить, а во время посещений помогает исполнять требы. Например, требная сестра поет во время исповеди в палате, чтобы другие люди не слышали, о чем идет разговор.

Этот священник постоянно перемещается. За неделю он служил в трех больницах, плюс перемещался по территории самих больниц. В храме и трапезной находился совсем недолго. Вдобавок к своим основным обязанностям он периодически разговаривает с людьми, которых встречает на улице.

Совершенно другая ситуация у священника, служащего в большом женском монастыре в центре Москвы. Он тоже видит свою роль в служении людям.

— Но, если смотреть в процентном соотношении, чем вы занимаетесь? Конкретный распорядок дня?

— Мы здесь дежурируем. У нас есть расписание, согласно которому мы приходим в два часа, накануне вечерней службы, в это время, если необходимо, мы беседуем с людьми, которые к нам обращаются, мы назначаем это время на беседу с людьми, которые нуждаются в длительном разговоре, общении, в обсуждении животрепещущих своих вопросов, длительном. В течение службы которые могут не уложиться.

Несмотря на то, что большую часть времени этот священник тоже общается с людьми, не он приходит к людям, а люди приходят к нему. Сам священник почти все время находился в одном из двух монастырских храмов, выезжая один раз в подворье монастыря на оглачительную беседу и один раз в ПСТГУ на пастырский семинар. Все остальное время он тратил на общение с людьми, приходящими в монастырь с целью решить свои внутренние проблемы, которые тоже

касались в первую очередь здоровья, поскольку считается, что посещение именно этого монастыря помогает решить определенные проблемы со здоровьем. У этого священника не всегда можно было провести грань между исповедью, требованиями и просто разговорами, он не знал, со сколькими людьми в этот день пообщается, но точно знал, где он при этом будет находиться.

Получается ситуация, в которой оба священника тратят большую часть времени на общение с людьми, оба проговаривают это в интервью, однако модели их перемещений и времязатрат выглядят совершенно по-разному. Вдобавок оба эти священника почти не выполняют никакую организационную работу и работу с документами.

Что интересно: оба эти священника вместе учились в духовном учебном заведении, они одного возраста, оба имеют высшее образование, служат в центре Москвы.

Подобное деление на два типа мы провели и среди остальных наших информантов. Условно их можно назвать «кочевым» и «оседлым». «Кочевой» постоянно перемещается между территориями, совершает «выходы». Причем это не сильно зависит от места, где находится «база» священника. Его может быть приход, квартира или место основной работы. «Оседлый» священник почти все время находится в одном помещении, и его рабочий день не предполагает посещения большого количества иных мест.

Для «кочевого» священника будущие события могут меняться очень быстро, он может не знать, что случится в ближайшие дни. Обычно в самом начале недели «кочевым» священникам было тяжело описать ближайшие события, а в конце они с трудом вспоминали, что происходило в какой день. У такого священника может быть некое примерное расписание (в которое обычно попадают службы в храме), но недели будут скорее не похожи одна на другую из-за внешних обстоятельств.

У «оседлого» священника недели чаще всего похожи друг на друга. В течение недели наблюдений не возникало никаких сюрпризов. Это может быть похожее расписание из недели в неделю, а может быть чередование недель, которое определяется особенностями прихода.

Есть также некий средний вариант, в который обычно попадают настоятели и благочинные. В этом случае у священника есть четкое место, иногда даже с собственным кабинетом, но как ответственному человеку ему приходится периодически куда-то выезжать, чтобы

встречаться с людьми, решать актуальные вопросы и совершать требы. Часто это не личная инициатива, а необходимость должности.

Еще один средний вариант, который мы встретили во время полевых исследований, — священник, который на протяжении всей своей жизни был «кочевым», но после 60 лет пытается стать «оседлым». Этот священник служит в селе в Вологодской области. В данный момент он строит сам для себя дом с часовней, где планирует в будущем вести отшельническую жизнь.

В перемещении священников важную роль играют условия «в чем» и «на чем» он перемещается. Автомобиль священника стал символом, неким показателем коррупции в Церкви и нечестной жизни священников. Сами священники это понимают и иногда начинают оправдываться, объясняя, что автомобиль им действительно необходим. Особенно сельским священникам, потому что между населенными пунктами, в которых находятся их приходы, не всегда ходит общественный транспорт. Среди наших респондентов только у нескольких не было личного автомобиля. Часто проблема отсутствия автомобиля решалась с помощью прихожан, которые по очереди подвозили священников в нужные им места.

Другой фактор перемещения — это одежда. Перемещаясь по городу, некоторые священники снимали подрясник или прятали его под верхней одеждой. В таком случае на улице священник становится неотличим от обычных прохожих.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА «КОЧЕВОЙ» ОБРАЗ ЖИЗНИ

Учеба

Некоторые священники продолжают свое обучение в аспирантуре или получают дополнительное образование. Так, двое из тех, кого мы наблюдали, учились непосредственно во время нашего наблюдения. У этих священников очень рваный график, им сложно представить планы на неделю. Самый молодой из всех наблюдаемых во время проведения полевого исследования (с момента окончания им семинарии прошло меньше года) по правилам должен был ехать «отрабатывать» в те регионы, где мало священников. Однако поступление в аспирантуру дало ему некоторую отсрочку. Он служит в небольшом храме в центре Москвы, но не стремится к тесному контакту с прихожанами и созданию общины. В храме, где он служит, трапезная и другие помещения четко отграничены от храма, прихожанин попасть туда не может, что достаточно редкая ситуация. Этот священник гораздо

больше времени и сил тратит на свою дополнительную деятельность: работу в отделе по делам молодежи, учебу в аспирантуре и дополнительное изучение древних языков, чтение лекций для внутрприходских миссионеров.

Социальная и культурная работа

Некоторые священники выполняли на своем приходе функцию социального работника (такие чаще всего действуют на больших приходах). Священнику, работающему в контакте с другими организациями, приходится постоянно перемещаться, потому что реципиенты его работы — не только непосредственно прихожане, но и много других людей, с которыми церковь сотрудничает.

Например, один из священников до того, как стать настоятелем небольшого прихода в Подмоскovie, работал на административной должности в одном из отделов РПЦ. Уйдя с нее и получив собственный приход, он по своей личной инициативе наладил связь с городской администрацией и принимает участие в работе местного дома детского творчества, а также читает лекции школьникам. Он пытается объединить культурные и социальные организации города с собственным приходом, создать приход, где не только происходят богослужения, но и разнообразная жизнь, а для этого необходимо постоянно находиться в контакте с большим количеством разных людей.

Сельская местность

Чаще всего священник, который служит в сельской местности, имеет более одного прихода. Часть приходов находится в соседних населенных пунктах. Например, один из сельских священников, которого мы наблюдали, служит дополнительно в четырех приходах: на территории колонии-поселения, в одном храм восстанавливается, в другом — строится. Сам он считает, что жизнь сельского священника — это совсем не то, что жизнь городского. Вдобавок к этому он вместе со своей женой хотя бы раз в год участвует в крестных ходах, которые проходят в других регионах.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА «ОСЕДЛЫЙ» ОБРАЗ ЖИЗНИ СВЯЩЕННИКА

Приход в монастыре

Православный священник, не будучи монахом, может служить в женском монастыре. В этом случае он становится скорее наемным

работником, нежели главой прихода. Хозяйственную часть монастыря полностью определяет настоятельница. Священник не влияет на политику монастыря и не создает новые связи.

Возраст

Мы заметили, что в нашей выборке священники старше 60 лет стараются ограничить свое перемещение. Например, один из информантов, который долгое время был очень показательным «кочевым» священником, с выходом на пенсию решил ограничить свои перемещения и связь с миром вообще.

«Кочевой» или «оседлый» типы не очень сильно влияют на общение с людьми. Но «кочевой» будет общаться с людьми, которых он встречает во время своих перемещений или в новых местах, а к «оседлому», скорее всего, люди будут приходить специально. И не только потому что они хотят встречи именно с этим священником, но просто поговорить со священником, неважно каким.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье выдвигается один из параметров, по которым возможно провести классификацию современных православных священников, основываясь на их временных затратах и пространственных перемещениях. Безусловно, это одна из возможных классификаций, идея которой достаточно очевидна и проверяема. В дальнейшем она будет использована для более подробной классификации сразу по нескольким параметрам.

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА ПЕРФИЛЬЕВА

Диана Кайратовна Сатыбалдина

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Логика городского времени

Какой бы монотонной и однообразной нам ни казалась жизнь горожанина, ежедневно он сталкивается с выбором, который может быть обусловлен многими причинами, но наш взгляд этот выбор регламентируется механизмами двух регистров.

ПРАГМАТИКА ПОВСЕДНЕВНОГО ГОРОДСКОГО ВРЕМЕНИ

Городское пространство принято описывать как сложную и многомерную структуру. Горожане автоматически включаются во множество систем, сетей и сообществ. «Город и социальные изменения — почти синонимы. Изменения — это изменения качества городской жизни и формы городского существования»¹. Более того, город — это пространство постоянной коммуникации и обмена информацией, причем этот обмен происходит не только между людьми, но и между людьми и объектами, а город как сеть «продолжает начатое еще Маршаллом Маклюэном размывание границ понятия “город”, превращение “городского” из конкретного пространственного объекта в форму медиакоммуникации»².

Современный город предлагает своим обитателям множество ресурсов. Круглосуточная еда, бытовые блага, круглосуточные развлечения, но есть и особый ресурс, который всегда ограничен и вынуждает человека заниматься распределением — это собственное время. Мишель де Серто при описании истории повседневных практик вводит понятие случая, который «постоянно ускользает от попыток его определить, поскольку его нельзя отделить ни от обстоятельств, ни от действий»³. Одной из городских практик, которая нас интересует, является выбор маршрута, например пешеходного. Для Серто пешеходный маршрут — это своеобразное высказывание: «В рамках высказывания

¹ Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3 (66). С. 26.

² Микроурбанизм. Город в деталях. М.: НЛО, 2014. С. 301.

³ Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство ЕУ в Санкт-Петербурге, 2013. С. 174.

пешеход относительно своего положения создает близкое и далекое, *здесь и там*»¹. Более того, трафик или перемещение описывается исследователями как «структурированное, материализованное и наиболее эффективное движение. Тело, движущееся в трафике, это скрюченное чудовище, лучшим образом приспособленное к тому, чтобы находить способ находить себе путь с минимальными потерями. <...> Ориентация в трафике происходит без размышлений, за исключением тех случаев, когда система дает сбой»². Всему этому способствует большое количество разнообразных городских «систем».

Как мы отмечали ранее, подобный подход корректно артикулирует практики выбора маршрута, а для многих транспортная система является одной из первостепенных городских составляющих. На наш взгляд, выбор маршрута попадает под особое прагматическое отношение, которое проявляется в особой практике принятия решения по отношению ко времени.

Например, Александра Иванова³ следующим образом описывает специфику перемещения пассажиров внутри городского транспорта. Она называет перемещение внутри салона «хореографией». Конечное желание пассажиров — это, безусловно, комфорт, который включает максимально удобное расположение, минимальный контакт с другими пассажирами. Важным является автоматизм, отработанность практик перемещения, скорость принятия решений. Человек начинает заранее готовиться к попаданию в автобус и выходу из него. Ему приходится быстро анализировать количество пассажиров с сумками, искать свободное место. Скорость и оперативность принятия решения основаны на прагматике: пассажир с сумкой ищет место, в котором он сможет разместиться, не испортив собственное имущество, при этом стараясь не мешать другим пассажирам.

В свою очередь, основываясь на безопасности, происходит выбор маршрута горожанина. В каждом городе есть безопасные и опасные для пешеходов (из-за уровня уличной преступности или уровня ночной активности) районы⁴. В таком случае решение пешехода о выборе маршрута будет основываться на типе района, и те места, которые могли быть включены в маршрут в дневное время, в вечернее будут исключаться, даже если это займет большее количество времени.

¹ Там же. С. 195.

² Урри Дж. Мобильности. М.: Практикс, 2012. С. 148.

³ Микроурбанизм. Город в деталях. М.: НЛЮ, 2014. С. 70–93.

⁴ Джейкобс Дж. Назначение тротуаров: безопасность // Логос. 2003. № 3 (66). С. 3–23.

Рассуждения такого типа органично вписываются в бинарную онтологию и могут быть формализованы инструментарием классической логики. Так, в рамках объявленной выше тематики оценки движения в городском пространстве можно составить следующий полисиллогизм, построенный в соответствии с аристотелевскими правилами, где каждый простой категорический силлогизм построен в соответствии с I фигурой:

Все проезжающие улицу A во время t водители стоят в пробке.

Все движущиеся к центру города водители проезжают улицу A во время t .

Все движущиеся к центру города водители стоят в пробке.

Я водитель движущейся к центру города машины.

Я стою в пробке.

Все стоящие в пробке опаздывают на работу.

Я опаздываю на работу.

Все опаздывающие на работу вынуждены выходить из дома заранее.

Я вынужден выходить из дома заранее.

Над чертой поставлены посылки, под чертой — заключение силлогизма. Как и в любом полисиллогизме, заключение выше стоящего простого категорического силлогизма становится одной из посылок следующего. Ясно, что аристотелевская силлогистика как логика классов обладает не самой большой выразительностью среди логических языков. К тому же транзитивность — достаточно узкая сфера применения, в ее рамках может быть описано ограниченное количество социальных практик, но само умозаключение довольно точно отражает бытовое размышление о времени в контексте мобильности внутри города.

Построить «простую версию прикладной теории времени»¹ можно и более выразительными средствами — языком логики предикатов. Самая тривиальная модель задается простым включением в первопорядковую логику временного параметра. Тогда предикаты будут приписываться именам или константам как овремененные, то есть в определенный момент t .

Можно построить модель поинтереснее, принимая во внимание, например, что «в Ньютоновой механике, как и в обыденном восприятии, время представляет собой единый последовательный поток, синхронизирующий всю совокупность событий, каждое из которых

¹ Кислов А.Г. Тематический корпус логики времени: от прошлого к настоящему // Пунктуации: складки времени: сб. науч. статей. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 97.

занимает строго фиксированную позицию в этом потоке. Так, по отношению к двум событиям А и В можно сказать: либо А произошло раньше В, либо А произошло позже В, либо оба события, если они совпали в момент настоящего, одновременны»¹. Для выражения такого представления включим переменную t в свойства предиката таким образом, что она будет пробегать по моментам времени. Тогда задается двухместный предикат и в список аксиом добавляется следующий постулат: $R(t_1, t_2)$ — «момент времени t_1 раньше момента времени t_2 »². В зависимости от конструктивного удобства основным может быть задано и отношение «позже», а в выбранной нами системе для выражения обратной связи достаточно поменять места обозначения в скобках. Отношение одновременности в рамках такой системы можно выразить без ввода дополнительного оператора следующим образом: $\cdot R(t_1, t_2) \cdot \cdot \cdot R(t_2, t_1)$.

Истинностное означивание таких высказываний определяется сходным образом при метрически определенном и метрически неопределенном операторе: «Через n единиц времени будет А» истинно в момент t , если и только если в момент $t + n$ истинно утверждение А. Соответственно, «будет А» истинно в момент t , если и только если в момент времени, следующий за t , А истинно³. В рамках линейной, то есть не предполагающей ветвлений ни в прошлое, ни в будущее, концепции времени в настоящий момент каждое из таких высказываний может быть идентифицировано как ложное или истинное.

Стоит отметить, что в представленную модель имплицитно вложено представление о логическом детерминизме. Иначе говоря, если в данный момент времени мы можем определить любое высказывание, относящееся к будущему, как истинное или ложное, то любые, в том числе случайные, события будущего предопределены. Думаем, мало кто из нас согласится с такой «вшитой» установкой, с ней боролись уже Аристотель и Диодор Кронос, его оппонент. Этот камень преткновения уже в XX веке инициирует переход к неклассической — интенциональной и многозначной модели — чьи выразительные средства достаточны, чтобы описывать современную многогранную социальную реальность.

¹ Ло Дж. Время: Философский обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. № 4. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000.

² Кислов А.Г. Тематический корпус логики времени: от прошлого к настоящему. С. 97.

³ Смирнов В.А. Логика с модальными временными операторами // Логико-философские труды В.А. Смирнова. М.: Эдиториал УРСС, 2010. С. 179.

Многослойный город и его множественное время

Логика, как и другая наука, на ранних этапах своей истории возводится на фундаменте обыденных представлений, обыденного мышления. Традиционная парадигма логики предполагает в качестве модели, реализующей формализмы, универсум естественного языка, служащий практическим целям. Современный этап развития логического знания предполагает оппозиционность, альтернативность современных логических систем по отношению к классической логике. Культурное осознание того факта, что аристотелевская логика не совершенна, не универсальна или, говоря точнее, обладает достаточно узкой сферой применения, — ключ к тому понятию «неклассичности», которое центрирует современное состояние логики.

Следует обратить внимание, что и город не всегда поддается подобной прагматичной системе анализа принятия решений. Как только мы переходим к рассмотрению практик, вышедших за пределы «механизированных процессов», например, таких как выбор района для проживания, места проведения досуга, магазина для покупки продуктов, в данную систему включается намного большее количество «переменных», способных как повлиять на практики использования времени, так и показывающих, как прошлое и будущее может быть реализовано в повседневном опыте, поскольку «время не отделяется от пространства; оно направляет его, несмотря на то, что уже в средневековом городе наметился поворот: пространство стремится подчинить себе ускользающие от природы (от природного пространства) ритмы. Где искать связь, узел, соединяющий пространство и время? По ту сторону знания, накопленного в данную эпоху, и по эту сторону ее теории познания: в практике (которая «бессознательно» согласует пространство и время, ограничивая расхождения между репрезентациями и искажениями реальности). Время размечено празднествами, происходящими в пространстве. <...> Социальное время диверсифицируется. Время торговли (соотнесенное с рынками) не совпадает с церковным временем; оно, как и его пространство, становится светским. Время коммунальных собраний не совпадает со временем частной жизни»¹. Практики распределения времени (оценка прошлого, планирование будущего, одновременность различных повседневностей) начинают основываться на габитусе горожан, их включении в определенные социальные группы, доступе к различным городским

¹ Лefeвр А. Производство пространства. М.: Strelka press, 2015. С. 261–262.

ресурсам. Получается, что помимо простой прагматики, рассмотренной ранее, на решения людей влияют дополнительные условия, например, для Р. Сеннета нужно «восстановить единство пространства» города, «чтобы побороть серийное время современного труда»¹, сложившееся в условиях капитализма.

В современной логической парадигме существуют модели, позволяющие работать с подобного рода практиками, такими, где «реализующей моделью выступает... та или иная эффективно построенная математическая модель»². Этот метод также альтернативен традиционной логике, потому что первый этап рассвета логической мысли характеризуется обратным ходом, где под некоторую сформулированную задачу выстраивается модель, соответствующая заданному набору характеристик. Сегодня в континуальном множестве логических систем лишь некоторые могут быть распознаны как проинтерпретированные, для остальных эта проблема остается нерешенной.

Упомянутая множественность темпоральностей воплощается в современной логике. Так, А.Н. Прайор реконструирует «главный аргумент» Диодора Кроноса, который выдвигался им в рамках спора с аристотелевским детерминизмом в логике. Эта реконструкция инициирует создание временной логики, в которой временные высказывания — суть модальные высказывания и которая содержит:

- (1) пропозициональные переменные p, q, r и т. д., обозначающие суждения, истинностные значения которых могут быть различными в различные моменты времени;
- (2) $\cdot, \cdot, \cdot, \cdot$ и т. д. — обычные функционально-истинностные связки;
- (3) временные операторы:
 - a. P , означающий «было так, что» (слабое прошедшее время);
 - b. H , означающий «всегда было так, что» (сильное прошедшее время);
 - c. F , означающий «будет так, что» (слабое будущее время);
 - d. G , означающий «всегда будет так, что» (сильное будущее время)³.

¹ Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 106.

² Шуман А.Н. Философская логика: Истоки и эволюция. Минск: Экономпресс, 2001. С. 8.

³ Прайор А.Н. Временная логика и непрерывность времени // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 76.

Предложения, соответственно, будут образовываться посредством комбинирования операторов с функционально-истинностными связками и/или друг с другом.

Полемизируя с Прайором, К.Л. Хэмблин выстраивает свою временную систему, в которой действуют следующие постулаты:

- (1) Hp может быть определено как $\cdot P \cdot p$ («всегда было так, что p , если и только если никогда не было такого случая, что не- p »), а Gp — соответственно как $\cdot F \cdot p$ («всегда будет так, что p , если и только если никогда не будет такого случая, что не- p »).
- (2) Аксиомы (кроме аксиом классической пропозициональной логики):
 - a. $F(p \cdot q) \cdot Fp \cdot Fq$;
 - b. $Gp \cdot Fp$;
 - c. $FFp \cdot Fp$;
 - d. $FPp \cdot Pp \cdot p \cdot Fp$;
 - e. $GPP \cdot Pp \cdot p$;
 - f. $FGp \cdot GFp$.
- (3) Правила вывода для модальных формул (α и β правильно построенные выражения):
 - (I) если $\vdash \alpha$, то $\vdash G\alpha$;
 - (II) если $\alpha \cdot \beta$, то $F\alpha \cdot F\beta$;
 - (III) «правило зеркального отображения, позволяющее из любого закона выводить соответствующее положение, заменяя P на F и наоборот»¹.

Однако, как замечает А.Н. Прайор, эта система интуитивно противоречива, так как (b) предполагает непрерывность времени, а (e) — что время дискретно. И далее предлагает улучшить систему К.Л. Хэмблина, ослабив (e), заменив ее на $Pp \cdot p \cdot GPP$ и добавив в качестве новой аксиомы (g) $Gp \cdot GPP$. Тогда система на основании непрерывности времени становится непротиворечивой².

Становится очевидным, что прежде чем конструировать какую-либо логику рассуждения в контексте времени, необходимо установить на семантическом уровне свойства временного ряда. Сошлемся на работу А.Г. Кислова³, в которой стандартный пропозициональный язык логики времени имеет временные модальные операторы с уточненной интерпретацией:

¹ Hamblin C.L. Review of Prior's Time and modality // Australasian journal of philosophy. 1958. P. 232–234.

² Прайор А.Н. Временная логика и непрерывность времени. С. 80–81.

³ Кислов А.Г. Тематический корпус логики времени: от прошлого к настоящему.

- a. Hp — «всегда было p »;
- b. Pp — «когда-то было p »;
- c. Gp — «необходимо, всегда будет p »;
- d. Fp — «возможно, когда-нибудь будет p ».

Как ни парадоксально звучит, система, не ограниченная никакими свойствами временного ряда, содержательно беднее той, которая ограничена указанным способом. Система, в семантику которой заложено некоторое специфическое свойство, например «время имеет начало» или, напротив, его отрицание, позволяет формулировать специальные законы логики времени и умозаключения, корректные для некоторых (но не для всех) временных контекстов. В табл. 1 представлена корреляция некоторых допустимых свойств временного ряда с ограничениями бинарных отношений и с соответствующими аксиомами.

Таблица 1

**Некоторые важные семантические ограничения на R_p
и соответствующие им дополнительные постулаты**

Свойства временного ряда	Ограничения на R_p	Схемы аксиом
бесконечность в прошлое	$\cdot t_1 \cdot t_2(t_2R_p t_1)$	$Hp \cdot Pp$
бесконечность в будущее	$\cdot t_1 \cdot t_2(t_1R_p t_2)$	$Gp \cdot Fp$
плотность	$\cdot t_1 \cdot t_2(t_1R_p t_2 \cdot \cdot t_3(t_1R_p t_3 \cdot t_3R_p t_2))$	$HHp \cdot Hp$ $GGp \cdot Gp$
транзитивность	$\cdot t_1 \cdot t_2 \cdot t_3((t_1R_p t_2 \cdot t_2R_p t_3) \cdot t_1R_p t_3)$	$Hp \cdot HHp$ $Gp \cdot GGp$
линейность в прошлое	$\cdot t_1 \cdot t_2 \cdot t_3((t_1R_p t_3 \cdot t_2R_p t_3) \cdot (t_1R_p t_2 \cdot t_2R_p t_1 \cdot t_1=t_2))$	$(Pp \cdot Pq) \cdot$ $(P(p \cdot Pq) \cdot$ $P(Pp \cdot q) \cdot P(p \cdot q))$
линейность в будущее	$\cdot t_1 \cdot t_2 \cdot t_3((t_3R_p t_1 \cdot t_3R_p t_2) \cdot (t_1R_p t_2 \cdot t_2R_p t_1 \cdot t_1=t_2))$	$(Fp \cdot Fq) \cdot$ $(F(p \cdot Fq) \cdot$ $F(Fp \cdot q) \cdot F(p \cdot q))$

Вообще, временная логика — один из тех разделов современной логики, которые «приобрели четкие очертания, а их исследование пошло по пути детальной, иногда технически очень трудной,

систематизации»¹. Возможно, это связано с глубокой укорененностью временной проблематики в философском дискурсе, а возможно, с тем, что именно время является основополагающим фактором наших повседневных действий.

Соответственно, в рамках данного исследования был проведен анализ двух регистров восприятия времени как глубоко укорененного в философской мысли концепта. Сперва мы проанализировали механическое действие в городском пространстве с соответствующей ему логикой времени, далее, обозначив темпоральную множественность в контексте города, указали модели развития темпоральной тематики в рамках современной логической мысли.

Приведенные проекты, конечно, не исчерпывают всего универсума логик, анализирующих овремененные высказывания. Однако нужный нам импульс здесь указан — прежде чем задавать временную систему, необходимо указать спецификации временного ряда. Обращение к социальной философии и социологической мысли тогда становится необходимым, так как множественные интуитивные представления о нелинейном времени также могут быть формализованы. Данные модели позволяют провести анализ систем социальных отношений в городской среде, включающих различные временные отношения и множественные темпоральности.

Данным рассуждением мы пытались продемонстрировать не только существование двух систем отношений со временем в городской среде, но и показать возможность диалога между двумя языками описания времени — логического и социально-философского.

¹ *Смирнов В.А.* Современные семантические исследования модальных и интенциональных логик // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 5.

РЕЦЕПТОРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: СЛУШАНИЕ И ВИДЕНИЕ КАК МОДУСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

СЕРГЕЙ Владимирович Чекулаев

магистрант Political Philosophy
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Аксиология слушания как необходимость диссенсуального основания рецепторной демократии

Современные демократии непредставимы вне открытой публичной сферы, которая создает условия для гражданского участия в решении политических вопросов. Их структура и коммуникативные механизмы определяют уровень вовлеченности общества в публичную сферу, а также те практики и техники, посредством которых происходит обсуждение проблем, критика аргументов и принятие мер по преодолению социально значимых трудностей. Как известно, существуют два основных модуса, на которых строится партисипативная культура: с одной стороны, это консенсус, в ходе которого акторы или группы приходят к какому-либо соглашению через рациональное аргументирование с помощью артикуляции речи. С другой стороны, важной оппозицией выступает модель значимого диссенсуса, которая обращает внимание на различия и значение конструктивного конфликта для демократических процессов, преодоление которого возможно благодаря развитой культуре восприятия, понимания и принятия Другого. По своей природе они тяготеют к классическому пониманию публичной сферы, которое было сформулировано и артикулировано для философско-политического осмысления И. Кантом, Х. Арендт, Ю. Хабермасом и др. Отметим, что долгое время определяющей практикой политического участия были голос и речь, которые

позволяли аргументировано и рационально вступать в публичную сферу для поиска согласия, но они значимы тогда, когда есть аудитория, готовая слушать. В этом смысле слуховое восприятие — важная политическая инструментальность, выступающая против диктата монологической речи. Оно является не только политической практикой, но также добродетелью, сопряжено с рядом ценностей, культивирование которых является необходимым условием основания рецепторной демократии. Для понимания этих ценностей постараемся далее ответить на ряд вопросов: что такое публичная сфера, каким образом она формирует две традиции, на которых строится культура гражданского участия, а также затронем дискуссию между ними, чтобы понять, почему именно аксиология слушания выступает в роли определяющего драйвера демократических процессов современного мира.

Классическое понимание публичного пространства определяется через признание сферы активной политической и общественной деятельности, где граждане как политические акторы открыто включены в процесс обсуждения социально значимых проблем, разработки решения и его принятия. Акторы или группы, вступающие в дискуссию, находятся в равных условиях, они защищены от неравенства и имеют возможность артикуляции своих аргументов. Публичность также определяется через оппозицию государственной монополии на принятие решений: именно она является условием становления гражданского общества, которое посредством публичной коммуникации совершает гражданское участие в обсуждении. Именно коммуникация в публичном пространстве — это определяющее условие становления партисипативной культуры.

Идеальная форма и структура коммуникации долгое время строилась на основании консенсуса: огромный вклад в этом направлении внес Ю. Хабермас. Опираясь на своих предшественников и современников, он обосновал концепцию консенсуальной модели публичной сферы, которая исходит из двух важных положений: всеобщее участие равных индивидов и рационально детерминированная коммуникация, которая с помощью аргументированных доводов приводит к единому согласию и наиболее справедливому решению¹. Основная критика этого направления заключается в идеализации общества и признании некоего единого типа рациональности вне какого-либо культурного или мировоззренческого содержания. Тем не менее этот подход актуали-

¹ *Habermas J. Structural Transformation of Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge MA: MIT Press, 1989.*

зировав становление модели переговорной, или делиберативной, демократии, в ходе которого были выработаны важные принципы: переговорные практики, принятие решений только в ходе публичных дискуссий, включенность всех заинтересованных акторов с различными позициями, что в конечном итоге при идеальной реализации процедуры переговоров приводит к рациональному консенсусу, который преодолевает напряжения в обществе и разрешает конфликты.

Представленная выше рационально-коммуникативная традиция поиска консенсуса породила своего оппонента. Общество слишком гетерогенно, универсальная рациональность — это абстрактный идеал, сама публичность открыта не для всех, а всеобщий консенсус невозможен без исключения каких-либо акторов или групп — отталкиваясь именно от этих положений А. Макинтайр¹, Н. Фрэзер², М. Янг и Ш. Муфф³, несмотря на ряд различий и особенностей в своих трактовках, построили модель значимого диссенсуса. Сама коммуникация как артикуляция рациональных аргументов — это в большей степени речевая практика и выстраивание защиты своих положений⁴. В то же время публичных сфер множество — так же как и количество групп в обществе, и подобрать единый консенсус будет проблематично (Ш. Муфф, Н. Фрэзер). Однажды найденный консенсус исключит, активно или пассивно, часть акторов, что говорит о невозможности универсальной коммуникации как гегемонии большинства. В этом смысле необходимо поддержание постоянной борьбы и антагонизма через легитимизацию конфликта в публичной сфере⁵. Именно это позволяет признавать Другого не как врага, а как участника с противоположным мнением. Поэтому демократия — это плюрализм, а политическое — это публичность. И здесь вопрос заключается в том, как определить противоречия в аргументации друг друга. В этом смысле в публичном пространстве никогда нельзя и не нужно приходиться к единому консенсусу, оно — это пространство противоположных позиций, а общность может быть достигнута только посредством артикуляции разногласий.

¹ *MacIntyre A.* Whose Justice? Which Rationality? Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1998.

² *Fraser N.* Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // *Social Text*. 1990. № 25/26. P. 56–80.

³ *Mouffe Ch.* Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism // Institute for Advanced Studies, Vienna. December 2000. URL: www.ihs.ac.at/publications/pol/pw_72.pdf.

⁴ *Young I.M.* Inclusion and Democracy. Oxford; NY: Oxford University Press, 2000.

⁵ *Mouffe Ch.* Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism // Institute for Advanced Studies, Vienna. December 2000. URL: www.ihs.ac.at/publications/pol/pw_72.pdf.

Исходя из необходимости признаний противоречивых положений аргументации и защиты своей позиции спорящими, возникает проблема адекватного восприятия Другого. Каким образом возможно признание и понимание оппонента? Только с помощью развитой практики слушания, на основании которой теоретики (С. Бикфорд, Дж. Драйзек, Э. Добсон, Г. Калдер) выстраивают концепцию рецепторной демократии, где они конституируют проблемы слуха как политической практики, необходимой для ведения дискуссий в обществах развитой демократии. Рецепторная демократия — это своего рода попытка восполнить недостаток взаимного признания оппонентов через слуховые практики публичной коммуникации¹. Эти практики опираются на внимание к Другому, через которое он понимается как равноценный соперник публичной дискуссии. Представляется, что слух — это не пассивная практика, а активная деятельность признания². Следует отметить, что слух — это одновременно и навык, и добродетель, сопряженная с рядом ценностей. Через слушание как добродетель мы признаем право Другого на альтернативное мнение. Именно открытость миру и Другому, честность в высказываниях и уважение, возможно, диаметрально противоположного мнения — это те столпы, которые определяются коммуникативной аксиологией, но не рациональностью. При опоре на эти ценности возможно признание множественности рациональностей, а также поддержание конструктивного конфликта и спора в открытом, доступном публичном пространстве.

Таким образом, проблематика публичной сферы и коммуникации определила дискуссию консенсуальной рациональности и модели значимого диссенсуса, которые, в свою очередь, актуализировали рецепторную проблематику слушания в силу необходимости признания оппонента как носителя альтернативного мнения и поддержания плюрализма позиций в публичности. Развитие рецепторной слуховой чувствительности — это необходимое основание возможности новых форм демократии и политического участия в обществе. Недостаточно тренировать умение слушать, важно культивировать ценности, которые определяют условия реального развития справедливого общества.

¹ *Bickford S. The Dissonance of Democracy: Listening, Conflict and Citizenship. Ithaca, 1996.*

² *Calder G. Democracy and listening, in Problems of Democracy: Language and Speaking / ed. M.-A. Crumplin. Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2011. P. 125–135.*

ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ: РАСШИРЯЯ ГРАНИЦЫ СВОЕГО ЯЗЫКА

АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ МАКАРОВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Этнометодологическое исследование феномена отсутствия разъяснения прав при открытии судебного заседания

В арбитражном суде г. Москвы ежедневно проходят десятки судебных заседаний. После открытия судебного заседания согласно пункту 5 части 2 статьи 153 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) судья обязан разъяснить лицам, участвующим в деле, и иным участникам арбитражного процесса их процессуальные права и обязанности. А в пункте 1 статьи 41 АПК РФ приведен довольно объемный, на полстраницы, текст о правах участников судебного заседания. Лишь немногие из судей еще пытаются этот текст проговорить, но максимально быстро, практически скороговоркой, еще реже предлагают расписаться под распечаткой этого текста. Зачастую же на практике складывается своеобразный ритуал, когда судья спрашивает у сторон: «Права известны? Есть ли необходимость их разъяснить?», а стороны, представленные, как правило, профессиональными юристами, отвечают, что в этом нет какой-либо необходимости.

На наш взгляд, описанная ситуация взаимодействия иллюстрирует собой более широкую проблему для изучения, хотя сформулировать ее конкретно довольно сложно. Казалось бы, отступление судьей от каких-то «формальных требований» можно объяснить чисто организационно-административными причинами: в силу большого количества дел и в целях «процессуальной экономии» времени происходит упрощение процедуры проведения судебного заседания. Но в чем же здесь заключается исследовательское противоречие?

В различии между «правом в книгах» и «правом в жизни»?¹ Между устным и письменным текстами? Между естественным обыденным языком и юридическим языком? Между «жесткостью» процессуальной формы и «мягкостью» ее исполнения? Или же все это, по выражению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «дурно увиденные или дурно поставленные проблемы»?²

С позиции «естественной установки повседневной жизни»³ российского профессионального юриста, в том числе и автора настоящей работы, кажется само собой разумеющимся, что право как система норм должно быть уже известно и понятно в качестве подручного наличного знания каждому, кто собирается выступать в суде. Отсюда фоновым знанием предполагается, что в судебном разбирательстве, посредством исследования и оценки доказательств, право как некий текст будет применяться только лишь как один из доводов в аргументации, само же оно существует как что-то внешнее, вне зала суда. При этом практика оглашения непосредственно в судебном заседании только резолютивной части решения суда также способствует представлению здравого смысла, что судьи сначала принимают решения, исходя из «внутреннего убеждения», а уже после, при «отписывании» решений, подыскивают обоснование им ссылками на конкретные положения законодательства. Действительно ли в ситуации судебного заседания «человек ретроспективно определяет принятые решения, а *результат предшествует решению*»?⁴ В этом проблема? Как судьи принимают и обосновывают уже принятые решения? Сложность обозначения конкретного проблемного вопроса состоит еще и в том, что любая предзаданная словесная формулировка проблемы сужает исследовательскую оптику, не позволяя увидеть судебное разбирательство «таким, каким оно себя дает, но и только в тех рамках, в каких оно себя дает»⁵. Чтобы реализовать этот гуссерлевский «принцип всех принципов», попробуем посмотреть на ситуацию суда глазами непрофессионала.

¹ Титаев К. Д. Что же такое «по закону»? История поиска ответов // Социология власти. 2015. № 2. С. 8–15.

² Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. С. 22.

³ Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / пер. с англ. Н. М. Смирновой // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 7–50.

⁴ Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. С. 124.

⁵ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академический Проект, 2009. С. 80.

Приходя в суд, мы рассчитываем на определенное положение дел, строим планы, ожидаем справедливого разрешения своего случая. Во время процесса мы находимся в общем для вовлеченных в процесс лиц пространстве — зале суда, переживая это событие вместе с Другими. При этом предметом судебного разбирательства являются события прошлого, некая, по словам Дж. Гиббонса, «вторичная реальность»¹, которая в настоящем времени заседания должна быть еще восстановлена/реконструирована. А в силу состязательности процесса еще ведется и борьба между разными видениями у сторон этой картины «вторичной реальности». Отсюда можно предположить, что «первичная» правовая реальность создается/обнаруживается в процессе рассмотрения конкретного дела в ходе взаимодействия «лицом-к-лицу» людей, ситуативно составивших специфическую «рабочую группу»² — группу в составе судьи, секретаря, лиц, участвующих в заседании и даже зрителей. И тогда проблема в том, как «первичная реальность» может адекватно схватить «вторичную реальность». Похоже на чисто познавательную задачу. Пожалуй, пора остановиться в набрасывании проблем.

Представляется, что любое социальное исследование, какими бы ни были его неявные эпистемологические допущения, через изучение своего объекта обращается также и к какой-то классической философской проблеме. В нашем случае — это проблема интересубъективности в зале суда. Отсюда исследовательский вопрос может быть поставлен так: «Возможно ли рассматривать отношения с Другими в суде не в парадигме поиска “взаимного признания”³, то есть не в парадигме гегелевской диалектики властных отношений, отношений “раба и господина”⁴, а если да, то как иначе?» Действительно,

¹ Согласно Дж. Гиббонсу, в ходе судебного процесса взаимодействуют три реальности: первичная, то есть непосредственная реальность зала суда; вторичная, то есть события, послужившие причиной судебного процесса; реальность третьего типа — собственно сфера закона (*Gibbons J. Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System. Oxford: Blackwell, 2005. P. 119.* Цит. по: *Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. С. 176).*

² Термин «рабочая группа» (*courtroom workgroup*) впервые был использован Дж. Эйзенштейном и Г. Джейкобом в книге «*Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Court*» для того, чтобы обозначить характер взаимоотношений в суде. (*Моисеева Е. Н. Микрополитика суда. Рецензия на книгу: Eisenstein J., Jacob H. Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Court. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1977 // Социология власти. 2015. № 2. С. 251).*

³ *Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014.*

⁴ *Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 92–120; Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003.*

с одной стороны, приходя в суд за восстановлением нарушенного права, истец испрашивает «признания» своей правоты от ответчика, обращаясь к властной фигуре судьи. И отсюда не случайно суд/спор метафорически ассоциируется с войной¹, а в языке разместились выражения «выиграть/проиграть дело», «разбить аргументы противника» и т. п. И индивидуальная речь послушно следует за языковыми структурами. С другой стороны, если допустить, что социальная реальность судебного заседания именно конструируется, то в наших силах увидеть, как при каждом речевом взаимодействии самовоспроизводится не только конфликтная составляющая поиска признанности, но и создается примиряющая составляющая, по выражению Э. Спинелли, всеобщей «связанности-в-отношениях» (*relatedness*)². Отсюда объектом исследования в данной работе выступает феномен конституирования³ в ситуационных деталях речи людей особой экзистенциальной данности — всеобщей «связанности-в-отношениях».

В чем специфичность «реальности» судебного заседания? Есть ли в ней свой уникальный, в терминах А. Шюца, «когнитивный стиль»⁴, существенно отличающийся от когнитивного стиля той особой «области значения», каковой, по его мнению, является повседневность сама по себе? Можно множить вопросы до бесконечности. Пока не выбран метод исследования, наиболее адекватный изучаемому объекту, эти вопросы напоминают «свободно парящие» теоретические предконструкты, без усталости высматривающие свой объект, но не способные спикировать и схватить его в свои когти. Полагаем, что только феноменологический подход «уникально адекватен» необходимости детально описать происходящее в судебном заседании.

Поскольку «феноменологическая стратегия состоит в том, чтобы описывать вещи (в самом широком смысле) такими, какими они про-

¹ Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

² Spinelli E. Practising Existential Psychotherapy The Relational World. SAGE Publications, 2014. P. 15–23.

³ Слово «конституирование» в данном контексте означает и процесс создания/учреждения социального порядка, и наделение его смыслом всеобщей связанности для вовлеченных в него лиц. Такое понимание термина выбрано несмотря на критику О. Финком гуссерелевского словоупотребления термина «конститутивный» за его тематическую неразъясненность и двусмысленность (Финк О. Оперативные понятия феноменологии Гуссерля / пер. А. А. Шиян // Ежегодник по феноменологической философии. 2008. (1). С. 379). Полагаем, что именно «удвоение» означаемого «конститутивный» позволяет полное охватить многогранность и сложность социальной реальности.

⁴ Шюц А. О множественных реальностях / пер. с англ. В. Г. Николаева // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 401–455.

являют себя, не отсылая к чему-то другому»¹, то такое описание есть по сути и объяснение, и составная часть описываемых обстоятельств. Именно феноменологический взгляд наиболее адекватен поставленной проблеме и может помочь «увидеть видимое». Применение же феноменологического подхода к повседневной практике упорядочивания социальной жизни через анализ ситуационных деталей речи и поведения принято связывать с именами Г. Гарфинкеля и Х. Сакса, родоначальниками этнометодологии и конверсационного анализа соответственно.

Один из главных вопросов, который ставится в данной работе: как можно использовать этнометодологический подход применительно к судебному заседанию? Для его решения обратимся к нескольким традиционным концепциям этнометодологии: *концепциям конститутивного порядка* и *«порядка во всех точках»*.

Понятие «конститутивный порядок» было введено в 1963 году Г. Гарфинкелем в работе «Концепция и экспериментальные исследования “доверия” как условия стабильных согласованных действий» для описания того, как «взаимосвязанный набор возможных событий, которым приписываются конститутивные ожидания», образует не только конститутивный порядок событий игры, но и обнаруживает себя в конститутивном порядке событий повседневной жизни². Для обнаружения конститутивного порядка этнометодологами первоначально использовалась постановка квазиэкспериментальных ситуаций через создание препятствий тому, что люди считают само собой разумеющимся. При этом Гарфинкель свои эксперименты все же не считал в полном смысле слова «экспериментами», скорее это были «демонстрации», и в дальнейшем он отказался от подобной методики в пользу исследования нормальных, ненарушенных повседневных ситуаций.

Важно отличать концепт «конститутивный порядок судебного заседания» от терминологии, использованной в процессуальном законодательстве — «порядок в судебном заседании». Использование предлога «в» свидетельствует о том, что такой порядок в судебное заседание привносится извне через требование соблюдать установленные правила. Модель же конститутивного порядка — теоретический конструкт, призванный тематизировать фактический повседневный

¹ Молчанов В.И. Феноменология //Философия: учебник / под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной. М.: Гардарики, 2003. С. 690.

² Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий / пер. с англ. А.М. Корбута // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 1. С. 10–51.

мир судебного заседания через описание конкретных методических действий участников судебного заседания по вос/созданию локального порядка.

В традиции этнометодологических исследований также принят и широко используется введенный Х. Саксом концепт — «порядок во всех точках», который, как поясняет А. Корбут, «означает, во-первых, что порядок может быть обнаружен везде, и во-вторых, что этот порядок может быть обнаружен только в деталях действий»¹. Отталкиваясь от принципа, что порядок можно обнаружить в любом месте, было решено взять для анализа лишь один эпизод судебного заседания, в момент которого судья разъясняет лицам, участвующим в деле, их процессуальные права.

Процедура планируемого исследования содержит три этапа сбора эмпирических материалов.

В первой части предполагается присутствовать в качестве наблюдателя или участвовать в качестве представителя стороны на судебных заседаниях у случайно выбранных судей в разное время дня, при одновременном выполнении двух условий: в заседании *должны участвовать* представители сторон — профессиональные юристы, а мое присутствие в качестве наблюдателя/представителя на заседании у конкретного судьи должно носить *эпизодический характер и не повторяться*. Главным объектом наблюдения в данном случае выступает речевое поведение судьи: оглашает ли он сторонам их права полностью или ограничивается вопросом: «права известны?», а также что происходит дальше за этой фразой. Можно предположить, что этой фразой и ответом на нее автоматически выстраивается механизм распознавания идентичности по принципу «свой — чужой»², который должен мгновенно для судьи зафиксировать принадлежность или нет представителей сторон к профессиональному юридическому сообществу или к Другим.

Во второй части исследования условия будут изменены: в заседании *не должны участвовать* представители какой-либо из сторон, а мое присутствие на заседании в качестве наблюдателя у конкретного судьи будет носить *эпизодический характер и не повторяться*. В обычной ситуации, когда нет «свидетелей», заседание фактически

¹ Корбут А.М. Концепция конститутивного порядка в этнометодологической традиции: дис. ... к. соц. н. М.: 2014. С. 144.

² Маркина В.М. Конструирование «Других» в масс-медиа: теоретические подходы и методология анализа: дис. ... к. соц. н. М., 2017.

не проводится, аудиозапись не ведется, хотя «на бумаге» оформляется протокол судебного заседания. Наличие же «постороннего» может вынудить судью вступить в диалог со «зрителем», чтобы понять его статус, судья может даже попытаться выдворить его из зала или даже инсценировать судебный процесс с уходом на какие-то доли секунды в совещательную комнату и с публичным оглашением вынесенного решения. При этом сам факт замешательства или иное необычное поведение судьи в этой ситуации может как раз и свидетельствовать о нарушенной упорядоченности социального взаимодействия, о наличии конститутивного порядка обычного судебного заседания.

И наконец, в третьей части исследования планируется присутствовать на судебных заседаниях у случайно выбранных судей при одновременном выполнении иных двух условий: *не важно*, участвуют в заседании или нет представители какой-либо из сторон; мое *присутствие* на заседании в качестве зрителя у конкретного судьи носит *длящийся характер и повторяется* в течение, например, восьмидесяти заседаний подряд в течение дня. Наблюдаем, как судья «выскакивает» к фигуре наблюдателя.

Результаты исследования предполагается представлять в виде отдельных фрагментов диалогов, транскрибированных по методу конверсационного анализа.

Поведение судьи при появлении стороннего наблюдателя можно объяснять и через так называемый эффект «социальной фасилитации», вызванный самим фактом присутствия наблюдателя. Теория социальной фасилитации исходит из того, что «присутствие других возбуждает и социальное возбуждение усиливает доминирующие реакции»¹. В нашем случае «доминирующая реакция» у судьи — это не столько попытка выглядеть хорошо перед сторонним зрителем, сколько стремление осуществлять правосудие от имени государства «по всем правилам».

Однако радикально эмпирический подход этнометодологической традиции противится какой-либо концептуализации полученных результатов через индивидуальные особенности людей, полагая, что в ситуативных деталях разговора проявляется определенная упорядоченность социального взаимодействия, а именно конститутивный порядок судебного заседания.

В заключение, резюмируя вышесказанное, можно отметить, что представленный в статье проект этнометодологического исследования

¹ Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2011. С. 342.

речевого взаимодействия между судьями и участниками судебного разбирательства основывается на следующих допущениях:

1. Проблема интерсубъективности в зале суда может быть исследована путем обращения к концепции «связанности-в-отношениях» как особой экзистенциальной данности. Связанность участников судебного заседания обнаруживается через выстраивание конститутивного порядка судебного заседания.
2. Конститутивный порядок судебного заседания означает и процесс создания/учреждения социального порядка локального характера, и наделение его смыслом/качествами описуемости, то есть наблюдаемости-сообщаемости-объяснимости, общими для всех вовлеченных в него лиц.
3. Конститутивный порядок судебного заседания может быть выявлен посредством конврсационного анализа, в котором анализируются ситуационные детали речи участников.

Основным же итогом исследования может стать демонстрация того факта, что посредством конврсационного анализа речевого взаимодействия выявляется, как участники судебного разбирательства не только состязаются друг с другом, но и одновременно трансформируют свой конфликт в план всеобщей «связанности-в-отношениях», с тем чтобы сделать шаги к поиску конструктивного выхода из конфликтной ситуации.

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫМИ ПРОЕКТАМИ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕЛ И МАЛЫХ ГОРОДОВ СОЦИОКУЛЬТУРНЫМИ СРЕДСТВАМИ

МАРИАННА СЕРГЕЕВНА ОСИПОВА

Московская высшая школа социальных
и экономических наук,
Бразильский культурный центр в Москве

Фавелы Рио-де-Жанейро и их интеграция в городское культурное пространство

Фавелы бразильского Рио-де-Жанейро — полулегальные поселения трущобного типа — с относительно недавнего времени стали таким же символом города, как и знаменитые пляжи Копакобана и Ипанема, гора Сахарная голова, статуя Христа Искупителя и ежегодный карнавал. Это можно связать в первую очередь с международным успехом таких художественных фильмов, как «Город Бога» (2002) и «Элитный отряд» (2007), действие которых происходит в неблагополучных районах Рио-де-Жанейро. Сам образ фавелы, опасной и в то же время такой привлекательной благодаря своей бурной культурной и социальной жизни, превратился в своего рода потребительский продукт и торговую марку (*trademark*).

Вторая волна привлечения внимания к фавелам связана с проведением в Бразилии таких значимых событий, как Чемпионат мира по футболу в 2014 году и Летние Олимпийские и Параолимпийские игры в 2016 году. Оказавшись в центре международного внимания,

Рио-де-Жанейро, ранее воспринимавшийся как «разделенный город», сосредоточил свои усилия на том, чтобы приобрести положительное символическое значение в глобальном формировании образов¹. В рамках подготовки к этим спортивным мегасобытиям можно было наблюдать активизацию государственных программ поддержки и помощи фавелам, в том числе ориентированных на развитие их креативного потенциала.

Тем не менее, по мнению исследователей городского феномена и самих обитателей фавел, действия государства в фавелах в большинстве своем характеризуются игнорированием или пренебрежением креативными стратегиями, которые используют их жители в попытках улучшить качество своей жизни². Таким образом, складывается ситуация, в которой правительство видит необходимость социокультурной интеграции формального города с неформальным, но не может преодолеть навязанные им же стереотипы и предрассудки в отношении фавел. Тогда же и происходит активизация *низовых частных инициатив, которые становятся движущей силой в социокультурном пространстве фавел Рио-де-Жанейро*.

ФЕНОМЕН БРАЗИЛЬСКОЙ ФАВЕЛЫ

В научных и официальных кругах в Бразилии в отношении фавел принято использовать более дипломатичные термины — «субнормальные агломерации» или «сообщества».

По подсчетам Бразильского института географии и статистики (IBGE), в 2010 году в Бразилии было 6329 «субнормальных агломераций»³. Опираясь на данные той же переписи 2010 года, в городе Рио-де-Жанейро 763 сообщества, в которых проживают 1 393 314 человек, то есть 22,03% от общего количества жителей этого города (6 323 037 человек)⁴. Если собрать все фавелы Бразилии в один штат, он бы стал пятым самым населенным штатом страны, а фавелы Рио-де-Жанейро — девятым крупнейшим городом Бразилии⁵. Характер-

¹ Reality Tours. Experiencing the «real thing» in Rio de Janeiro's favelas // *Urban Theory Beyond the West: A World of Cities*. P. 244.

² *Silva Jaison da Souza e Barbosa, Jorge Luiz*. Favela: alegria e dor na cidade. Rio de Janeiro: Editora Senac Rio; [x] Brasil, 2005. P. 65.

³ Mais de 11 milhões de brasileiros vivem em favelas. URL: veja.abril.com.br/brasil/mais-de-11-milhoes-de-brasileiros-vivem-em-favelas/ (дата обращения: 29.03.2017).

⁴ Rio é a cidade com maior população em favelas do Brasil. URL: oglobo.globo.com/brasil/rio-acidade-com-maior-populacao-em-favelas-do-brasil-3489272 (дата обращения: 29.03.2017).

⁵ United, Favelas Would form Brazil's 5th Largest State. URL: www.rioonwatch.org/?p=6913

ной чертой фавел Рио-де-Жанейро является то, что они концентрируются в непосредственной близости к центру города и туристическим местам Южной зоны, соседствуя с фешенебельными районами, что делает их неотъемлемой частью городского пейзажа.

Интересно, что во многих англоязычных исследованиях фавела, как правило, является синонимом слов трущоба (*slum*), поселок из барачков (*shantytown*), сквоттер-сообщество (*squatter community*) или даже гетто (*ghetto*). Американская исследовательница и градостроитель Тереза Уильямсон, однако, заявляет, что в настоящее время лишь немногие из фавел Рио-де-Жанейро можно охарактеризовать вышеупомянутыми словами¹. Действительно, многие дома в этих сообществах построены из кирпича или бетона, в большинстве фавел есть электричество и налажено водоснабжение, в некоторых домохозяйствах есть по четыре телевизора на семью, а беспроводной Интернет постепенно становится нормой. Уильямс выделяет следующие пункты, которые являются характеризующими для всех фавел:

- 1) эти районы появились вследствие неудовлетворенной потребности в обеспечении жильем;
- 2) они строились и развивались в условиях отсутствия внешнего и государственного регулирования;
- 3) они строились и развивались самими жителями (без участия централизованных или сторонних девелоперов).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРАЗИЛЬСКИХ ФАВЕЛ И ОСНОВНЫЕ АГЕНТЫ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Обособленность фавел, как географическая, так и социальная, делает их своего рода анклавом, в том числе культурным, который развивается по своим собственным законам. Эти территории наделяются особыми смыслами, и именно культура становится их проводником. Авторы монографии «*Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности*» пишут: с культурологической точки зрения эти слои отличаются от других отстраненностью от высокой культуры. Театр, консерватория, литература для них недоступны. В лучшем случае они могут наслаждаться карнавальным шествием, футболом, кино, дискотеками. Такой образ «культурной жизни» накладывает неизгладимый отпечаток на весь стиль их

(дата обращения: 29.03.2017).

¹ A City Planner Responds: What is a Favela? URL: catcomm.org/planner-on-favela/ (дата обращения: 19.04.2017).

жизни, поведение, речь, семейные отношения и т. д. Поп-культура и субкультура бедных кварталов — это особый мир человеческих судеб, развлечений и страданий¹.

Проанализировав культурные и творческие процессы и проекты, происходящие в разных фавелах Рио-де-Жанейро, можно выделить трех агентов культурного развития: *государство, международные проекты, частные низовые инициативы из сообщества*.

Активизация правительственных программ, как уже упоминалось, пришлось на годы подготовки и проведения значимых мегасобытий (2010–2016 годы) Некоторые из них оказались несостоятельны и продемонстрировали отсутствие долгосрочной перспективы (например, сеть уже закрытых муниципальных библиотек Biblioteca Parque и Виртуальный культурный путеводитель по фавелам), другие по-прежнему развиваются (например, существующая с 2014 года инициатива Favela Criativa — Креативная фавела).

Одними из первых иностранцев, кто показал всему миру фавелу такой, какая она есть, были Майкл Джексон и Спайк Ли, снявшие в Санта-Марте (район Ботафого, Южная зона Рио-де-Жанейро) клип на песню «They Don't Care About Us». Несмотря на критику и призывы к бойкотированию съемок со стороны местных представителей власти и таких знаменитостей, как Пеле, проект все же удался. В июне 2010 года в фавеле была установлена статуя короля поп-музыки, которая стала настоящей точкой притяжения туристов. После Майкла Джексона фавелы Рио-де-Жанейро, в том числе и Санта-Марту, посетило большое количество звезд музыки и кино, среди которых Мадонна, Бейонсе и Алисия Киз, Леди Гага, Уилл Смит и многие другие. Несмотря на то, что цели визита были у всех разные, фавелы Рио получили самое широкое освещение в иностранных СМИ и привлекли внимание как к своим проблемам, так и к своей бурной культурной традиции (самба, фанки и др.).

Еще одним проектом, сделавшим знаменитым все ту же фавелу Санта-Марту, стал **Favela Painting** — проект голландского дуэта художников Naas&Nahn, созданный в 2005 году. Цель **Favela Painting** — использовать стрит-арт в таких местах, где люди социально изолированы, — трущобах, фавелах, гетто. При тесном сотрудничестве с местными жителями их творчество становится инструментом, с помощью которого можно бороться с предрассудками, находить решения существующих проблем и привлекать внимание к этим территориям.

¹ Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности / отв. ред. Б. И. Коваль. Ин-т Латинской Америки РАН. М.: Наука, 2006. С. 35.

В 2010 году художники приступили к работе над пространством Praça Cantão в фавеле Санта-Марту, где они раскрасили 34 дома на площади в 7 тысяч кв. м. Для реализации этого проекта они наняли 25 жителей фавелы, предварительно организовав для них обучающие мастер-классы. Сами создатели проекта говорят, что посредством такой работы улучшают внешний облик домов, дают возможность заработать местным жителям и, таким образом, улучшают социальный климат в сообществе.

Эти инициативы, реализованные благодаря заинтересованности аутсайдеров (в данном случае иностранных артистов и художников, не проживающих в фавелах), внесли вклад в становление образа «креативной» и «культурной» фавелы, который с каждым годом привлекает все больше и больше туристов в некогда «зоны отчуждения» (no-go areas).

С тех пор как фавелы стали привлекательным туристическим направлением, в среднем их посещают 480 тысяч человек ежегодно¹. Согласно данным 2013 года, около 42 тысячи туристов в год, приезжающих в Рио, посещают фавелы с туристическими целями². В Рио-де-Жанейро в настоящее время работают 16 агентств, предлагающих туры по фавелам (по данным сайта TripAdvisor). В то время как одни из них занимаются исключительно коммерческой деятельностью, предлагая своим клиентам прогулки на джипах (по типу сафари-туров), другие практикуют так называемый «социально-ответственный туризм», поддерживая социальные и культурные проекты в своих сообществах.

Условно туры в фавелах можно разделить на две группы:

1. Социально-ответственные, «устойчивые» туры, которые организывают и проводят инсайдеры (жители фавел).
2. Туры, которые организуют и проводят аутсайдеры (частные туристические агентства, находящиеся в «формальном» городе).

Не сложно предположить, что между этими группами идет достаточно интенсивная конкуренция за клиента. Представители обоих направлений заявляют, что в их задачи входит показать «настоящую» фавелу с ее самобытной культурой и укладом жизни, и иногда складывается впечатление, что идет гонка за то, чье агентство спонсирует больше социальных и культурных проектов в своем сообществе.

¹ Freire-Medeiros Bianca. The favela and its touristic transits // Geoforum. 2009. Vol. 40 (4). P. 580–588.

² Favela Tourism in Brazil [Электронный ресурс]. URL: thebrazilbusiness.com/article/favela-tourism-in-brazil (дата обращения: 16.05.2017).

Одним из самых искренних проектов в этой области, на наш взгляд, можно назвать **Projeto Morrinho** и его туристическое агентство **Morrinho Favela Tour**, расположенные в фавеле Vila Pereira da Silva.

Как и большинство туристически привлекательных фавел Рио-де-Жанейро, Vila Pereira da Silva (Pereirão) находится в Южной зоне города. Визитная карточка этой маленькой фавелы (8 тысяч жителей, по другим данным — 2 тысячи) — проект, который уже на протяжении 20 лет «с помощью творчества трансформирует сообщество и его жителей». Речь идет о макете площадью 400 кв. м, который воспроизводит фавелы Рио в миниатюре, — *Projeto Morrinho*.

Проект начался в 1997 году как детская игра, когда группа местных мальчишек начала строить макет своей фавелы из подручных средств. Со временем к ним присоединялось все больше местных детей, и экспозиция постепенно увеличивалась в размерах. В ход шли кирпичи и прочие материалы, а позже добавились и фигурки LEGO. Вскоре *Morrinho* стал макетом не только родной фавелы, но и собирательного образа сообществ Рио-де-Жанейро. Проект стал привлекать внимание, и в 2001 году бразильские режиссеры сняли о нем документальный фильм, успех которого во многом способствовал созданию НКО — *Morrinho NGO*¹. За время своего существования проект, который стал художественным отображением феномена бразильской фавелы, смог побывать на многочисленных национальных и международных выставках, в том числе на 52-й Венецианской биеннале.

В 2004 году идеолог и создатель проекта, Cirlan Souza de Oliveira, начал проводить экскурсии к инсталляции, а в 2012 году он с единомышленниками решил создать туристическое агентство *Morrinho Favela Tour*:

«Спустя 8 лет с момента начала туристической деятельности в фавеле, в которой мы живем, мы решили изменить маршрут и создать Morrinho Favela Tour. Раньше мы водили экскурсии только к Morrinho, и визит подразумевал только знакомство с инсталляцией и ее историей»².

Теперь туристов организованно встречают около соседнего богемного района Санта-Тереза и проводят им пешую экскурсию по фавеле длительностью в среднем 1 час. За все время начиная с 2004 года

¹ Favelas in Miniature [Электронный ресурс]. URL: riotimesonline.com/brazil-news/rio-entertainment/favelas-in-miniature/ (дата обращения: 31.05.2017).

² Из личного интервью с Cirlan Souza de Oliveira.

по подсчетам самого Cirlan Souza, фавелу с туристическими целями посетили около 20 000 человек.

Фавела Vila Pereira da Silva находится в природоохранной зоне, поэтому проект особенно заботят вопросы устойчивости туров — у них присутствует лимит на вместимость (до 15 человек), а прогулки возможны исключительно пешие, так как в фавеле нет въезда для машин (только для мотоциклов и велосипедов).

Главной задачей туров *Morrinho Favela Tour* его создатели называют вовлечение посетителей в *социокультурную деятельность* фавелы:

«Туристы посещают не только наше креативное пространство, но и другие позитивные места в нашем сообществе: бары, рестораны, закусочные, музыкальные проекты, хостелы и прочие места социокультурной повседневности фавелы. Во время таких прогулок они не только вкладывают деньги в наше пространство, но также тратят их на перекус, напитки, обед, иногда сопровождающийся панорамным видом из фавелы... Раньше в нашей фавеле не было ничего, она только контролировалась наркоторговцами. С тех пор как был создан Morrinho и благодаря всей той позитивной энергии, которую вложили его восемь основателей, все начало меняться, и мы трансформировали наше пространство в социокультурную инсталляцию... И до сих пор мы этим живем: нашими проектами внутри и за пределами фавелы, продвигая нашу деятельность, чтобы другие люди узнали, приняли участие и рассказали об этом»¹.

Morrinho Favela Tour — это часть более глобального социально-культурного проекта под названием *Projeto Morrinho*, в состав которого также входят:

— *Tv Morrinho* — видеопроизводство короткометражек и документальных видео и

— *Morrinho Social* — проект, который создает «маленькую революцию», предлагая жителям фавелы уроки по фотографии и аудиовизуальному искусству, английскому языку, молодежному лидерству и гражданскому воспитанию.

Именно взаимодействием с локальными инициативами, по словам Сирлан Суза, обеспечивается устойчивость проекта:

«...не только Morrinho может что-то получить, но также и вся фавела и ее жители, где они могли бы... расширить свой бизнес, рассказывать о своих работах дома, запустить новые

¹ Из личного интервью с Cirlan Souza de Oliveira.

продукты и увеличить социальную и культурную видимость нашей фавелы. ...сейчас наша фавела изменилась, она стала более узнаваемой и привлекательной. Примерно 1,5% иностранных посетителей живут в фавеле, арендуют жилье для постоянного проживания или отпуска. Я очень счастлив, что произошла эта социальная революция, которую помогли создать Morrinho Favela Tour и Projeto Morrinho, это очень важно»¹.

Во многом благодаря недостаточному присутствию государства в фавелах Рио-де-Жанейро, их жители смогли создать уникальную модель сообщества, породившую своеобразную культуру творческого выживания. Попытки интегрировать фавелы в формальный город предпринимаются правительством уже давно, включая программы по обустройству городского ландшафта фавел и различные социокультурные инициативы «сверху». Между тем именно сами жители фавел (фавеладос) творят ту самую революцию, которая имеет своей задачей разрушить стереотипы об этих территориях как зонах бедности, насилия и антисанитарии. Такие проекты, как Projeto Morrinho, Favela Painting, и сотни других социокультурных проектов демонстрируют, что фавела — это «оплот креативности, изобретательности, духа предпринимательства, искусства, дружбы и солидарности»².

Такие социокультурные практики, как набирающая обороты индустрия фавела-туризма, например, становятся именно тем механизмом, который помогает как самим жителям города, так и туристам переосмыслить соотношение «неформальный — формальный город» и сделать фавелы «видимыми», интегрируя их в общее городское культурное пространство.

¹ Из личного интервью с Cirlan Souza de Oliveira.

² *Meirelles Renato*. Um país chamado favela: a maior pesquisa já feita sobre a favela brasileira. São Paulo: Editora Gente, 2014. P. 17.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК

Софья Константиновна Калашникова

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет политологии,
кафедра политических институтов
и прикладных политических исследований

Символические основания политики идентичности в Санкт-Петербурге: роль городских праздников

Ключевым фактором конструирования региональной идентичности является символическая политика — совокупность конкретных действий, реализация которых направлена на формирование единой общности. Главным средством выступает апеллирование к патриотическим чувствам и гражданственности¹. Давид Гигаури трактует политику идентичности и политику памяти как непосредственные инструменты символической политики².

Формирование символической политики осуществляется разными способами, которые зависят от заданных целей и акторов. Томас Мейер выделил три таких механизма³:

1. Символическая идеологизация и символическое законодательство — инструменты символической политики, которая проводится «сверху».

¹ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 257.

² Гигаури Д.И. Политический миф и ритуал как социокультурные основания символической политики // Вестник СПбГУ. 2015. № 3. С. 91.

³ Поцелуев С.П. «Символическая политика»: К истории концепта // Символическая политика. 2012. № 1. С. 22.

2. Акции гражданского неповиновения и символическое политическое участие — атрибуты, которые характерны для символической политики «снизу».
3. Производство и воспроизводство мифов, определенных ритуальных практик — действия, которые характеризуют двустороннюю (и «снизу», и «сверху») символическую политику.

Политика идентичности выступает базисной составляющей символической политики. Каждому региону присущ свой уникальный набор символов и способов их интерпретации, можно говорить о некоем символическом капитале региона¹, который состоит из его репутации, естественного образа, сконструированного имиджа, а также стратегического брендинга.

Санкт-Петербург — город федерального значения, именно поэтому проблема поиска региональной идентичности актуальна не только для элит и его жителей, но и для репрезентации страны в целом. Кроме официальной традиционной символики город имеет уникальные исторические символы: Медный всадник, кораблик на шпигеле Адмиралтейства и ангел на шпигеле Петропавловского собора Петропавловской крепости отражают общероссийский исторический контекст создания города, определяющую роль Петра Первого в формировании «смыслов» и целей города, его стратегически важное приграничное положение. Стоит отметить, что историческая символика апеллирует к компонентам архитектурного ансамбля, а официальная отражает «деятельные» элементы жизни города: «синтез» морского и речного судоходства, центр имперской власти. А тот факт, что прообразом герба Санкт-Петербурга послужил герб Ватикана (города Святого Петра), указывает на тесную связь города с европейскими традициями.

Наряду с официальной символикой существует множество способов формирования «неофициальной» знаково-смысловой системы. Например, проектные практики конструирования брендов регионов. С одной стороны, они позволяют сформировать или переосмыслить по-настоящему народные символы региона, с другой — способствуют включению в процесс различных заинтересованных групп: федеральных органов власти, региональной элиты, представителей бизнеса, жителей, экспертов.

Ярким примером такого проекта является цикл мультфильмов о российских регионах «Мультфильмы-Россия» («Мы живем в России»), ко-

¹ *Абалмасова Н.Е., Паин Э.А.* Опора на символы в формировании региональной идентичности // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 6. С. 18.

торый начал реализовываться в 2006 году. Финансирование проекта осуществлялось силами регионов и Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям. Премьера состоялась в 2007 году в День народного единства, что также символично. В каждом ролике присутствует рассказчик-медведь, что на символическом уровне соединяет национальную, общегражданскую российскую идентичность с региональной. Говоря о репрезентации Санкт-Петербурга в данном проекте, Денис Докучаев отмечает примат культурного ландшафта над природным, такой путь позиционирования характерен только для столичных регионов¹. В качестве транслируемых выступают в основном символы, имеющие социально-культурное происхождение: колоннада Петропавловского собора, крейсер «Аврора», Революция, разводные мосты. В качестве природных отличительных черт Петербурга названы река Нева и белые ночи. В данном проекте символика города связывается не с естественным эволюционным его развитием в рамках определенной территории, а с активной человеческой деятельностью, направленной на трансформацию окружающей среды.

С начала XIX века город начинает играть новую роль в хронотопическом измерении жизни человечества, именно в этот период в литературе формируются мифологемы городов. В XIX веке появляются и самые известные образы Санкт-Петербурга: «великий град Петра», «город пышный, город бедный» А. С. Пушкина; желтый, болезненный, «мертвый, умышленный, самый фантастический» «город полусумасшедших» Ф. М. Достоевского; бесхарактерный, непохожий «на прочие столицы» город Н. В. Гоголя.

Категория «миф» относится к терминам, обозначающим «семантические и коммуникативные аспекты политической жизни»². Мюррей Эдельман определяет миф как «убеждение/верование, которое разделяется большой группой людей, придавая событиям и действиям специфический смысл»³. Рассмотрев наиболее распространенные и цитируемые мифы о Санкт-Петербурге, можно сделать следующие выводы:

1. Большинство мифов связано с происхождением городских топонимов (Поцелуев мост, Васильевский остров, улица Бармалева и др.).

¹ Докучаев Д. С. Проект «Мульти-Россия». Опыт анализа способов репрезентации российских регионов // Молодой ученый. 2010. № 3. С. 159–162.

² Малинова О. Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика. 2015. № 3. С. 5.

³ Там же. С. 8.

2. Для местных мифов характерна персонификация процесса создания города («город назван в честь Петра Великого»; «Петр Первый построил город на необжитой пустынной территории» и др.).
3. Базой для формирования мифов в массовом сознании не только жителей региона, но и россиян могут выступать некоторые литературные произведения русских классиков (наследие А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. А. Блока и др.).

Также интересно отметить, что существуют мифы и о самих петербуржцах, например миф о том, что большинство жителей — приверженцы либеральной идеологии. Однако результаты выборов, а также исследования политической идентичности молодежи Санкт-Петербурга¹ говорят о том, что приверженность либеральным ценностям подавляющего большинства петербуржцев является скорее декларируемым, чем реально существующим феноменом.

Таким образом, в регионе существует большое количество разноплановых оснований символической политики, мифы и мифологемы играют здесь важную роль. Тем не менее богатая история Санкт-Петербурга включает в себе множество противоречащих друг другу смыслов, возможно, именно в этом заключается основная причина фрагментарности и «выборочности» символической политики. Однако стоит отметить, что акцент делается на дореволюционный период истории, что является характерной чертой символической политики большинства регионов Российской Федерации.

Политика идентичности в Санкт-Петербурге, несмотря на сравнительно «молодую», но богатую историю региона, претерпела множество трансформаций, что было естественной ответной реакцией на социально-политические изменения и экономические «колебания», происходившие как на региональном, так и на общероссийском уровне. В рамках данной статьи рассматривается одно из ключевых направлений политики идентичности — ритуализация пространства и принадлежности к сообществу. В связи с этим важную роль играет как самоназвание жителей региона, так и определение самого места принадлежности сообщества. Также необходимым условием, которое напоминает людям об этой принадлежности, является проведение регулярных праздничных мероприятий городского и регионального уровня.

¹ Попова О.В. Политическая идентичность молодежи Санкт-Петербурга (по итогам эмпирического политического исследования, ноябрь 2013 года) // Вестник СПбГУ. 2015. № 1. С. 4–13.

Не будет ошибочным предположение, что Санкт-Петербург имеет наибольшее среди российских регионов количество названий. Их можно разделить на несколько групп:

1. Официальные названия: Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград.
2. Названия, связанные со столичными (1712–1918) амбициями региона: «культурная столица», «северная столица», «вторая столица», «столица Российской империи».
3. Названия, отражающие исторические особенности развития региона: «город трех революций», «бандитский Петербург», «город на костях», «блокадный Ленинград», «Город-герой Ленинград», «Питер».
4. Названия, характеризующие географическую, пространственную специфику расположения города: «самый большой северный город», «окно в Европу», «город-порт».
5. Названия, так или иначе связанные с именем святого Петра: «город святого Петра», «Петрополь».
6. Названия, основанные на архитектурно-урбанистических характеристиках: «город на воде», «город на болоте», «северная Пальмира», «северная Венеция».

Такое разнообразие может быть связано с изменением статуса города, с его архитектурной уникальностью, с историей, события которой имели глобальное значение для истории всей страны.

Однако более важным и определяющим современную идентичность петербуржцев компонентом ритуализации принадлежности выступает регулярное проведение массовых мероприятий, празднование памятных дат, имеющих не только формальное историческое значение, но и являющихся важными компонентами коллективной политической памяти регионального сообщества. Существует несколько свойств праздника как средства конструирования определенного символического поля; Валентина Ефремова выделяет следующие¹:

- 1) временной отрезок, который противопоставлен будничным дням;
- 2) тесная связь с ритуальностью;
- 3) карнавальность и зрелищность, то есть внешние оформления праздничного действия;
- 4) сакральность (например, в английском языке «holiday» происходит от слова «святой»).

¹ Ефремова В. Н. Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2015. С. 42.

Формулирование и утверждение определенных дат, их закрепление в городском календаре, безусловно, указывает на то, что система праздников — политика идентичности, то есть основания идентичности устанавливаются «сверху». Однако поддержание и наполнение праздника тем самым смыслом, ради которого он изначально организовывается, — вклад жителей города. Так, для Пьера Бурдые¹ праздники — это социальные практики, делающие возможным «консенсус по поводу смысла социального мира», то есть инструмент социальной интеграции. Таким образом, институт городских праздников, основываясь на деятельности политических институтов и культурно-исторических предпосылках, реализуется как социальная практика, что делает этот феномен идентичности особенно интересным для рассмотрения.

Согласно закону Санкт-Петербурга «О праздниках и памятных датах в Санкт-Петербурге», к официальным праздникам относятся День Устава Санкт-Петербурга (14 января), День прорыва блокады Ленинграда (18 января), День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (27 января), День города — День основания Санкт-Петербурга (27 мая), День рождения Петра Первого (9 июня), День Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла (12 июля).

В реальности особенно ожидаемыми и ярко празднуемыми региональными событиями являются День города и День Победы. Именно в эти дни на улицах собирается максимальное число горожан, проводятся различные мероприятия не только в центре, но и в других частях города. Важно отметить, что празднование организуется не только силами региональных властей, но и районными, местными властями. Примером может служить особенное отношение жителей Василеостровского, Калининского и других районов ко Дню Победы. Именно День Победы является фактически единственным праздником, способным сформировать единый тон интерпретации на уровне нации². Таким образом, можно сделать вывод, что этот праздник обладает достаточным потенциалом для объединения локальной, региональной и национальной идентичностей.

Наряду с празднованием такой памятной даты, как День города, репрезентация символов Санкт-Петербурга осуществляется и в рамках других праздников, которые не связаны с историческими

¹ Бурдые П. О символической власти. СПб.: Алетейя, 2007. С. 92.

² Ефремова В. Н. Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2015. С. 142.

событиями, но проводятся регулярно. Примером такого ритуализированного мероприятия может быть праздник выпускников «Алые паруса». Огромное количество горожан и туристов собирает ежегодное мультимедийное световое шоу на воде. Так, в 2010 году его посетили около 3,5 миллионов человек. Алые паруса на воде символизируют собой надежды города на новое поколение молодежи. Алые паруса уже стали визитной карточкой города не только на всероссийском, но и на международном уровне, несмотря на то, что праздник проводится с 2005 года (речь идет о восстановлении праздника, который отмечался с 1968 по 1979 год). Интересно отметить, что данное событие имеет значение не только для политики идентичности Санкт-Петербурга, вызывая чувство гордости и подчеркивая уникальность города (это единственный в мире праздник для выпускников такого масштаба), но и всей страны, так как среди гостей праздника присутствуют первые лица государства, а освещением занимаются как региональные, так и федеральные СМИ. Лозунг праздника также отражает данный тренд («Вместе с Россией»), несмотря на то, что под «Россией» подразумевается название одного из организаторов праздника (акционерного банка «РОССИЯ»). Однако стоит отметить, что в СМИ также публикуются и негативные отзывы. Так, например, в блогосфере активно высказываются отрицательные мнения, акцентирующие внимание на том, что на празднике бывает много подростков в состоянии алкогольного опьянения со всеми вытекающими последствиями.

Также стоит подчеркнуть наличие в городе довольно специфических, но от этого не менее популярных праздников. Например, таким событием стал Праздник корюшки, который ежегодно проводится с начала 2000-х годов. Праздник посвящен неприметной рыбешке, пристрастие к которой отличало жителей города еще во времена Н. В. Гоголя, прославившего корюшку устами городничего из «Ревизора»¹: «Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть». Каждый год это мероприятие посещают более 80 тысяч жителей и гостей города². Исторически первые городские празднования, связанные с этим символом города, относятся еще к 1708 году, однако реабилитирован он был совсем недавно. Можно сказать, что праздник, уже ставший массовым

¹ *Рассадина С. А.* Практики удовольствия как основание для трансформации культурной идентичности в обществе потребления // Вестник СПбГУ. 2009. № 2. С. 387.

² *Драчева Е. Л., Христов Т. Т.* Гастрономический туризм: современные тенденции и перспективы // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 3 (4). С. 47.

за последние 15 лет, связан с активным развитием «экономики впечатлений» и событийного туризма, а также гастротуризма. Сегодня многие особенности петербургской кухни исчезли, нивелировались, но корюшка как деликатес, сохранивший свою символическую значимость сквозь века, осталась. На этом примере мы видим, что роль государства уменьшается, а первостепенными акторами конструирования символов становятся бизнес и само городское сообщество.

Проведение массовых праздников является важным направлением политики идентичности, некоторые праздники позволяют городским жителям почувствовать сопричастность не только к сообществу и к территории своего региона, но и к российскому обществу в целом. Безусловно, политика идентичности в Санкт-Петербурге носит инклюзивный характер и не противоречит общенациональному, федеральному курсу. Однако сугубо региональные мероприятия формируют некую «отстройку», образуя специфику именно региональной идентичности. Стоит подчеркнуть, что массовые городские праздники являются наиболее интегративным средством формирования идентичности: в их проведении и организации принимают участие и органы государственной власти, и представители бизнес-сообщества, и, конечно, сами петербуржцы. Поэтому можно отнести это направление к одной из современных социокультурных практик формирования идентичности.

Еврейский этнос как часть социокультурной среды Москвы

Изучение столичной социокультурной среды, ее развития и структурных изменений подразумевает внимание и к главным адресатам всех городских проектов и активируемых практик — жителям Москвы как основной целевой аудитории во всем ее многообразии. Евреи входят в население города Москвы, как и другие различные этнические группы или народности. Вопрос еврейской идентичности не первый год стоит особняком для исследователей самых разных профилей и специальностей¹. Однако в контексте развития всей многогранной социокультурной жизни столицы и ввиду динамики развития самой еврейской общины в Москве появляется повод для дискуссии об идентичности нового поколения столичных евреев. Интерес вызывает то, какие изменения произошли не столько с идентичностью евреев, сколько с *восприятием* того, как и какой видится сегодня еврейская жизнь в Москве. Некоторые устоявшиеся взгляды о московских евреях до сих пор сосредоточены на религиозном аспекте, на внутренней и обособленной жизни еврейской общины. Уже ставшие традиционными представления о еврейской жизни в городах достались нам в качестве наследия разномастного антисемитизма, бытовавшего в том числе и в советские времена, и в дореволюционной России и в более ранние исторические периоды. Сегодня в контексте современной Москвы как развивающегося города подобные взгляды нуждаются в переосмыслении. Необходимо предложить обновленный или альтернативный взгляд на современную культуру московских евреев. Особое же внимание привлекает то, как культура нового поколения московских евреев вписана и интегрирована в контекст развивающейся социокультурной среды Москвы.

¹ *Treewater-lipes R.N.* Jewish Russian-ness or Russian Jewish-ness: Dina Rubina and the Russianspeaking Alliyah identity // НИР. 2014. Т. 9 № 1; Ханин В. Религиозная идентичность выходцев из бывшего СССР в Израиле // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. Т. 33. № 3; Коник С.В. «Русская улица» Израиля как часть «Русского мира» // Мониторинг. 2011. № 3.

Думается, что сегодня уже можно заявить о том, что различные социокультурные практики не просто формируют культурную идентичность московских евреев, но и позволяют евреям (наравне с другими этническими сообществами) комфортно участвовать в культурной жизни российской столицы.

На сегодняшний день в литературе существует ряд исследований, посвященных теме еврейской идентичности в России. Пласт работ, смежных теме культурной идентичности евреев, фактически можно разделить на несколько блоков. Существуют исследования о самих феноменах культурной и этнической идентичности, а также отдельно о еврейской идентичности¹. Отдельным блоком вынесем работы по изучению городской, в частности московской идентичности. Более того, сегодня в литературе уже предпринимаются комплексные попытки анализа уровня этнической идентичности в городе, городской среде по сравнению с сельской местностью². Ряд научных трудов, статей, брошюр (некоторые в качестве источников) посвящены жизни и истории евреев Москвы. Разумеется, много дискуссий по поводу процессов еврейской ассимиляции в современной России и о ее последствиях³.

Однако комплексной работы о культуре современных евреев в условиях города в контексте развивающейся социокультурной сферы Москвы пока еще не существует. Как правило, специалистов по иудаике контекст города сегодня интересует в меньшей степени. Чаще работы пишут «изнутри общины»: еврейские авторы, раввины, журналисты — люди и организации, ответственные за освещение текущих дел евреев и поднимающие проблему именно сохранения еврейской идентичности в Москве. Относительно еврейской общины Москвы пишут о том, насколько целостной выглядит эта

¹ Лучшеева Е.Б., Преснякова Л.В. К вопросу о социокультурной идентичности // Территория новых возможностей. 2011. № 2; Резанова З.И. Дискурсивные стратегии презентации национально-культурной идентичности // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2012. № 4; Супрунчук А.П. Музей — пространство для ретрансляции культурной памяти на примере современных еврейских музеев // Studia Humanitatis. 2015. № 3.

² Шарипова М.Т. Факторы социально-культурной идентичности Санкт-Петербурга: основы формирования и актуальность // ТРУДЫ СПБГИК. 2015. № 1; Розенберг Н.В. Культурный потенциал региона как фактор формирования культурной идентичности // Аналитика культурологии. 2008. № 11; Акимова И.А. Социализация и формирование социокультурной идентичности студенческой молодежи // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6.

³ Зеленина Г. Портрет на стене и шпроты на хлебе: московские евреи между двумя «Сектами» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3.

группа, и о внешних факторах, таких как антисемитизм и (ин)толерантная среда¹.

Специалистов же из других сфер — культурологов, философов, социологов и урбанистов, наоборот, конкретно евреи интересуют в меньшей степени, несмотря на общий интерес к сообществам и этническим группам в городе. В числе таких исследователей можно назвать ведущего научного сотрудника Института географии РАН Ольгу Вендину — опытного специалиста в вопросах экономической и социальной интеграции этнических групп в Москве, изменений в этническом и социальном составе столицы и т. п. В ее работах евреи, безусловно, нанесены на полиэтничную карту столицы². Однако в начале 2000-х годов в научной литературе был сделан упор на большой приток народов с Кавказа и, соответственно, тема кавказской миграции³ буквально заслонила другие обсуждаемые проблемы с этническими меньшинствами. В то же время демографические показатели евреев, наоборот, зафиксировали отток представителей их этническо-религиозной группы в связи с открывшимися возможностями репатриации в Израиль и миграции в западные страны.

Но именно Вендиной одной из немногих удалось установить в своих рассуждениях о сдвигах этнических составов процесс смены идентичности, начавшийся в российской столице уже в период перестройки. Еще перепись 1989 года выявила размывание идентичности и то, что именно московский образ жизни позволяет в первую очередь называть себя москвичом, а уже потом представителем какой-либо национальности⁴. Если взять в расчет этот вывод и недостаток в литературе знаковых работ о новом поколении московских евреев 2010-х в контексте городской среды, то откроется простор для рассуждения и новой попытки осмысления еврейской идентичности в Москве.

Исходя из приведенных выше рассуждений, следует вновь сделать существенную оговорку, что объектом в нашем случае является не еврейская община в традиционном понимании с ее привычной замкнутостью, религиозной окраской и склонностью к сохранению

¹ *Примаков В.Л., Маткаримова Г.В.* Сравнительный анализ этноконфессиональной напряженности в Москве и других европейских столицах // Вестник МПЛУ. 2014. № 2.

² *Вендина О.* Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3.

³ *Вендина О.* Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? // Polit.ru. URL: polit.ru/article/2004/11/19/demoscope177/ (дата обращения: 15.07.2017).

⁴ Там же.

целостности этой группы, а именно новое молодое поколение евреев Москвы, являющихся активными участниками развивающегося города и новых практик. Думается, что еврейская молодежь сегодня достаточно восприимчива к светской жизни, интеракции и коммуникации с остальным населением столицы и репрезентативна как исследуемая группа. Так, например, еще в том же 1989 году, по результатам опросов, восприятие собственной принадлежности было ближе к городу, а не к национальности отчасти по причине того, что около 15% респондентов были фертильные молодые люди¹.

Сегодня можно выделить сразу несколько факторов, влияющих на формирование этнической идентичности, среди которых этнические границы, социальная и культурная дистанция, изменения в политической сфере и особенности культурной среды. В настоящей работе предлагается сформулировать собственный подход и сделать акцент именно на *изменении культурной среды как фактора*, влияющего на формирование еврейской идентичности.

Рассуждение о восприятии культуры столичных евреев и формировании идентичности следует начать с показательного примера, характеризующего устоявшиеся представления о еврейской жизни в Москве. Так, если ввести запрос в интернет-поисковике «Москва еврейская» или «евреи Москвы», то среди первых результатов будут предложены синагоги, еврейские школы, видеоэкскурсии по историческим местам и районам евреев и т. д. Однако это касается сложившейся общины и скорее идентичности прошлых поколений, поэтому нам нужен новый альтернативный и свежий взгляд.

Практики, формирующие культурную идентичность нового молодого поколения евреев (в том числе светских евреев любого возраста), могут быть активированы в комфортной социокультурной среде, где было бы удобно находиться и свободно «ориентироваться», — в пространстве, с которым это поколение себя бы осознанно и добровольно идентифицировало. Опыт показывает, что процессы появления и развития подобной среды происходят в тех местах (улицах, районах, округах) Москвы, где в социокультурную жизнь столицы сегодня вовлекаются самые разные этничности, культуры и меньшинства. *Почему мы можем это утверждать?*

В процессе социокультурной динамики и изменений городской среды мы уже видим отдельные события, делающие жизнь еврейской молодежи комфортной. Разница в том, что теперь в качестве раз-

¹ Там же.

личных практик выступают не только синагоги и еврейские школы, но и фестивали еврейского кино, магазины, лектории, музеи и культурные центры. Сокращение дистанции между культурами в городе становится все более заметным. Созревшее общество и сложившаяся толерантная среда уже давно способствуют развитию межкультурного и межэтнического диалога¹. Как результат, в прошлом «*внутренние*» практики евреев становятся доступны и другим национальностям, меньшинствам и культурам — остальному населению Москвы, которое уже сегодня с интересом изучает и знакомится с еврейскими местами, традициями, вечеринками, кино или музеями.

Так, одним из последних новшеств для москвичей стала еврейская кухня — маленькие лавки и тематические рестораны, доступные уже не только в этнических районах Москвы. Все более популярным становится Еврейский музей и центр толерантности, известный не только своей постоянной экспозицией с мультимедийными решениями, но и временными проектами, выставками, в частности посвященными русскому авангарду и искусству второй половины XX века. Кроме того, есть ряд просветительских и образовательных проектов разных масштабов («Лимуд», проект «За скобками»), где обсуждаются темы «еврейства и не только» или «не только еврейства». Наконец, помимо просветительских и образовательных проектов, востребованными становятся еврейские праздники и вечеринки. К слову, весной 2017 года в небезызвестном среди молодежи клубе «Untitled» прошло празднование еврейского карнавала Пурим в формате светского тематического мероприятия, ставшего ярким примером все более распространяющихся в Москве подобных практик.

Формирование такой благоприятной среды неслучайно. Инициатива по вовлечению еврейской культуры в жизнь столицы и по сближению с остальными культурами происходит обоюдно.

С одной стороны, действия предпринимают *еврейская община* и еврейские организации, такие как ФЕОР (Федерация еврейских общин России), РосЕврКонгресс, МЕОЦ и т. п. Например, ряд образовательных и культурных институций предоставляют горожанам возможность бесплатно изучать иврит или основы иудаизма. Большой прогресс заметен в сфере медиа, где также есть примеры удачных проектов, таких как «EnerJew» или журнал «Jewtnal».

¹ Чернокожева Э. Межкультурный диалог: концепты и практические шаги // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 1.

В то же время и город идет навстречу, предлагает различные практики для евреев и предоставляет «почву» для межкультурной коммуникации. Совместное продвижение различных мероприятий — фестивалей еврейского кино, еды, музыки и других искусств — все это развивается за счет больших городских изданий и таких трендсеттеров, как «The Village», «Афиша», «2do2go». Ведущие высшие учебные заведения, например Высшая школа экономики, объединяются с Еврейским музеем и организуют совместные образовательные программы, лектории.

Не менее важным фактором являются достойный и достаточный уровень восприятия новых социокультурных практик и готовность к коммуникации, которые сегодня демонстрируют как евреи, так и представители других этничностей и культур в Москве. Все более обыденной становится ситуация, когда еврей одновременно и соблюдает шаббат, и ходит на светские или нееврейские вечеринки. Ровно также ничто не мешает представителю другой национальности или вероисповедания воспользоваться услугами Еврейского музея или общинного Центра (МЕОЦ).

Подобными совместными усилиями — городом и общиной — создаются такие условия, что границы идентичностей — московской и городской — размываются. Появляющиеся практики влияют на изменение в восприятии жизни столичного еврейства. Теперь мы узнаем многое о еврействе, а евреи комфортно чувствуют себя в новой развивающейся среде.

Влияют ли практики и развитие культурной среды на еврейскую идентичность? При ответе на этот вопрос все еще необходимо быть осторожным. Темпы социокультурного развития на сохранение еврейской идентичности не влияют. Но в то же время практики формируют новое восприятие, находящееся на пересечении еврейской светской жизни и развивающейся столичной городской культуры.

Как раз в такой среде московский еврей, ведущий светский образ жизни, способен задуматься о собственной идентичности: отнести себя больше «к городу» или к еврейству как этническо-религиозной группе? Настоящий же анализ восприятия жизни нового поколения московского еврейства показал, что на самом деле не сами культурные различия, а смыслы, которые мы им придаем, формируют и оформляют отношения между людьми.

Культурная идентичность в аспекте цивилизационного подхода: практики поддержания и конструирования

Феномен культурной идентичности является сегодня объектом внимания в самых разных гуманитарных контекстах, формирующих многообразие аспектов его осмысления и поддержания в различных культурных практиках. Отчасти это внимание обусловлено тем, что в современных условиях «многие люди оказываются перед необходимостью переопределять собственную идентичность, а национальной идентичности приходится уступать место идентичностям социальным и религиозным»¹.

Проблематика культурной идентичности отсылает к более общему плану исследований феномена идентичности как такового. Идентичность означает тождественность, соотнесение одного субъекта с другими, она есть результат длительного процесса личностной идентификации в ее соотнесенности с социумом, устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных и цивилизационных параметров, их самоидентичность. Исходя из этого, культурную идентичность можно рассматривать как достаточно стабильный мировоззренческий конструкт, являющийся результатом длительного процесса социокультурного усвоения.

Акцент на культурных практиках позволяет уточнить содержание категории идентичности. Наша гипотеза заключается в том, что идентичности являются «воображаемыми конструктами» (С. Хантингтон, Б. Андерсон), включающими наше представление о собственной идеальной сущности (индивидуальной, коллективной), которое формируется «в рамке» определенной социокультурной деятельности. В свою очередь культурно-цивилизационная идентичность возникает

¹ Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 11.

как способ самоопределения цивилизации через культурное самоотождествление индивидов, групп, этносов, конфессий. Действительно, культура каждого народа исторически формировалась как самобытный феномен, включающий язык, традиции, обычаи, элементы идеологии и мифологии, закреплённый в исторической памяти народа в виде специфической картины бытия — коллективных символических образов социокультурной реальности. Таким образом, цивилизационный подход к явлению культурной идентичности позволяет исследовать ее как продукт воображаемых коллективных репрезентатов специфических культурных практик. По А. В. Лубскому, «воображаемое» существует как результат коллективных представлений социальной реальности, представляя собой «гипостазирование абстрактных сущностей». Абстрактные понятия или образы как презентации идеальных предметов, как коллективные целостности (цивилизации, народ, нации и т. д.) навязывают определенное видение социальной действительности, благодаря чему люди могут заявлять о своей принадлежности к идеальным сущностям, делая их социально реальными через осуществление в культурных практиках.

Культура, представляя собой «программную» совокупность символов и образов социальной реальности, играет ключевую роль в формировании цивилизационной идентичности.

С одной стороны, культура обеспечивает «эталонные» (О. С. Анисимов) способы социального бытия для носителей конкретных образов мира, благодаря которым люди оформляют и осуществляют собственное бытие в социуме, свои взаимоотношения с другими людьми. Нормативные идеи и образы через механизмы социального воображения создают «общепринятое понимание, делающее возможными совместные практики, а также формирующее и сплачивающее чувство легитимности»¹. Символические пласты культуры «семантизируют» внешний социальный мир, переводя образы коллективного бессознательного в структуры коллективного сознательного. Поэтому воображаемые культурные миры играют большую роль в процессе социального взаимодействия и формирования коллективных, в том числе и цивилизационных идентичностей².

¹ Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас. 2010. № 1. С. 19–26.

² Лубский А. В. Цивилизационная идентичность: методологический конструкт интердисциплинарных научных исследований // Вестник Российской академии естественных наук. 2013. № 3. С. 49–52.

С другой стороны, идентичности проявляют себя только в практическом отношении к себе и к миру. Практика представляет собой разумную человеческую деятельность, основанную на сознательном целеполагании и направленную на преобразование действительности, в том числе и самого человека. Иногда практику определяют так: деятельность, служащая для достижения необходимой опытности в каком-либо деле, а также индивидуальный опыт того или иного специалиста в своей области. Культура рождается прежде всего в качестве совокупности культурных практик.

Таким образом, идентичность, возникая на основе и в границах некоторого внутреннего знания, «структурирует и направляет мысли, чувства и действия членов коллектива»¹. Поэтому важным является вопрос о том, как и каким образом формируется это внутреннее знание, какие социокультурные условия являются фундаментальным основанием поддержания и конструирования идентичности.

В качестве одного из подходов, ориентирующих на поиск оснований культурной идентичности, мы рассматриваем цивилизационный подход. В данном ракурсе цивилизация предстает как устойчивая во времени культурно-историческая практика, позволяющая сохранять индивиду «матрицу идентичности» в различных локусах — временных и территориальных.

Понимание цивилизации как системы, имеющей в основании единые культурные ценности, объединенной экономической, политической и социальной организацией, в целом характерно для современной гуманитаристики². Цивилизация как система устойчивых культурных практик предполагает взаимосуществование (взаимопризнание и согласование) трех базисных факторов, определяемых как силы: народ, государственное управление и культура³. У каждой из сил есть своя функция, или миссия. Миссия «народа» — осуществлять «жизненное самовыражение» для своего воспроизводства и развития. Миссия «управления» состоит «в придании интегральной определенности, организованности, совмещенности усилиям народа в том числе и путем разработки и реализаций стратегий». Самая сложная миссия принадлежит «культуре»: она заключена «в обеспечении

¹ Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 41.

² Там же. С. 17.

³ Анисимов О. С. Эффективная Россия. URL: metodologika.ru/node/265.

самоорганизации “народа” и “управления” высшими критериями внесения неслучайности, как в фокусировке интеллектуальности, так и мотивационности, чувственности, а также самокоррекционности и совмещенности в сообществе»¹. Воспроизводясь в культурных практиках, в объектной деятельности людей, эта совокупная норма формирует рамки культурно-цивилизационной идентичности, в которых человек идентифицирует себя именно через высшие ценности, представления «о должном», накопленные культурой на протяжении веков.

Приведем такой пример: рассмотрев мнение россиян о справедливости распределения доходов и собственности, легко заметить, что респонденты при ответе на этот вопрос «опирались не на свои личные интересы, а на представления о “должном”, то есть определенные культурные нормы»². Соответственно, «отвечая на вопросы о дифференциации доходов и необходимости ее сокращения, россияне отталкиваются не от представлений о своей личной ситуации, а от концепции справедливости как элемента их нормативно-ценностной системы и определяющей идеи в построении модели желаемого общества»³. Эти определенные нормы и представления о «должном» составляют устойчивые критерии культурной идентичности. Они связываются не только с текущими ценностями, но главным образом — с нравственными образцами, традициями и обычаями, которые выполняют роль матричных конструкторов в культурных практиках.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что, во-первых, культурные практики не могут осуществиться без руководства «ядерных» ценностей, которые выступают как ядро культуры, конструирующее вокруг себя «идеальное воображаемое» идентичности. «Ядерные» ценности культуры — это главная идеология, которая постепенно формируется в долгосрочной культурно-практической деятельности людей. Они играют руководящую роль в культурно-цивилизационной идентификации.

Во-вторых, любые культурные практики не могут существовать без многообразных культурных ресурсов. Культура каждого народа основывается на географических характеристиках места, на исторических перспективах народа, на материальных средствах и целях. Все эти внешние факторы оказывают влияние на формирование ценностей

¹ Там же.

² Горшков М.К., Козырева П.М., Ли Пэйлинь, Тихонова Н.Е. Идеальное общество в мечтах людей в России и в Китае. М.: Новый хронограф, 2016. С. 162.

³ Там же. С. 166.

и нормы поведения людей. Именно поэтому культура каждого народа самобытна. Через самобытность культуры мы понимаем, что такое «свое», а что такое «чужое». Представление о себе как о субъекте культуры возникает у людей только тогда, когда они начинают взаимодействовать с практиками иных социокультурных групп, сталкиваются с другими ценностями и другими типами поведения.

В-третьих, с развитием истории элементы традиций и инноваций культурных практик взаимодействуют друг с другом. В процессе культурных практик одновременно происходит не только сохранение культурных традиций, но и разумное прогнозирование общей тенденции развития мировой культуры. Исходя из этого, в современных условиях активной межкультурной коммуникации возникает проблема сбережения «ядерных» констант традиционных культур. В качестве примера можно привести культурную историю Китая.

Так, активные константы традиционной китайской культуры — это гуманность, справедливость, благопристойность, мудрость, доброе намерение, любовь к Родине, уважение к старшим, трудолюбие, а также гармония человека с природой и т. д.

За минувшие сто лет Китай не раз сталкивался с проблемой сохранения собственной культурно-цивилизационной идентичности. Сегодня в Китае все больше и больше людей понимают, что нация, отрицающая собственную культурную идентичность, не может встать в ряд передовых государств мира. Обращение к исходным традициям, поиск ответов на глобализационные вызовы в «ядерных» константах культуры характерны для современного Китая.

Китайская традиционная культура оказала влияние и на практику современного образования. Одним из свидетельств этого являются изменения учебной программы в школе. Согласно требованиям «Программы реформы перечня предметов в базовом образовании», школьники должны не менее 10 дней в учебном году посещать различные общественные мероприятия. Это позволяет им быть в курсе общественных проблем, уметь применять свои знания на практике, подготавливает их к будущей взрослой жизни. Многие подобные мероприятия тесно связаны с искусством, например посещение домов-музеев известных людей, культурных достопримечательностей, музеев, визиты к известным деятелям культуры с приглашением их в школу для чтения лекций, добровольная работа в домах престарелых с выступлениями перед пожилыми людьми с различными программами. Школы организуют для детей разнообразные конкурсы,

такие как конкурсы поэзии, конкурсы на знание пословиц и поговорок, создание парных надписей. Детям рассказывают о правилах поведения в традиционной семье, приглашают мастеров народного искусства для обучения школьников лепке из глины, вырезанию рисунков из бумаги, вышивке и т. д. Все это не просто приобщает детей к богатейшему духовному наследию предков, но создает определенные нормы и представления о «должном», о «своем», что и составляет устойчивые рамки культурной идентичности.

Места памяти и публичное пространство как социокультурная практика формирования локальной идентичности

ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ГОРОДЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Существует много различных точек зрения на понятие «публичность». Однако данный концепт является идеологически детерминированным, поэтому зачастую бывает так, что понятие «публичность» обозначает разные явления. Так, либеральная теория отождествляет «публичное пространство» с концептом «гражданского общества», объединяющего всех свободных граждан и их экономическую деятельность. Наоборот, социал-демократическое направление исследований акцентирует внимание на том, что «рынок» является врагом публичной сферы, поскольку рыночные интересы сугубо индивидуализированные, а публичность по определению должна выходить за пределы частных интересов. Иными словами, публичная сфера в «левом» теоретико-идеологическом крыле опирается на мышление, которое способно как бы подняться над частными интересами и задуматься над общим благом. Поэтому борьба за публичность может пониматься как стремление вывести ее за рамки контроля, осуществляемого частными лицами — бизнесом и корпоративными структурами.

Таким образом, единого понимания в определении публичного пространства не существует, что сильно осложняет любую дискуссию по этому вопросу. Однако можно утверждать, что к концу XX века в социальных науках сложился некоторый консенсус по поводу данного концепта, который можно считать «мейнстримом». В этом отношении стоит обратиться к трудам теоретиков-классиков Ханны Арендт и Юргена Хабермаса. Если обобщить их теоретический опыт, можно сказать, что они понимают публичную сферу как пространство встреч свободных граждан, на котором посредством организованной коммуникации осуществляется выработка подходов к совместному жизнеустройству общества. Безусловно, данный подход больше связывает публичную сферу с политикой и выработкой политических решений,

также акцентирует внимание на доминировании в научном дискурсе концепта совещательной, или делиберативной, демократии. Рассмотрим аргументации обоих теоретиков.

Для Ханны Арендт идеальным публичным пространством является античная греческая агора или римский форум, то есть именно городские площади, где собирались граждане полиса для обсуждения общественных вопросов, философствования, дискуссий и предъявления себя другим гражданам. Сформулируем основные аспекты ее теории:

1. Политика носит состязательный характер (агональный характер политики). Состязания ведут к выявлению сильнейшего в красноречии, борьбе мнений. Всякое соперничество при этом предполагает отношения равенства. Иными словами, пространство публичной жизни представляет собой «область свободы», пространство для выражения индивидуальности, в то время как «порядок домохозяйства опирался как раз на неравенство».
2. Существует определенная локализация деятельности, и агент входит в очерченную зону публичного пространства со своей речью и действием, раскрывая свою уникальность, потому как «все сходящиеся в нем каждый раз занимают тут разные позиции, и местоположение одного так же не может совпасть с местоположением другого, как и местоположение двух предметов. Увиденность и услышанность другими получает свою значимость от того факта, что каждый смотрит и слушает с какой-то другой позиции. Это как раз и есть смысл публичного сосуществования, в сравнении с которым самая богатая и удовлетворяющая семейная жизнь может предложить лишь распространение и размножение собственной позиции и присущих ей аспектов и перспектив»¹.

Таким образом, можно обозначить основные признаки публичного пространства по Арендт: 1) публичность представляет собой физическое пространство для собрания групп людей, объединяющихся вместе для коллективного принятия политических решений; 2) оно обязательно для человеческой деятельности, так как в публичном действии заключаются все три активности жизни по Арендт; 3) оно является средой и условием развития.

Другая концепция публичного пространства представлена в трудах немецкого философа Юргена Хабермаса. Он не исходит, как Арендт, из локализации концепта публичного пространства, а предлагает

¹ Лебедева Н.Д. Рецензия на книгу: Сеннет Р. Падение публичного человека //Социология власти. 2012. № . 6–7. С. 285.

свою трактовку. Так, для Хабермаса важно любое пространство, где могут иметь место публичные дебаты. Скажем, газеты и медиа в целом являются для него очевидными публичными пространствами. В качестве таковых Хабермас рассматривает также кафе и чайные дома в европейских городах XVIII и XIX веков, где рождались публичные дебаты, а свободные граждане-буржуа формировали свое отношение к общественным вопросам. Он писал: «...говоря “публичная сфера”, мы имеем в виду в первую очередь ту область нашей социальной жизни, в которой может быть сформировано что-то близкое к общественному мнению. Доступ гарантирован всем горожанам. Частица публичной сферы воплощается в каждом взаимодействии, когда частные собрания формируют публичное тело»¹. Базовым понятием в теории Хабермаса является коммуникативное действие, а проблеме легитимации он рассматривает через социальную интеграцию, достигаемую посредством неких ценностей и норм, разделяемых большинством в обществе и охраняемых властью. По его мнению, легитимность относится к «области поддержания и сохранения социальной интеграции, нормативно определенной идентичности общества и служит тому, чтобы удовлетворить эти притязания, то есть показать, почему существующие институты достойны и правомочны осуществлять законную власть таким образом, чтобы реализовывались основополагающие для идентичности общества ценности»².

Современные авторы определяют «публичное пространство» по-разному. Так, Ричард Сеннет, американский исследователь истории городов, рассматривает публичное через «социальность», то есть способность к осуществлению социального взаимодействия, социальной жизни. Данное определение связывает публичное пространство с местом, где незнакомые люди могут сталкиваться друг с другом и наслаждаться обществом друг друга. Он пишет: «Традиционно это место, которое может быть определено в терминах физической территории, вот почему дискуссия о публичном пространстве, опять же традиционно, связана с городами; публичная сфера может проявляться на площадях, главных улицах, в театрах, кафе, лекционных залах, ансамблях правительственных зданий или биржах — везде, где можно

¹ Цит. по: Желнина А. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство в России до и после протестной волны 2011–2012 // Стасис. 2014. Т. 2. № 1. URL: stasisjournal.net/images/zhelnina_rus.pdf (дата обращения: 28.02.2017).

² Керимов А. А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2015. Т. 10. № 1. С. 84–85.

встретить незнакомца... Но самое важное, что характеризует публичную сферу, — это что в ней происходит. И это — собрание незнакомцев, которое делает возможным определенные виды активности, которые нельзя себе представить или нельзя реализовать в приватной сфере»¹. Как видно, публичность, по мнению Сеннета, включена в определенное пространство, и основное ее отличие — это незнакомство людей.

Примечательным кажется определение «публичного пространства» Борисом Гройсом. Он пишет: «Что такое “публичное пространство”? Часто мы склонны полагать, что публичное пространство — это нечто уже существующее, нечто предзаданное, нечто, что существовало до того, как начался процесс приватизации этого пространства (как это, скажем, описано у Руссо), причем часть этого пространства оказалась обойдена процессом приватизации и осталась публичной: городские улицы и площади, или, может быть, воздух над этими городами, или пустоши вокруг этих городов. В этом смысле публичное пространство понимается как своего рода вакуум, открытое и пустое пространство, в котором могут расположиться некие строения, объекты искусства, памятники, коммерческая реклама, политическая пропаганда и много других вещей. Частные пространства, напротив, понимаются как пространства закрытые — выстроенные их владельцами и архитекторами внутри открытых публичных пространств»². Так, публичность — это нечто пустое, что должно заполниться и быть понятным для людей.

Из рассмотрения двух классических концепций можно сделать вывод, что публичность осуществляется через коммуникативное действие. Публичное пространство было создано для принятия всеми членами общества политических решений, а равенство участия является неотъемлемой частью всего переговорного процесса. Публичное пространство может формировать идентичность, должно быть заполненным некими символами, способными объединить людей.

От публичного пространства к местам памяти

Функционирование «мест памяти» сопряжено с деятельностью символической политики. Так, К. Ф. Завершинский отмечает, что «в изучении символических факторов политической динамики общества доминирует социально-психологический подход, что существенно упрощает представления о процессе взаимосвязи идеологизации, мифологизации и ритуализации, посредством которых политические

¹ Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. С. 54.

² Гройс Б. Публичное пространство: от пустоты к парадоксу. Litres, 2017. С. 1.

элиты обеспечивают ценностную легитимацию политического порядка»¹. В соответствии с теоретическими идеями французского социолога П. Бурдьё, «борьба за навязывание легитимного видения социального мира» является неотъемлемой составляющей субполя². Следуя данной логике, отечественные ученые подразумевают под символической политикой «особый род политической коммуникации, нацеленный на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов и предполагающий использование символических средств»³ или «деятельность по продвижению и навязыванию определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих»⁴. Известный российский социолог Ю. Левада отмечал, что существует две оси символической политики — временная и пространственная. Под пространственной осью подразумевается «специфика территории, заполненная характерными для нее символами и закрепляемая в текстах, которые транслируются из поколения в поколение»⁵. Места памяти представляют собой выражение пространственной оси символической политики. Так политика играет важную функцию легитимации власти, что подтверждается тем, что места памяти создаются преимущественно государством.

Места памяти играют важную функцию кумуляции исторического опыта политического сообщества, что позволяет ему формировать идентичность у новых людей. Немецкая исследовательница Алейда Ассман пишет, что идентичность может быть разной. Существуют две возможности для конструирования европейской идентичности. Первая возможность — эклектичная идентичность «возникает из наличного инвентаря специфических признаков, характеристик, свойств и событий, которые можно считать исконно европейскими, а потому призванными обосновать качество “европейскости”»⁶. Данная

¹ Завершинский К. Ф. «Имперский» ритуал в политико-культурной динамике современного российского социума // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2008. С. 111.

² См.: Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 66–67, 71.

³ Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. № 5. С. 63.

⁴ Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 1999. № 5. С. 92.

⁵ Цит. по: Гигаури Д. И. Политический миф и ритуал как социокультурные основания символической политики // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 3. С. 96.

⁶ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 275.

стратегия основывается на признании культурного разнообразия всего того, что было изобретено европейцами.

Другая возможность для конструирования идентичности — относительная — основывается на признании того, кто есть «чужой», или «другой», и выявлении из этого определенных различительных факторов.

Обе стратегии обладают свойством «историчности», так как знание истории людьми диктует следование определенным обычаям, ритуалам, культурным ценностям, которые будут либо отличать людей от других групп, либо формировать в сознании чувство индивидуальности, не присущее, как им будет казаться, ни одному человеку в другой социальной системе. С этой точки зрения места памяти играют большую роль для формирования идентичности.

Как официальная, так и неофициальная меморизация тех или иных городских объектов, от макро — до микроуровня, отражает связь между прошлым и настоящим. При этом память, «застывающая» в пространстве, является ориентиром в значимых событиях и тем продуктом, который может сказать об отношении людей к месту их жительства. Память, присущая всему коллективу, может иметь в своем «багаже» реальные воспоминания (в случае если события находятся не так далеко в истории), которые могут быть почерпнуты из неофициальных источников, не всегда совпадающих с официальными версиями. Также в качестве источника для коллективной памяти могут выступать личностные длительные размышления о пережитых годах, обсуждаемые с другими участниками коллектива. Таким образом, городские места памяти можно назвать способом реконструкции определенного события из прошлого, выраженного в воспоминаниях самих жителей города.

П. Нора, французский философ и историк, пишет о том, что «наше время можно назвать переломным в способе организации памяти, мемориальной эпохой»¹. Среди основных характеристик памяти он выделяет феномен, названный им «ускорение истории», который разрушил «единство исторического времени, красивую прямую линию, соединявшую прошлое с настоящим и будущим... представление, которое любая нация, группа, семья имела о своем будущем, диктовало ей, что она должна удержать из прошлого, чтобы подготовить это будущее; именно в этом заключался смысл настоящего, бывшего лишь связующей нитью»². Но сейчас, по его замечанию, будущее обладает

¹ Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 203.

² Там же. С. 204.

большой степенью неопределенности: «...невозможность предвидеть будущее ставит перед нами обязательство благоговейно и неразборчиво собирать любые видимые знаки и материальные следы, которым предстоит, может быть, стать свидетельствами того, что мы есть или чем мы были»¹. При этом, считает французский философ, военные события и память о них конструируются наиболее активным образом, поскольку они обладают мощным триггером для мобилизации людей и создания внутри них идентичности.

Другая работа Нора, «Проблематика мест памяти», акцентирует внимание на том, что среди жителей городов и государств перестает функционировать память о прошлом, поэтому в администрациях возник интерес к воссозданию мест памяти, которые позволяют сгладить ощущение разорванной памяти и напомнить человеку о прожитых его обществом событиях². Такие места памяти, как музеи, архивы, монументы, дворцы, коллекции, существуют лишь для того, чтобы «память социальных групп не перестала воспроизводиться так, как раньше»³. Это помогает поддерживать общество, не давая ему распасться, так как акцентирует внимание на событиях, которые были пережиты всеми. Это и создает внутри общества идентичность.

Стоит отметить, что конструирование памятников, посвященных определенным событиям в прошлом, напрямую связано с тем, на каком уровне культурного развития находится общество, какими предпочтениями обладает коллектив, а также кто стоит во главе государства, идеологическая направленность политической элиты, которая олицетворяет в себе степень демократичности режима. Можно сказать, что «память людей зависит от тех групп, в которые они входят, и от тех идей и образов, которыми более всего интересуются эти группы»⁴. Так воссоздается определенный «канон», или паттерн, который влияет на стиль увековечения прошлых событий.

«Места памяти» могут играть роль места для общения и обмена историями. В данном случае индивидуальная память непосредственно может стать частью коллективной, позволить индивиду скорректировать свои воспоминания или восполнить «белые пятна». С другой стороны, индивидуальная память может внести свою долю

¹ Там же. С. 205.

² См.: Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С. — Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.

³ Там же. С. 21.

⁴ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 180.

в коллективную. Данный обмен информацией может происходить до тех пор, пока в обществе не образуется устойчивая, более-менее одинаковая память о прошлом среди всех членов общества. Однако не всегда коллективная память может быть полной копией реалистичного события. Иногда событие сглаживается за счет драматизации неприятных сюжетов или дополнения новых черт, так как каждый член коллектива выступает зрителем события и формирует о нем свое мнение через призму своего сознания.

Для современной истории России характерно массовое формирование мест памяти. В каждом населенном пункте создано и поддерживается в порядке место почитания героев Великой Отечественной войны. Российская политическая элита делает акцент на столь далеком событии, чтобы сформировать идентичность, «национальную идею», которая положила бы начало развитию концепта «россиянин» в современном отечественном дискурсе в условиях многонациональности и фрагментированной политической культуры. Великая Отечественная война — это настолько масштабное событие в истории, что практически каждый гражданин России ощущает свою причастность к нему через воспоминания, переданные родственниками. С другой стороны, места памяти не всегда формируются правящей элитой, а могут создаваться оппозиционными группами для того, чтобы сформировать свою идентичность. Так, из последних событий стоит отметить мемориал, созданный на месте убийства оппозиционного политика Б. Немцова. Инициативные жители Москвы внесли большой символический и мемориальный вклад в создание данного места памяти. Каждый день вокруг него дежурят волонтеры. Мемориал способствовал дискуссии о роли Немцова в российской политике, вызвав бурю обсуждений.

В качестве примера места памяти, с которым ассоциирует себя как правящая элита, так и оппозиция, можно привести сквер Галины Старовойтовой в Санкт-Петербурге. Г.В. Старовойтова — это советский и российский политик, депутат Государственной думы, погибшая в результате покушения в 1998 году. Будучи специалистом в области межнациональных отношений, Старовойтова особое внимание уделяла предупреждению и решению межэтнических конфликтов в Санкт-Петербурге, отстаивала право национальных меньшинств на сохранение своих культуры и быта, издание собственных печатных органов. При этом она выступала за изучение и уважение национальными меньшинствами русской культуры, за взаимопонимание меж-

ду всеми народностями, населявшими город, и взаимообогащение их культур. Своей работой Старовойтова заслужила настолько высокий авторитет в Санкт-Петербурге, что через шесть лет после ее гибели школа № 397, в которой училась политик, выступила с ходатайством о присвоении ей имени Г. В. Старовойтовой. Ходатайство было удовлетворено городским правительством в 2004 году, оно же стало инициатором присвоения имени политика одному из городских объектов — безымянному скверу на Суворовском проспекте. Официальное открытие сквера Галины Старовойтовой состоялось в 2006 году. Для правящей элиты увековечение имени Старовойтовой — это призыв к межнациональному миру, к межэтнической и межрелигиозной терпимости во имя сохранения стабильности в обществе. Оппозиционные группы видят в Г. В. Старовойтовой в первую очередь негибаемого борца за права человека, активиста с твердыми демократическими убеждениями, способного войти в противостояние с властью, если действия этой власти противоречат демократическим ценностям. Таким образом, этот мемориал как место памяти обладает несколькими трактовками у разных групп населения.

Еще один яркий пример мест памяти — площадь Декабристов в Санкт-Петербурге. Название площади имеет мемориальный смысл: площадь названа в честь восстания 1825 года. Инициатива о переименовании Сенатской площади в площадь Декабристов исходила от большевиков и была приурочена к столетию выступления декабристов. Подобными мерами правящая элита стремилась сформировать новую идентичность у жителей страны, вывести на первый план в восприятии истории события борьбы против неограниченной власти монарха и несвободы вместо господствовавшего ранее в истории прославления монарха.

Интернет также является «местом памяти» наподобие виртуальных публичных мест, о которых писал Ю. Хабермас. Политологи Эрик Майер и Клаус Леггеви провели анализ личных воспоминаний о трагических событиях в США 11 сентября 2001 года, которые становились частью коллективной памяти. Согласно их выводу, Интернет можно использовать для формирования виртуального места памяти, так как в нем очень близко сходятся глобальное и локальное, публичное и приватное. Новыми при этом являются, прежде всего, те формы, благодаря которым конституируются воспоминания и память (например, виртуальный музей, куда каждый может внести свою лепту). В российском интернет-пространстве также можно встретить много

сайтов, собирающих истории фронтовиков и фотографии времен войны. Альтернативой же официальному можно назвать онлайн-курс «Открытый университет», запущенный М. Ходорковским. Данный образовательный портал ориентирован на формирование новой идентичности, точкой отсчета которой является 1991 год. На сайте курса можно прочитать: «В 1991 году прекратил свое существование Советский Союз, и началась новая история России... Лихие 90-е, сытые 2000-е, катастрофические 2010-е — как мы оказались в сегодняшнем дне? Первая программа “Открытого университета” “Новая история” — это рассказ о кризисах и точках невозврата, о бандитах и силовиках, о массовой культуре, политике, экономических реформах и кризисах, об успехах и ошибках, о стремлении в Европу и “скрепе”, о пути от “Ленина-гриба” Курехина к закатыванию санкционных сыров в асфальт, но главное — о будущем, в котором нам предстоит воспользоваться этим историческим опытом, чтобы решить, какой станет наша страна на следующем историческом витке»¹. По всему видно, что цель данного курса заключается в формировании идентичности «новой» России.

Итак, публичные пространства и места памяти имеют как ряд различий, так и ряд похожих черт (см. табл. 1). Стоит отметить, что оба эти концепта являются частью одной «природы». Практики их реализации заключались в том, чтобы быть открытыми и принимать незнакомых людей, однако функция этих пространств кардинально отличается. Если публичные пространства были созданы для общения с незнакомыми людьми и для принятия какого-либо решения, чаще всего политического, согласно классической трактовке публичного пространства Х. Арндт, то место памяти часто ассоциируется с возможностью пройти процесс идентификации и присоединения к тому обществу, в котором мы живем. Однако функции обоих мест/пространств могут пересекаться в некоторых случаях.

¹ О проекте. История современной России // Открытый университет. URL: openuni.io/about/ (дата обращения: 11.04.2017).

Таблица 1

**Сравнительный анализ определений
«публичное пространство» и «место памяти»**

	Публичное пространство	Место памяти
Что это?	Виртуальное или физическое пространство; всегда открыто; создано для общения (коммуникативный аспект) с незнакомыми людьми	Чаще всего физическое пространство; ориентировано на то, чтобы люди могли вспомнить события, объединяющие их всех (ретроспективный аспект)
Открытость	Полностью открыто	Не всегда открыто
Интегративная функция	Публичные пространства ориентированы на общение и социализацию людей	Очень велика роль в социализации и формировании идентичности граждан
Какие обличия принимает	Площадь, парк для прогулок, библиотеки, «третьи места», общественный транспорт, музеи, университеты и др.	Чаще всего мемориалы, музеи, архивы, в некоторых случаях — площади, где установлены какие-либо памятники
Умалчивание	Может быть умалчивание, но само определение не предусматривает это	Некоторые места созданы только для того, чтобы молчать там
Влияние на политику	Формирует политическую культуру, может выступать местом для протестных движений	Косвенное значение для политики, так как больше воспитывает и формирует ритуалы и обычаи, присущие определенному обществу
Кем создается	Обычно создается свободными жителями, однако иногда может управляться государством	Создается чаще всего государством для легитимации своей власти, однако может создаваться и людьми, за пределами институтов политической системы

Подольский краеведческий музей и Музей писем А. П. Чехова как центры формирования локальной идентичности Подольского района

В настоящее время в гуманитарных науках увеличивается количество работ антропологической направленности. В исторической науке в связи с этим растут возможности анализа крупных социально-политических процессов через призму изучения различных социальных и общественных групп. Значительное внимание стало уделяться истории отдельных личностей и семей с активным применением методов устной истории, анализом источников личного происхождения. Семейная и личная история на сегодняшний день составляют тот микроуровень, на примере которого можно проследить динамику развития более масштабных исторических явлений. Как справедливо отмечает российский историограф Л. П. Репина, «важным качественным сдвигом в мировой историографии явился так называемый “культурный поворот”, в котором получили закономерное и яркое отражение как небывало возросший интерес к проявлениям человеческой субъективности в прошлом и настоящем, так и стремление к ее контекстуализации на новой теоретико-методологической основе, соответствующей глобальному характеру современной цивилизации, целям развития межкультурного диалога и принципу единства в многообразии»¹.

В этой связи меняются смысл и назначение многих культурных институций, среди которых и музеи. Вся история существования и изменения парадигмы развития музейных институций последних лет показывает, что их очень трудно загнать в какие-либо жесткие рамки. В противном случае прошлое и настоящее, представленные в музейных экспозициях, будут восприниматься одинаково догматически. Нужно учитывать тот факт, что музеи чрезвычайно гибки и максималь-

¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 550.

но открыты новым веяниям, даже если в ходе этого обновления будут рушиться те мифы, к которым общество уже привыкло. В этой связи нельзя не согласиться с К. Шубертом: «Музей меняется. В прошлом он был оплотом абсолютной уверенности, источником определений, ценностей и знаний во всем, что касается искусства. В нем не звучали вопросы — только авторитетные ответы. Сегодня музей находится в центре горячих споров по поводу его сути и методологии. В ходе некоторых из них ставится под сомнение и отрицается сама целесообразность музея. Эти дискуссии не имеют окончательного решения, но они глубоко воздействуют на функционирование и восприятие музеев»¹.

Количество музеев различной тематики растет быстрыми темпами, но в то же время происходит и переосмысление их роли в культурной жизни общества. Выживают и находят своего посетителя только те из них, которые предложат оригинальную концепцию своего развития. Как справедливо замечает К. Шуберт: «Естественно было бы предположить, что институциональная самооценка музеев высока, а их финансовое положение, поддерживаемое как за счет государственных, так и за счет частных источников, стабильно. В действительности же это верно с точностью до наоборот. Современная ситуация характеризуется глубокой неуверенностью в понимании значения и общественной функции музеев, и даже самые известные из них испытывают недостаток средств на текущие расходы и закупки, угрожающий срывом планов»².

В этой связи возрастает роль музеев в процессе формулирования принципов идентичности того или иного городского или культурного пространства. Вместе с государственным направлением в понимании истории усиливаются и совершенно иные знания о прошлом, среди них — неофициальная, локальная, приватная история, которой занимаются обычные люди, исследующие прошлое семьи, места или событий, связанных с судьбами близких людей. Становится естественным, правильным интересоваться этой близкой историей, исследовать ее и знать, обмениваться этим знанием «по горизонтали», между собой.

Музей в новых условиях выступает как центр и хранилище этой «горизонтальной» памяти и таким образом способствует формулировке новых смыслов. Складывается на первый взгляд парадоксальная ситуация, когда в одном районе соседствуют разные виды

¹ Шуберт К. Удел куратора. Концепция музея от Великой французской революции до наших дней. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 12.

² Там же. С. 8.

идентичности, и получается, что локальная идентичность далеко не всегда совпадает с административными границами. Музеи Чехова и Подольска это демонстрируют в полной мере. Локальные идентичности вроде бы разных районов оказываются очень схожими и переходят одна в другую. Перед нами литературная, театральная, железнодорожная, образовательная и промышленная идентичности. К этому добавляется и идентичность через личность А. П. Чехова. Таким образом, оригинальная концепция Музея писем А. П. Чехова отражает как географическую привязанность знаменитого человека к данному региону, так и литературно-художественное соединение с этой территорией, история которой также отражена и в Подольском краеведческом музее. И здесь нельзя вновь не согласиться с Шуберт: «Можно сказать, что один из величайших мифов о музее представляет его как оазис покоя среди бурь политики и истории. Нет ничего более далекого от истины. Музеи реагируют на политические и социальные сдвиги с сейсмической точностью. Сам их успех есть результат исключительной гибкости и способности адаптироваться к переменам — способности, которой лишены другие культурные институты»¹.

Крупнейшие города России представляли собой тот образец, который служил эталоном для европейцев при оценке того или иного явления в России. Они считались средоточием культуры и цивилизации.

Тот же Петербург строился как витрина русских достижений в культурной сфере, однако многие иностранцы ставили под сомнение подлинность увиденного и обращали свои взоры на Москву, полагая, что лишь по ней можно судить о стране в целом. Д. Казанова, посетивший Россию в 1760-е годы, говорил от имени многих европейцев, когда утверждал: «Кто Москвы не видал, тот не видал России, и кто знает русских только по Петербургу, тот не знает русских чистой России. На жителей новой столицы здесь (в Москве) смотрят, как на чужеземцев. Истинною столицей русских будет еще надолго матушка-Москва... Москва тянет все назад, к давнопрошедшему — это город преданий и воспоминаний, город царей, отроде Азии, с изумлением видящее себя в Европе»². По мере исчерпания экстенсивной имперской модели развития ослабевала сила центральной столичной власти, и одновременно с этим стали размываться прежние идентификационные смыслы существования Санкт-Петербурга и Москвы. К концу XIX века

¹ Там же. С. 10.

² Записки венецианца Казановы о пребывании его в России, 1765–1766 // Русская старина, 1874. Т. IX. С. 548.

императорский двор обосновывается в Царском Селе, а сама столица теряет свою старую идентичность, не успев до 1917 года приобрести новую. Как справедливо в этой связи отмечает Е. Берар: «На протяжении десятков лет и Петербург, и Москва оставались дворянскими столицами и лишь к концу века, вместе с ростом промышленности, начали развиваться как метрополисы. Из экономического и политического довеска к деревне город постепенно превратился в самостоятельный очаг национальной культуры. Именно стремительный процесс урбанизации позволяет понять то тяжелое предчувствие конца, которое царило в Петербурге начала XX столетия. До 1861 года столица могла гордиться тем, что была единственным местом в империи, где чувствовалось биение пульса городской жизни, сорока годами позже отсутствие современных инфраструктур отбрасывало ее далеко назад, и Петербург оказывался позади других европейских столиц... Апокалипсический ужас, который сопровождал город Петра с момента рождения, превратился в страх обезличения и утраты европейского духа»¹.

Российские императоры XVIII века столкнулись с той же проблемой, что и некоторые реформаторы уже в XX веке. Проводя западные реформы, они далеко не всегда находили понимание среди собственного народа, получая за границей лишь условное признание. По терминологии итальянского марксиста начала XX века А. Грамши, императорский режим путем голого принуждения навязывал стране свою власть, но эта власть была хрупкой, потому что не основывалась на гегемонии (всеобщем консенсусе в признании режима и его мировоззрения)². Для того, чтобы Россия могла решить эту проблему, культура петербургской имперской элиты должна была проникнуть в средний и низший слои общества и за пределы собственно столицы. Петербург играл важную роль, являясь проводником культуры, но этот город имел слишком периферийное положение по отношению к остальной России.

Таким образом, Москве отводилась роль противовеса Санкт-Петербургу, и она, по мысли имперской элиты, могла обеспечить насаждение европейского просвещения на территории страны. Как точно подметил И. С. Аксаков: «Тем свободнее могла производиться в Москве работа народного самосознания и очищаться от всех исторических

¹ Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге, 1894–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 7.

² Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. М., 1959. Т. 3. С. 247.

случайностей и всякой исключительности русская мысль. Москве предстоит подвиг завоевать путем мысли и сознания утраченное жизнью и возродить русскую народность в обществе, оторванном от народа. Довольно сказать, что Москва и Русь одно и то же, живут одной жизнью, одним биением сердца — и этими словами само собой определяется значение Москвы и отношение ее к Петербургу»¹.

Коренная перестройка Москвы стала к середине XVIII века приоритетной задачей царской власти, особенно при Екатерине II, в правление которой были заданы основные направления политики, сохранявшие свою актуальность вплоть до Великих реформ 1860–1870-х годов. В период от восхождения Екатерины Великой на престол до смерти Николая I российское общество претерпело глубокие изменения, это коснулось и отношения императорской власти к Москве. За это время Москва подверглась многосторонней модернизации, но она не потеряла старую идентичность, а скорее приобрела новую. В негласном соревновании с Северной столицей по многим показателям Москва выходит вперед. Она обрела инфраструктуру европейского города, включавшую полицию, систему образования, замощенные и освещенные улицы. К тому же в городе начал формироваться средний класс, обладавший культурой европейского типа. При этом Москва, несомненно, оказывала большое влияние на соседние области и способствовала их развитию.

В конце XVIII века с разделением Московской губернии на уезды был образован Подольский уезд, а село Подол 5 октября 1781 года именным указом, данным Екатериной II Сенату, было переименовано в город. Он вырос на основе села Подол, принадлежавшего до 1764 года московскому Данилову монастырю, а потом переданного ведомству Государственной коллегии экономии. Географическое положение села было благоприятным, улицы прокладывались по обоим берегам реки Пахры.

С 40-х годов XIX века через Подольск на юг шло множество подвод с солью, керосином, маслом и мануфактурой. В городе и уезде было много постоянных дворов, кабаков, проезжающие останавливались здесь передохнуть, перекусить и оставляли у подольских купцов немалые деньги. Но все-таки до середины XIX века территория вокруг Подольска и сам город не имели самостоятельного значения и о какой-то самоидентичности этого района говорить пока не приходится (хотя, несомненно, такие усадьбы, как Лопасня-Зачатьевское, являются украшением этих мест). Только во второй половине

¹ Аксаков И. С. Петербург и Москва // День. 1862. № 39.

XIX века, с бурным развитием капитализма на территории Центральной России появляются новые центры городских идентичностей. Москва к этому моменту не имела столичных функций, и при имперской модели устройства России это способствовало формированию новых смыслов в развитии городов вокруг нее.

Итак, к середине XIX века город становится самостоятельным промышленным центром в общероссийском контексте, ориентируясь не только на Москву, развивается своя промышленность, появляются собственные культурные институции.

Уже после Отечественной войны 1812 года в Подольске сложилась собственная объемно-пространственная структура исторического центра города. На территории, прилегающей к центральному собору, были сооружены торговые ряды. Расцвет же каменного зодчества, как и общественной жизни, относится ко времени генерал-губернаторства в Москве графа А. А. Закревского, у которого около Подольска было имение — село Ивановское, в котором сегодня находится часть Подольского краеведческого музея. Это место является несомненным украшением района и составляет важнейшую часть идентичности, которая связана как с театром, так и со знаменитым земляком — А. П. Чеховым. Дело в том, что на сцене местного театра в Ивановском играли актеры Малого театра, а его режиссеры ставили свои спектакли (классические и современные пьесы): «Гамлет» В. Шекспира, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Казак-стихотворец» князя Шаховского, водевиль «Лев Гурыч Синичкин» и другие. Однако при жизни Чехова у Малого театра отношения с его драматургией не сложились. Несмотря на то, что именно в Малый театр Чехов, друживший с его актерами, приносил свои первые драматические сочинения больших форм, на московской императорской сцене были поставлены только водевили «Предложение», «Медведь» и «Юбилей». Однако сегодня спектакли по великим пьесам Чехова занимают значительное место в жизни театра: «Вишневый сад», «Чайка», «Три сестры».

Развитию города способствовало проложенное в 1844–1847 годах Варшавское (Брест-Литовское) шоссе. К середине XIX века площадь города составила уже 106 га, а в 1866 году в Подольск пришла Московско-Курская железная дорога, которая дала мощный импульс развитию местной промышленности и городу в целом. Фактически в это время и была создана промышленность Подольска. Трудно поверить, что за столь короткий срок в городе появилось столько экономических объектов. Перечислим только важнейшие из них.

В 1871 году для строительства цементной фабрики и кирпичного завода вблизи Подольска была создана компания «Губонин, Пороховщиков и Ко», основателями которой стали два московских предпринимателя и мецената: владелец каменоломен на правом берегу Пахры в Добрятинской волости Подольского уезда П. И. Губонин и архитектор-строитель А. А. Пороховщиков. В 1875 году, после завершения строительства заводов на выкупленном А. А. Пороховщиковым участке земли площадью 36 га в деревне Выползово, компания была преобразована в «Московское акционерное общество для производства цемента и других строительных материалов и торговли ими». В этом же году была получена первая продукция АО: портландцемент, романский цемент, известь, обожженный кирпич. Несмотря на убыточность заводов в первые годы их существования, к концу XIX века состояние дел в акционерном обществе значительно улучшилось, а производство строительных материалов на заводах выросло в 17 раз. В свое время подольский цемент использовался при строительстве здания Исторического музея и Московской городской думы.

В 1900 году американская компания «Зингер», занимавшаяся сборкой швейных машин, приобрела участок земли в Подольске, приступив к строительству своего первого в России завода. Сама компания «Зингер» появилась на российском рынке еще во время Великих реформ 1860–1870-х годов, однако до строительства завода в Подольске вся продукция ввозилась из-за рубежа, что значительно увеличивало стоимость швейных машин. Именно стремление сделать свою продукцию прибыльной подтолкнуло «Зингер» к строительству своего завода в России. Выпуск первых бытовых швейных машин был налажен в Подольске в 1902 году. Рост производства на заводе продолжался вплоть до революции 1917 года. К 1917 году на его территории располагалось 37 производственных корпусов и работало свыше 5 тысяч человек. В 1915 году один из корпусов «Зингера» был передан в аренду эвакуированному из Прибалтики военному заводу «Земгор», который выпускал военные снаряды. В этом же году развернулось строительство кабельного завода Московским товариществом меднопрокатных и кабельных заводов, однако из-за революции оно не было закончено.

Вместе с экономическим подъемом Россия переживала и культурный ренессанс, и два этих явления не случайно совпали в одном и том же районе. Вместе с ростом промышленного производства в городе на рубеже веков был отмечен и демографический рост. Увеличение численности населения города и его плотности, в свою очередь,

способствовало развитию социальной сферы. К 1866 году относятся первые официальные сведения об организации Подольской уездной больницы (с 1868 года — земской больницы). В 1880 году, спустя пять лет после закладки первого камня, состоялось открытие здания новой земской больницы, а в 1882 году — новой больницы с пятью самостоятельными отделениями, в том числе акушерскими койками. В 1887 году в городе появилась первая женская прогимназия, а в 1895 году — ремесленное училище имени Козлова. К этому периоду относится и врачебная деятельность А. П. Чехова.

Со строительством завода «Зингер» и дальнейшим развитием промышленного производства в Подольске был построен ряд важных объектов (преимущественно каменных): здание городской думы и банка (1901 год), женская гимназия (1903 год), здания «Красных рядов» (1910 год) и Общества потребителей завода «Зингер» (1911 год), купцом Толкушевым открыт кинотеатр «Художественный», построена первая электрическая станция (1914 год), пущен в действие водопровод и построена водонапорная башня по проекту В. Г. Шухова (1917 год).

Развитие этой сферы также связано с бурной общественной деятельностью А. П. Чехова, который вокруг своего имения в Мелихово создал три школы. Свою известность они получили далеко за пределами района.

И наконец, нельзя не остановиться на развитии железных дорог в этом регионе. Появление железных дорог сделало российское население более мобильным. Москва стремительно приходила в те места, где раньше о ней говорили как о чем-то безнадежно далеком. Писатель С. Я. Елпатьевский точно подмечает перемены в жизни российской провинции: «Многие... окрестные крестьяне стали тоже ездить в Москву. Они также привозили оттуда самовары и поддевки тонкого сукна, и сапоги с подбором, и манишки, и московские песни, московские нравы и московскую речь. Вместо старинного “цово” стали как-то особенно нежно выговаривать “чиво”, и певучее московское “аканье” начало вытеснять грубое крутогорское “о”. Падкие на моды, деревенские девки скоро выучились “акать” и говорить “чиво”, скоро запели московские песни, стали снимать сарафаны и шить себе кофты и шерстяные платья... Все было совершенно так же, как за сто лет перед тем, когда знатные русские люди стали ездить в Париж и привозили оттуда французские слова и парики, французские нравы и французскую болезнь. И, как екатерининских времен молодые кавалеры — модники, побывавшие в Париже, крутогорские ферлакуры жадно подбирали

по московским трактирам модные словечки и удивляли деревенских девок замысловатыми оборотами речи и пахучими остротами... Побывавшие в Москве привозили с собой новый воздух, новые потребности, новые вкусы, — запросили чаю, хорошей одежды. Им стало тесно в старинных дедовских семьях. И старики стали поговаривать, что парни набаловались и начинают перечить старшим... Нарождался человек. Без барина, из однообразной серой массы мирян смутно поднимала голову человеческая личность, и из воли семьи, воли мира обособлялась единичная воля. Он не всегда был приятен, этот новый деревенский человек, как не все было принято в той внешней культуре, которую он нес с собой в деревню, но это был человек, почувствовавший свое я, начинавший думать, добивавшийся своих прав»¹.

Даже А. Н. Энгельгардт, заведовавший образцовым хозяйством в провинции, жаждал в семидесятые годы хотя бы редкостного погружения в городскую культуру: «Хотелось и по мостовой проехать, и по тротуару пройти, и музыки послушать, в клуб завернуть, в театре побывать, посмотреть женщин, которые носят красивые ботинки, чистые перчатки. Странное дело, кажется, я уж привык к деревне, скоро три года только и вижу полузипунники, лапти, уродливо повязанные головы, обоняю запах капусты, навоза, сыворотки»².

Железная дорога объединяет сразу несколько видов идентичностей. Станция Лопасня непосредственно связана с именем А. П. Чехова (мемориальная доска), примерно в это же время он основывает в Лопасне почтовую станцию. Лопасня и Мелихово таким образом окончательно становятся центральными местами района и одерживают победу над именем Лопасня-Зачатьевское в негласном соревновании за главную идентичность. В конце концов, железная дорога связывает Подольск и Лопасню. Кольцо идентичностей замыкается.

Итак, на начало XX века сложился совершенно особый вид идентичности района Подольска и Лопасни — экономико-культурный. Какие перспективы просматриваются у локальной идентичности этого района в начале XXI века? Они зависят от многих факторов, но главный, на наш взгляд, это развитие федерализма в России. Для того, чтобы вывести Россию из состояния культурной и экономической провинциальности, вернуть ее столице блеск международного интеллектуального и инновационного центра, а провинциям достоинство

¹ *Елпатьевский С. Я.* Железная дорога // Елпатьевский С. Я. Рассказы. Т. 3. СПб., 1904.

² *Гнилицынов П. А.* Москва в эпоху реформ: от отмены крепостного права до Первой мировой войны... М., 2017. С. 78–79.

подлинных городов и предотвратить скатывание в плоскую и малопродуктивную иерархию, структурированную местопребыванием политической власти, необходима фундаментальная реконструкция урбанистической сети¹.

Существует множество проектов развития федеративного устройства России с разными центрами страны. Сумеют ли они дать новый импульс развитию Подольскому району, или он превратится в придаток Москвы — покажет ближайшее будущее. Насколько будут востребованы в качестве образцов локальной идентичности культурные объекты региона, опять же покажет время. Но то, что в современном Чехове существует Музей писем А. П. Чехова — в здании бывшего почтового отделения Лопасни, — внушает осторожный оптимизм в отношении сохранения традиций и основ той идентичности, которой славилась эта земля сто лет назад.

¹ *Росман В.* В поисках Четвертого Рима. Российские дебаты о переносе столицы. М.: Изд. ВШЭ, 2014.

ВОВЛЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ ГРУПП В КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА ЛЕБЕДЕВА

Московская высшая школа социальных и экономических наук,
факультет управления социокультурными проектами

Разные тела на сцене: инклюзия в сценическом танце

Чаще всего, когда исследователи говорят об инклюзивном танце (в англоязычной литературе также используется термин «physically integrated dance»¹), имеются в виду практики реабилитации людей с ограниченными возможностями или танцевально-двигательная терапия. В этой статье мы будем рассматривать феномен появления на сцене артистов с ограниченными возможностями и неконвенциональным телом под другим углом зрения: нам интересно, как «другое» тело может использоваться для создания целостного художественного высказывания. Оговоримся, что речь пойдет не только о задействовании людей с разными типами инвалидности, но и в принципе о размытии канона танцевального тела, заданного балетным стандартом. Так, в фокусе нашего интереса будут нетренированные, полные или пожилые исполнители.

Спектакли, в которых задействованы танцовщики, далекие от общепризнанного канона, часто вызывают недоумение и у зрителей, и у теоретиков. В академической среде, несмотря на все растущую популярность темы телесности, о танцующем теле пишут чрезвычайно мало². Например, в недавно вышедшем трехтомнике «История тела», призванном «всесторонне рассмотреть телесные практики и репрезентацию тела в Европе», танцу посвящены всего 17 страниц из 1100³.

¹ Tomasic M., Verdi-Fletcher M. Physically Integrated Dance Training. Dancing Wheels, 2012.

² Thomas H. The Body, Dance and Cultural Theory. Palgrave, 2003. P. 12.

³ История тела. В 3 т. / под ред. Алена Корбена, Жан-Жака Куртина, Жоржа Витарелло. Т. 3: Перемена взгляда: XX век. М., 2016.

Проблема расширения спектра допустимой сценической телесности особенно актуальна в России: у нас нет привычки видеть необычные тела — даже на улице и в институциях, не говоря уже о сцене. Когда в театральном контексте появляется артист с неконвенциональным телом, зрителю непонятно, как его *воспринимать*, как о нем *говорить* и уж тем более — как его *оценивать*.

Эту проблему ярко иллюстрирует ситуация, возникшая вокруг выступления танцовщиков Алены Щенева и Евгения Смирнова в программе Первого канала «Минута славы» (выпуск от 04.03.2017)¹. Один из исполнителей — Евгений — лишился ноги в аварии, но продолжает заниматься танцем и выступать. Члены жюри отреагировали на его выступление неожиданным образом: Владимир Познер объявил выход инвалида на сцену «запрещенным приемом», а Рената Литвинова назвала танцора «ампутантом» и предложила Евгению надевать протез, чтобы его увечье не бросалось в глаза. Такие слова не только демонстрируют непрофессионализм ведущих, но и обнажают существующий контекст, в котором наше общество воспринимает людей с ограниченными возможностями: люди с особенностями воспринимаются как неполноценные и требуют к себе жалости. Собственно, поэтому появление другого тела и воспринимается как «запрещенный прием»: как сказал Познер, «когда человек выходит, как вы, без ноги, невозможно сказать нет». На этом примере проявляется и отсутствие языка для описания другого тела: очевидно, что слово «ампутант» в речи жюри было неуместно.

Приведем еще один недавний пример появления «особенного» сценического тела в российском контексте: в декабре 2016 года театральный фестиваль NET показал спектакль «Gala» французского хореографа Жерома Беля². В спектакле участвуют двадцать человек, в том числе профессиональные танцоры, жонглер, девушка в инвалидной коляске, подросток, очень полная женщина, мужчина с синдромом Дауна и два пожилых человека.

Характерно, что московские зрители не знали, как встречать артистов: первый раз, когда на сцену выехала девушка в инвалидной коляске, в зале воцарилась тишина. Зато во время ее последующих появлений публика преувеличенно громко хлопала и кричала.

¹ Алена Щенева и Евгений Смирнов — «Вдвоем». Минута славы. Фрагмент выпуска от 04.03.2017. URL: www.1tv.ru/shows/minuta-slavy/vystupleniya/alena-sheneva-i-evgeniy-smirnov-vdvoem-minuta-slavy-fragment-vypuska-ot-04-03-2017.

² Гала-концерт гуманизма. URL: nofixedpoints.com/gerome-bel-gala.

Постановщики спектакля в личном общении с автором статьи сказали, что такое отношение к «другим» людям в спектакле они видят впервые — хотя «Gala» ставился в десятках городов по всему миру.

Однако не стоит думать, что неготовность видеть другое тело на сцене — это исключительно российская проблема, она существует и в контексте западного театра. В своей книге «Выход на сцену: Теория и практика для танцоров с инвалидностью и без» ее поднимает Адам Бенжамин, танцовщик, хореограф и теоретик танца. Адам отмечает, что, когда на спектакль вешается ярлык «инклюзивный» или «интегрированный», «это как будто дорожный знак, который предупреждает осторожных зрителей о возможной встрече с инвалидной коляской... Это правда необходимо? Кого нужно предупреждать об этом?»¹ По мнению Бенжамина — и других хореографов, работающих с разным телом, — наличие другой телесности на сцене не несет никакого значения само по себе и не должно заставлять зрителя оценивать спектакль как-то иначе.

Включение людей с инвалидностью в танцевальные спектакли поднимает не только социальные, но и жанровые, искусствоведческие проблемы. Первая из них связана с *границами инклюзии*: если хореография ставится на «девиантное» с точки зрения танцевального канона тело, сохраняются ли при этом рамки танцевального жанра? В первую очередь это важно для кодифицированных стилей — таких, как балет и танец модерн, — где есть своя техника, свои каноны тела, костюма и сценографии.

Британская танцовщица и теоретик Анджела Пикард исследует границы феномена, который мы называем «тело профессионального танцора». В частности, она провела серию интервью со студентами и педагогами балетных школ. Один из ее респондентов, хореограф и педагог Стив, сказал следующее: «Балет — одна из высочайших форм искусства, вы не сможете достигнуть необходимого уровня, если вы слишком толстая (смеется)... Если у вас тугой пах и кости у вас расположены не так, как надо, то у вас ничего не получится — да, это, может, не политически корректное заявление, но выбирать эту профессию вам не стоит. Есть множество профессий, где вы можете быть политически корректны. А у нас — мир высоких стандартов»².

¹ Benjamin A. *Making an Entrance: Theory and Practice for Disabled and Non-Disabled Dancers*. Routledge, 2001. P. 15.

² Pickard A. *Ballet body belief: Perceptions of an ideal ballet body from young ballet dancers // Research in Dance Education*. 2012. Vol. 14 (1). P. 9.

В балетном танце канон тела особенно ужесточился в XX веке: многократно усложнились техника и требования к танцовщикам, что породило жесткую систему отбора детей в учебные заведения. Требования балетного канона как базы танцевального тренажа с некоторыми поправками переносятся на танец-модерн, неоклассический и современный танец.

Однако даже в балете примат идеального тела начинает оспариваться: в Сан-Франциско, например, на балетную школу подали иск, обвиняя ее в дискриминации детей по типу тела — что противоречит политике государственных учреждений¹. В соответствии с законодательством Калифорнии общественные организации не имеют права осуществлять дискриминацию, в том числе на основании роста или веса.

Несмотря на тенденцию к демократизации, конвенции классического танца и танца модерн по-прежнему сильны: люди с «небалетным» телом классику всерьез не танцуют, их выступления остаются в рамках любительских постановок. Более того, если хореограф использует технику классического танца или танца модерн на «девиантном» теле, чаще всего жанр его работы относят к современному танцу. Contemporary dance возник как протест против конвенций балета — в том числе и телесного канона², — поэтому любые отклонения от «стандарта» автоматически относят спектакль к этому жанру.

Эксперимент с границами балетного канона провел французский хореограф Оливье Дюбуа. В своей постановке «Фавн», показанной в рамках Авиньонского фестиваля 2012 года, Оливье полностью воспроизвел партию Вацлава Нижинского из знаменитого балета «Послеполуденный отдых фавна» — с тем исключением, что Дюбуа не владеет балетной техникой и его тело далеко от классического идеала. По словам самого хореографа, «вид одутловатого мужчины в разноцветном трико, пародирующего жесты Нижинского», шокировал зрителей. После показа работы публика кричала: «Уберите этого поросенка со сцены!»³ Судя по тому, как этот спектакль был воспринят, классический танец, исполненный телом, отличающимся от балетного канона, уже не воспринимается как балет.

Техника классического танца постоянно усложнялась на протяжении всего XX века и, похоже, достигла пика возможностей человеческой «машины». Как дальше может развиваться балетное искусство?

¹ A Ballerina Body. New Yorker, March 2, 2001 Issue.

² Dance (Documents of Contemporary Art) / ed. by André Lepecki. MIT Press, 2011. P. 48.

³ Борисенко Е. Тело современного танца // ТАНЕЦ. 2015. № 20. С. 139.

Кажется, что одно из возможных направлений — диверсификация типа телесности. Однако включение небалетного тела в балетную постановку может восприниматься и как расширение возможностей, и как разрушение канона танцевального искусства.

Например, можно ли считать «инклюзивный балет» Оливье Дюбуа развитием танцевального языка или, наоборот, это возвращение к XVII веку, когда балет танцевали придворные-непрофессионалы? Дать однозначный ответ на этот вопрос невозможно — он будет зависеть от точки зрения исследователя. То же можно сказать и о финском коллективе Wannabe Ballerinas¹ («Хотим быть балеринами»), который создает спектакли в балетной технике с непрофессиональными танцовщиками. Хотя они позиционируют себя как балетную труппу, профессиональное сообщество классического танца своими коллегами их не считает.

Стоит отметить, что как балетная система не принимает тела, отличающиеся от канона, так и сторонники современного танца зачастую осуждают балетных танцовщиков за чрезмерное увлечение техникой и недостаточную «концептуальную» работу. Это взаимное неприятие наследует эпохе модерн и первым революционерам танца. Еще Айседора Дункан осуждала балетное тело как изуродованное: «...под юбочками и трико движутся противоестественно обезображенные мышцы; а если мы заглянем еще глубже, под мышцами мы увидим кости, также противоестественно обезображенные: уродливое тело и искривленный скелет пляшет перед нами!»²

Эта позиция, к сожалению, до сих пор встречается у практиков свободного танца, но нам она кажется такой же дискриминацией, как и неприятие «девиантного» тела. Необходимо признавать субъектность как тренированного и «идеального», так и бытового и «естественного» тела танцовщика.

В приведенных выше примерах, где разрушается классический канон балетного тела, инклюзия использовалась в том числе как способ сделать *политическое заявление*: выразить протест против застывших конвенций и артикулировать собственные ценности, такие как всеобщее равноправие. Еще один пример спектакля, в котором особенности «девиантного» тела становятся достоинством и отсылают к политике тела, — работа танцевальной компании Dv8 Theatre «The Cost of Living». В этом спектакле задействован Дэвид Тул — танцов-

¹ Wannabe Ballerinas. URL: www.wannabeballerinas.com.

² Дункан А. Танец будущего. М., 1908. С. 11.

щик без ног. Помимо того, что Тул блестяще исполняет сольный танец, в «The Cost of Living» есть эпизод, когда движения Дэвида Тула повторяют танцовщики с обычным телом — таким образом учась у человека, казалось бы, с ограниченными возможностями.

Инклюзия в танце также может использоваться как способ *поиска новых форм и новых тел* для создания творческого высказывания. Например, Мари Шуинар в своем спектакле *Body Remix*¹ работает с темой аксессуаров, связанных с инвалидностью. В этой постановке классические танцовщики используют инвалидные коляски и костыли для расширения собственного репертуара движения: из ограничения эти атрибуты превращаются в средство создания новой хореографии.

По нашим наблюдениям, успешными чаще всего становятся танцевальные спектакли, которые основаны на сочетании «эксклюзивности» и «инклюзивности» — контрасте между профессиональными танцовщиками и людьми с ограниченными возможностями. Именно этот контраст и создает драматургию спектакля «Gala» Жерома Беля, о котором говорилось выше.

Правда, совместная работа танцоров с конвенциональным и неконвенциональным телом часто сводится к так называемой *символической инклюзии*: людей с инвалидностью задействуют в спектаклях ради расширения аудитории и возможностей маркетинга. На наш взгляд, примером такой работы может служить постановка Большого театра «Герой нашего времени» (2015), в которой участвуют члены сборной команды России по спортивным танцам на коляске². Участие инвалидов в постановке указывается во всех афишах и успело вызвать бурю обсуждения в СМИ — однако на деле танцовщики-колясочники появляются на сцене лишь на несколько минут и не исполняют хоть сколько-нибудь серьезных ролей в спектакле. Тем не менее даже такая символическая инклюзия вырабатывает в зрителях привычку видеть другие тела на большой сцене и провоцирует обсуждения инклюзии в СМИ.

Количество инклюзивных спектаклей, не ограничивающихся социальной работой и символическим включением неконвенционального тела, с каждым годом растет, и в них — как и в любых других —

¹ *Body Remix/Goldberg Variations*; Gustavia; Susan and Darren. URL: www.theguardian.com/stage/2010/may/16/body-remix-goldberg-gustavia-susan-darren.

² Репертуар Большого театра. Герой нашего времени. URL: www.bolshoi.ru/performances/813/.

срабатывает мастерство исполнителя и постановщика. Успешные работы не подражают традиционному танцевальному идеалу, а используют имеющийся телесный, эмоциональный и перформативный ресурс исполнителей, в том числе их жизненный опыт. Примеров таких спектаклей, расширяющих представление о возможном типе танцующего тела, довольно много: из российского контекста стоит упомянуть «The Marusya» Александра Андрияшкина (Золотая Маска 2017), где главную роль исполняет Маруся Сокольниковая, PR-менеджер танцевальной компании. В этом моноспектакле Маруся рассказывает о своей жизни за кадром танцевального мира и исполняет связки в стиле contemporary dance.

Такие постановки основаны на профессионализме постановщиков и исполнителей, они побуждают нас перестать говорить об инклюзии и начать — о расширении канона тела танцовщика или вовсе об отказе от этого канона. Сейчас, в начале XXI века, все типы тела одинаково допустимы и легитимированы историей развития танца. На современной сцене возможен дуэт балерины и танцора, лишившегося ног; танцевальный моноспектакль менеджера, не имеющего классической танцевальной подготовки, — или балет профессиональной труппы, состоящий из танцоров-инвалидов с блестящей танцевальной техникой. Причем все эти исполнители танцуют невероятно красиво — каждый по-своему.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА КРУПНИК

аспирант кафедры культурологии и социальной коммуникации,
Институт общественных наук РАНХиГС
преподаватель факультета управления социокультурными проектами,
Московская высшая школа социальных и экономических наук

Современный социальный театр: практики работы с незащищенными группами

В этой статье мы обратимся к такому культурному явлению, как социальный театр. Стоит отметить, что для России изучение социального театра и сама дискуссия об этом виде театрального искусства достаточно новое дело, тогда как за рубежом различные аспекты, касающиеся развития социального театра (или как его чаще называют в западных работах *applied theatre / applied drama*)¹, обсуждаются так или иначе примерно с 1960–1980-х годов.

Если обратить внимание на хронологию развития институций социального театра в России, которая насчитывает уже более пятидесяти лет², выясняются интересные факты. Мы предприняли попытку проследить хронологию появления театров и проектов, работающих с различными социальными и исключенными группами (см. табл.). Это далеко не полный перечень, тем не менее даже по предоставленным данным можно сказать, что временной отрезок между серединой 1990-х и настоящим днем отличается интенсивным процессом появления новых институций и проектов. Особенно это касается периода между 2011 и 2014 годами, который можно смело назвать временем качественного скачка в развитии социального театра в России. Таким образом, хронологически мы шли в ногу с остальным миром, но по какой-то причине предпочитали не обсуждать это в академическом дискурсе. Автор может ошибаться, но на данный момент не удалось обнаружить ни одной монографии или сколько-нибудь заметного издания на интересующую нас тему, изданных на русском языке в России.

¹ См.: Nicholson H. *Applied drama: The gift of theatre*. 2nd ed. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2015.

² Первый театр неслышащих актеров появился в России еще в 1963 году — Театр мимики и жеста (www.tnig.su) и существует до сих пор.

Вслед за явлениями культурной жизни театроведение с 2000-х годов обращается к изучению социального театра. Этот процесс в основном происходит в формате фиксации и описания отдельных явлений, практик и произведений театрального искусства, без попытки проследить динамику развития социального театра в России и описать его терминологию, рамки и границы. Нельзя обойти вниманием специальные выпуски Петербургского театрального журнала¹ (№ 73, 3 [73], 2013) и журнала «Театр» — «Театр. Социальный театр и его имена»² (№ 24–25, 2016), которые оформляют общественную и профессиональную дискуссию и практику современного социального театра и дают примеры зарубежных проектов и экспертных позиций в данной области.

В 2015 году интернет-издание «Афиша Воздух»³ предприняло попытку фиксации наиболее актуальных социальных театральных проектов и создания их типологии. На наш взгляд, эта публикация была далека от полноты и глубины анализа. Существует также несколько сетевых публикаций⁴ на выбранную нами тему, которые также касаются лишь отдельных элементов социального театра и не могут претендовать на исчерпывающее рассмотрение этой темы. «Неопределенная» ситуация в области теории и изучения социального театра также фиксируется и в комментариях режиссера Бориса Павловича на портале TheQuestion.ru, где он отмечает:

«Все термины, которые мы сейчас используем, очень подвижные: сейчас мы живем в настолько изменчивом мире, что очень сложно закрепить за каким-нибудь словом один смысл. Поскольку то, что мы условно называем “социальным театром”, — вещь достаточно новая, у нее в мире, где практика очень разнообразна, много имен. Мне, например, очень нравится понятие *theatre for social changes* — “театр для социальных изменений”. Оно более ясное, но в русском языке звучит коряво, поэтому, к сожалению, как калька не используется»⁵.

За неопределенность границ «прикладного театра» выступают и некоторые британские исследователи, например Хелен Николсон. Она пишет: «...прикладной театр наиболее полезен в качестве термина, когда он используется для концептуализации театрально-

¹ См.: URL: ptj.spb.ru/archive/73/.

² См.: URL: oteatre.info/issues/2016-24-25/.

³ См.: Что такое социальный театр. URL: daily.afisha.ru/archive/vozduh/art/chto-takoe-socialnyy-teatr/.

⁴ См.: Социальный театр: что это такое? URL: upogau.org/ru/ourview/ourview_2136.html.

⁵ См.: Что такое социальный театр? URL: thequestion.ru/compilation/251/socialnyi-teatr?popuopen=true&ssort=date&stype=questions.

го искусства в образовательных, терапевтических или общественных условиях, а не для определения конкретных методологических, драматических стратегий или способов работы. ...когда он используется, чтобы открыть интеллектуальную, этическую и политическую дискуссию о социально включенной театральной практике, когда он задает сложные вопросы и предоставляет критические рамки для размышлений»¹.

Зарубежная наука предлагает термин *applied theatre / applied drama*, который может быть переведен на русский язык как «прикладной театр». Однако в русском языке у слова «прикладной» сложившиеся коннотации: «имеющий чисто практическое значение, не теоретический», что ставит под вопрос возможность обсуждения философии и концептуальной стороны избранного нами для анализа типа театрального искусства. Второе значение — «вспомогательный, не самостоятельный», что также приводит к сниженному восприятию данного термина в русскоязычном контексте. Поэтому мы пока останемся в рамках сложившегося в общественной и профессиональной дискуссии термина «социальный театр».

Мы считаем важным сделать попытку разработки и вынесения на обсуждение типологии современного социального театра, очертить границы этого типа театрального искусства, культурного явления и практики в России.

Нужно отметить, что с понятием «социальный театр» связано много предрассудков. В профессиональной дискуссии деятелей театра до сих пор ставится под вопрос принадлежность «социального театра» к театральному искусству, часто можно услышать, что это не совсем театр, а скорее благотворительная или социокультурная деятельность вокруг, внутри или около театра². Это отчасти связано с российской, как советской, так и сравнительно недавнего времени, социальной практикой исключения определенных групп населения из общественного контекста. Соккрытие и даже запрет неконвенционального или иного, не вписывающегося в понятие «нормы» (социалистической, новорусской, глянцево-здоровой и т. д.), в России — часть дискурса, который принимается, рекомендуется и даже навязывается обществу.

¹ Nicholson H. *Applied drama: The gift of theatre*. 2nd ed. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2015.

² См.: Беркович Е. Пять мифов о социальных проектах с полным их разоблачением // Театр. «Театр. Социальный театр и его имена». 2016. № 24–25. URL: oteatre.info/pyat-mifov-o-sotsialnyh-proektah-s-polnym-ih-razoblacheniem/#more-14135.

Последние несколько лет вектор развития современной культуры в России медленно, но меняется, появляются проекты и движения, которые прямо заявляют о необходимости более активного развития политики равных возможностей, в том числе и в культуре. Различные творческие группы и проекты вводят в общественное пространство и дискуссию тезисы о культуре «разных и равных», развиваются волонтерские, лидерские, благотворительные и творческие проекты, работающие с аудиториями, которым приходится преодолевать социальные, экономические, политические, культурные и физические барьеры, влияющие на исключенность этих групп. Однако многочисленные примеры доказывают, что язык говорения о проблемах исключенных групп еще только формируется, и общество часто бывает не готово к рефлексии как исторических фактов, так и событий сегодняшней действительности.

Например, достаточно вспомнить бурную дискуссию¹, развернувшуюся вокруг публикации в 2009 году книги «Крещенные крестами. Записки на коленках» — автобиографической повести главного художника БДТ Эдуарда Степановича Кочергина. Автор описал историю Василия Петроградского, ветерана ВОВ, который был принудительно привезен из Ленинграда в Горицкий специнтернат² — Дом инвалидов, созданный в бывшем женском православном монастыре в селе Горицы Кирилловского района Вологодской области. Эдуард Кочергин уверен: «Горицы были звеном цепочки по “очистке” крупных городов СССР от “обрубков войны”: Очистили на славу, и не только из городов, но и из памяти людской. После выхода «Ангеловой куклы» многие читатели и литературоведы сообщали мне, что я открыл новую тему в литературе. Об инвалидах войны, говорят, никто по-настоящему не писал»³. Эта дискуссия продемонстрировала уровень мифологизации, закрытости и болезненности этой темы для памяти общества, часто не готового к встрече с объективным изложением исторических фактов.

¹ См.: Сергей Виноградов. Монастырь для солдат // Русский мир.ru. Август, 2012. URL: www.russkiymir.ru/media/magazines/article/99791/; а также: «Самовары» товарища Сталина // mk.ru. 1.09.2011. URL: www.mk.ru/social/2011/09/01/619844-samovaryi-tovarischa-stalina.html; рецензии: URL: www.livelib.ru/author/279381/reviews-eduard-kochergin и др.

² См.: Лариса Петрова. В память о забытых... (2) МЫ ПОМНИМ! URL: maxpark.com/community/4707/content/3446812.

³ Сергей Виноградов. Монастырь для солдат // Русский мир.ru. Август, 2012. URL: www.russkiymir.ru/media/magazines/article/99791/.

Мифологизация, табуирование и стигматизация присущи как истории, так и современной жизни таких групп, как люди с особенностями развития и здоровья, заключенные, мигранты, и даже относящиеся к определенным возрастным группам (дети, подростки, третий возраст). В нашей стране велика сила предрассудков, определяющих априори, на что человек, относящийся к той или иной группе, способен или не способен, к чему готов или не готов, что ему позволено или не позволено в силу обстоятельств, возраста, социального положения, достатка или состояния здоровья.

На наш взгляд, именно социальный театр берет на себя функцию говорения об исключенных из культурного процесса людях, давая им возможность быть услышанными, стремится к разрушению мифов и предрассудков.

Рассуждая о том, как можно типологизировать и терминологически определить понятие социального театра, мы предлагаем рассмотреть типологию исключенных групп, с которыми он работает. Так, можно назвать следующие типы исключенных групп:

- по признаку особенностей здоровья и развития;
- по возрасту (дети, подростки, старшее поколение);
- в силу принадлежности к определенной этнической группе (например, мигранты, этнические меньшинства);
- в силу принадлежности к определенной социальной группе (например, бездомные);
- в силу территориальной ограниченности (заключенные, пациенты больниц, реабилитационных центров и ПНИ, воспитанники социальных учреждений и интернатов).

Такой подход позволяет очертить понятные границы интересующей нас предметной области. Однако здесь не учитываются форма, содержание и качество взаимодействия с исключенными группами.

Еще один подход, который можно было бы использовать в дополнение к предложенному выше, позволяет рассмотреть практику социального театра с точки зрения действующих субъектов и способа вовлечения исключенных групп, а именно:

- A. Представители исключенной группы являются донорами или авторами историй, но не выходят на сцену, спектакль создается профессионалами (документальный театр / перформанс, образовательные театральные проекты).

- В. Представители исключенной группы выведены на сцену, становятся актерами, получают «голос», доносят свои истории при помощи театральных профессионалов (Rinimi Protocol).
- С. Смешанная актерская группа, включая представителей исключенной группы, на равных создает профессиональный театральный спектакль, который может рассказывать или не рассказывать истории исключенной группы (инклюзивный театр).
- Д. Создание театрального спектакля, учитывающего потребности исключенной группы (например, сенсорный театр).

Можно ли продолжить этот список и сказать о представлении на сцене актуальной социально значимой проблематики? На наш взгляд, при таком добавлении типология приобретает излишне расширительное толкование, так как при таком толковании можно было бы говорить о самых разных явлениях драматического, документального, театра-художника и т. д. как о социальном театре, размывая предметную область нашего исследования.

Рассмотрение границ социального театра с точки зрения действующих субъектов и способа вовлечения исключенных групп тем не менее не позволяет очертить границы проблематики, к которой может прикасаться современный социальный театр, и на наш взгляд это как раз дает свободу художнику внутри такого типа театрального искусства. Художник волен выбирать — с кем, о чем и как говорить.

В завершение нам бы хотелось привести несколько примеров театральных спектаклей, характеризующих различные подходы в работе социального театра.

Тип А — спектакль «Пока ты здесь» труппы Liquid Theatre, куратор — Ольга Коршакова, режиссер — Андрей Смирнов.

Спектакль использует приемы визуального, физического, танцевального театра, онлайн-видео и документальный материал. Liquid Theatre работал с алкозависимыми пациентами реабилитационного отделения Наркологической клинической больницы № 17 г. Москвы (проект поддерживал его заведующий — известный психиатр и нарколог Александр Данилин).

Режиссер спектакля так рассказывает о его создании: «Каждый из восьми человек, которые приступали к работе над спектаклем, очень по-своему представляли, что и как будет происходить. Каждый имел очень разный опыт общения с алко- и наркозависимыми людьми и, собственно, с веществами, вызывающими зависимость. В июне 2012 года, так и не придумав никакой вынужденной “программы”, мы тем не менее переступили порог наркологической больницы, где четыре месяца просто разговаривали с пациентами, пытаясь понять, чем мы можем быть полезны, и стараясь “уложить” получаемые ощущения, сюжеты и истории в будущий спектакль. Название для спектакля мы нашли там же, в больнице. Оно было написано на заборе в больничном дворе, правда, звучало чуть длиннее — “Пока ты ЗДЕСЬ, мир живет без тебя...”. Мне кажется, что во многом эта работа о страхе, страхе осознания, что место, где ты находишься в данный момент, и есть то самое “здесь”, о страхе, что о тебе забудут. И, наоборот, о потребности сказать любимому человеку что-то вроде: “Пока ты здесь, я могу ВСЕ!”¹. Как справедливо отметил Роман Должанский в рецензии²: «На основе общения с пациентами они сделали удивительной силы пластический спектакль о механизмах зависимости, о деформациях болезненного сознания и о попытках человека преодолеть эти деформации. Едва ли не самый сильный из того, что получилось увидеть в программе “Новой пьесы”, этот спектакль не только украсил афишу, но и заставил в очередной раз задуматься о толковании названия всего дела. Сейчас оно максимально свободно — а это значит, что вскоре придется очерчивать границы чего-то еще более нового, чему еще только предстоит родиться».

¹ Смирнов Андрей. «Пока ты здесь». «Liquid theatre», Москва. Номинация на Премию «Золотая Маска» 2014 г. — «Лучший спектакль-эксперимент». Участник программы «Новая пьеса» Фестиваля 2013 года. URL: www.goldenmask.ru/spect_952.html.

² Должанский Роман. Живет такой старец. Программа «Новая пьеса» на «Золотой маске» // Коммерсантъ. 13.03.2013. № 42. С. 15. URL: www.kommersant.ru/doc/2144421.

Тип В — спектакль «Акын-опера». Авторы спектакля: Всеволод Лисовский, Нана Гринштейн, Анастасия Патлай, Руслан Маликов.

Режиссер и куратор целого ряда проектов Театра.doc Всеволод Лисовский так говорит о спектакле¹: «Никто точно не знает, сколько трудовых мигрантов из стран Южного Кавказа и Центральной Азии живет в России и Москве. Очевидно, что их миллионы. Помимо того, что эти люди живут в режиме постоянного нарушения своих человеческих прав, подвергаются безжалостной экономической эксплуатации, они еще находятся в ситуации культурной изоляции. Со своей национальной традицией они разделены территориально, а с традицией страны пребывания ментально. Коренные жители российских городов видят этих людей каждый день, но они для них немые. Задача проекта — дать зрителю возможность услышать голос мигрантов. Не для того, чтобы убедить кого-нибудь в том, что мигранты тоже люди, такая постановка вопроса унизительна для обеих сторон. А для того, чтобы начать разбираться, какие именно эти люди. Спектакль “Акын-опера” изначально состоял из историй трех конкретных мигрантов, приехавших из одного памирского кишлака. Затем жизнь подсказала, что стабильный состав в таком проекте невозможен. В “Акын-опере” мы даем возможность высказаться любому желающему мигранту. Люди приходят со своими историями, а мы помогаем сделать из них песню, танец или что-то еще. Ни один из спектаклей “Акын-опера” не повторяет другой».

¹ Акын-опера. Театр.doc, Москва. Премия «Золотая Маска» 2014 г. — «Специальная Премия Жюри музыкального театра». Номинация на Премию — «Лучший спектакль-эксперимент». URL: www.goldenmask.ru/spect.php?id=1095.

Не менее важный факт о влиянии за зрителя фиксирует Павел Руднев в своих размышлениях о спектакле¹: «Всеволод Лисовский сделал в Театре.doc интереснейший проект, названный и умно, и самоиронично “Акын-опера”. ...здесь в маленьком подвальчике на фоне белого экрана с титрами трое таджиков-памирцев рассказывают о своей судьбе.

На самом деле эти таджики артистами в России не являются². Первая работает уборщицей, второй — помощником маляра, третий — плиточником. Для документального театра подобный подход имеет важнейшее значение: зазор между образом и прототипом так узок, что в спектакле сливается воедино...

У продюсера Лисовского цель ясна — дать в театре слово тем, кто презираем и незамечаем. Только в театре и есть возможность разглядеть другого человека, маленького героя, с которым вдруг, внезапно, вопреки логике зритель начинать ощущать связь, родство.

И в этом смысле важным элементом спектакля выступает формальный прием — метод титрования, который здесь моментально оказывается смыслообразующим конструктом. В промежутках между рассказами памирцы поют в традициях акынов. За их спиной на белом экране буковки перевода. И это тот случай, когда простота — сражает. Переводя народную песнь, интерпретируя ее, помогая нам понять другой язык и “душу песни”, создатели спектакля делают нечто больше, чем техническую работу: они делают неизвестное, странное, опасное и пугающее близким и знакомым. Перевод как средство избавления от ксенофобии». С этим выводом трудно не согласиться. Однако не только перевод, на наш взгляд, но и весь спектакль работает на очеловечивание и разрушение стереотипов, сложившихся в обществе о мигрантах.

Тип С — спектакль «Отдаленная близость» — совместный театральный проект Немецкого культурного центра — Гёте-Институт в Москве, РОО социально-творческой реабилитации детей и молодежи с отклонениями в развитии и их семей «Круг» (РОО СТР «Круг») и театра «Центр драматургии и режиссуры» при организационной поддержке ГБОУ ЦДТ «Строгино». Проект был инициирован руководителем отдела культурных программ Гёте-Института в Москве Вольфом

¹ Руднев Павел. В поисках правды. Документальный театр в России говорит о том, о чем думают все // Театрал. Мнения. URL: www.teatral-online.ru/news/8765/.

² Примечание автора: хотя в ходе спектакля мы узнаем, что все они профессиональный музыканты с консерваторским образованием.

Иро и стал частью культурной программы Года Германии в России (2012–2013). Сценарий, постановка и хореография спектакля придуманы Гердом Хартманом (Германия) и Андреем Афониним (Россия).

«На маленькой сцене почти нет декораций: цветные щиты да деревянный стол. Друг за другом выходят, танцую, три пары: в каждой из них один профессиональный актер, а другой — непрофессионал с ограниченными возможностями здоровья, но кто здесь кто, сразу понимаешь не всегда, настолько изящны и слажены их движения. Две обаятельные улыбчивые женщины — блондинка и брюнетка — рассказывают о деревенской жизни. “Мама стирает белье”, “Идет дождь” — фразы простые и абсолютно безмятежные, так что очевидно: автор текста смотрит на мир глазами маленького ребенка. Другая пара, напротив, драматична: двое мужчин в серых пуловерах словно срослись лбами и так неуклюже передвигаются по сцене, не в силах разлепиться. Это — два “Я”, живущие в одном человеке и находящиеся в вечном напряженном диалоге: внешний мир для раздвоенного сознания пугающе непонятен и часто откровенно враждебен. Третья пара состоит из женщины-танцовщицы и хрупкого мужчины — говорят они друг с другом тоже о страхе, но еще и о любви», — так вкратце описывает спектакль рецензент газеты «Ведомости. Пятница»¹.

Создатели спектакля подчеркивают, что «в основе спектакля лежат литературные произведения современных российских писателей с ограниченными возможностями здоровья — автобиографические эссе, короткие истории, стихи и сказки. При выборе произведений было

¹ См.: URL: www.goldenmask.ru/spect.php?id=1066.

важно, чтобы они раскрывали особое восприятие действительности их авторов. Все эти материалы мы собрали в единый коллаж без сюжетной линии и без психологически ярких действующих лиц. Мы представляем эти произведения как проявления жизни, не даем оценки, не видим в них историю болезни, мы работаем с ними как с литературными текстами, то есть сохраняем их силу и отчужденность, а также чуткость, прямоту и простоту, интерпретируя их через пластику и танец»¹.

Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что в данном случае достигается искомая инклюзия и равенство на сцене смешанного актерского состава, занятого в спектакле.

Тип D — сенсорный спектакль «Четыре ветра». Над его созданием работали британский режиссер Тим Вебб, основатель сенсорного театра в Великобритании и художественный руководитель компании *Oily Cart* (Лондон), и приглашенные московские режиссеры. В январе 2017 года состоялась встреча с Тимом Веббом, посвященная разработке идеи будущего спектакля. Участникам — актерам разных театров и проектов — было дано задание: создать наброски для постановки, из которых в течение двух недель Тим собрал эскиз спектакля. После его отъезда в работу в качестве режиссера включилась Ольга Сидоркевич². В спектакле заняты актеры Театриума на Серпуховке и актеры, участвовавшие в лаборатории Тима Вебба. В сенсорном

¹ Хартман Герд. Отдаленная близость. Центр драматургии и режиссуры, Москва. Премия «Золотая Маска» 2014 г. «Лучший спектакль-эксперимент». URL: www.goldenmask.ru/spect.php?id=1066.

² Режиссер и актриса Театриума на Серпуховке. См.: URL: teatrium.ru/theater/news/rezhisser-teatriuma-olga-sidorkevich-postavila-sensornyy-spektakl-dlya-slepolgluhih-detey-chetyire-vetra/.

спектакле используются жестовый язык и дактиль, которые актеры осваивали специально для спектакля. С помощью индивидуально-взаимодействия с каждым зрителем актеры рассказывают историю и увлекают зрителей с самыми разными особенностями. Для этого выбран камерный формат представления: 5 актеров работают для 6 зрителей, каждый с сопровождающим.

Сенсорный театр отличает использование художественного языка, основанного на образах и впечатлениях, направленных на все способы чувствования: на ароматы, тактильные и вкусовые ощущения, звуковые эффекты и индивидуальное взаимодействие с каждым зрителем. Помимо эстетического впечатления дети и родители получают своеобразный сеанс арт-терапии. Важной особенностью сенсорных спектаклей является то, что они часто намеренно создаются мобильными, чтобы иметь возможность показа всем, кто не может прийти в театр.

Премьера спектакля уже состоялась, и он успешно гастролирует: в реабилитационном центре Фонда поддержки слепоглухих «Со-единение» в Ясенево, в Центре лечебной педагогики, в Сергиево-Посадском доме-интернате слепоглухих для детей и молодых инвалидов. Зрительские группы были самыми разными, включая детей с нарушением только слуха и с комплексными нарушениями, а также и с аутизмом.

Приведенные четыре примера подтверждают жизнеспособность предложенной нами типологии. Дальнейшее исследование позволит нам тщательнее проверить наши предположения и сделать соответствующие выводы, которые лягут в основу будущего диссертационного исследования автора.

Таблица

Наиболее яркие институции/проекты/спектакли

Год создания	Название театра/проекта	Комментарий
1963	Театр мимики и жеста. Режиссер: Роберт Валерьевич Фомин	http://www.tmig.su
1986	Театр «Пиано» при Нижегородской школе-интернате для глухих детей. Руководители: Владимир и Марина Чикишевы	http://tepi.org

Год создания	Название театра/проекта	Комментарий
1997	Интегрированный театр-студия «Круг II» при РОО социально-творческой реабилитации детей и молодежи с отклонениями в развитии и их семей «Круг». Режиссер: Андрей Афонин	http://kroog2.ru
2000	Театр Простодушных (театр актеров с синдромом Дауна). Режиссер: Игорь Неупокоев	http://teatrprosto.ru
2003	Театральный проект неслышащих актеров «Недослов». Художественный руководитель: Анна Башенкова	www.nedoslov.ru
2004	<p>Появление в России формата театральных проектов Class Act (изобретение Traverse Theatre, Эдинбург) при поддержке British Council.</p> <p>С 2004 года — «Театр в классе», Вадим Леванов в сотрудничестве с «Гуманитарным Центром Интеллектуального Развития», после 2011 года проект ведут Ольга и Дарья Савиные; с 2007 года — «Класс Мира», проект А. и М. Поповых, Партнерство «Игра-3000».</p> <p>2008/2009 год — проект М. Крупник «Театр климатического действия», Москва и Санкт-Петербург, при поддержке UK Embassy in Russia; с 2011 года — проект «Классная Драма» (до 2013 года в рамках фестиваля «Большая Перемена», куратор М. Крупник); в 2012 году — в Можайской воспитательной колонии для несовершеннолетних (партнеры: Театр.doc и Центр содействия реформе уголовного правосудия в рамках программы Т+О)</p>	<p>www.traverse.co.uk/engage/class-act/</p> <p>www.facebook.com/TeensDramaProject/</p> <p>https://vk.com/teensdramaproject</p>

Год создания	Название театра/проекта	Комментарий
2006	Театр слабослышащих актеров «Синематограф». Руководитель: Ирина Кучеренко	http://www.cinematograff.ru
2011	Учреждение программы «Театр+Общество» в рамках исполнения поручения Президента РФ (п. 3 Пр-880 от 5 апреля 2011года). Спектакли: 1. «Пока ты здесь» Liquid Theatre. Куратор проекта: Ольга Коршакова). 2. «Люди», «Диалог Данс». Режиссер: Евгений Калугин, в партнерстве с Костромским отделением Всероссийского общества глухих и ТО «КультПроект». 3. Проекты Театра КНАМ: «Поколение гордости и славы», «История в окнах», «Это все я» и др. 2015–2016 годы — официальный сайт http://www.театробщество.рф	http://vk.com/pokatyzdes , www.facebook.com/likvidteatr http://www.dialogue-dance.ru/page/the-people http://kultproject.ru http://knam.theatre.ru
2012	Проект Арт-амнистия (Ростов-на-Дону, Батайск). Руководитель проекта: Ольга Калашникова	http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=78325
2012	Театральный проект «Вместе» — о важных социальных проблемах, и использует театр в образовании (работает в жанрах документального театра и с технологией Форум-театра)	http://www.teatrvmeste.ru/ Ада Мухина, Мария Колосова, Наталья Боренко
2014	Спектакль « Акын-Опера » Театра.doc получает Премию «Золотая Маска» 2014 года в номинации «Специальная Премия Жюри музыкального театра». Спектакль также номинировался в категории «Лучший спектакль-эксперимент» (авторы: Всеволод Лисовский, Нана Гринштейн, Анастасия Патлай, Руслан Маликов)	http://www.teatrdoc.ru Руководители: Е. А. Гремина, М. Ю. Угаров

Год создания	Название театра/проекта	Комментарий
2014	Спектакль «Отдаленная Близость» Интегрированного театра-студии «Круг II» получает Премию «Золотая Маска» в номинации «Лучший спектакль-эксперимент» (Режиссер: Андрей Афонин)	http://kroog2.ru Режиссёр: Андрей Афонин
2014	Спектакль «Бросить легко» Театра Наций (шесть историй молодых людей, которые проходят реабилитацию от наркотической зависимости в «Центре здоровой молодежи». Режиссёр: Руслан Маликов, драматург: Марина Крапивина)	http://theatreofnations.ru/performances/brosit-legko
2014	Театр для людей с ограниченными возможностями «Театр равных» в Воронеже	http://www.teatravnikh.ru
2014–2017	Фонд поддержки слепоглухих «Со-единение». В 2015 году — «Инклюзивная театральная школа «Со-единение» при участии трех театральных вузов Москвы (ГИТИС и мастерской О. Кудряшова, Школы-студии МХАТ и мастерской Д. В. Брусникина, Щукинского театрального института и курса М. Борисова). В 2017 году был создан Центр реализации творческих проектов «ИНКЛЮЗИОН» (http://so-edinenie.org/infocentr/novosti/inklyuzion)	http://so-edinenie.org/
2014	На фестивале Территория показана первая версия спектакля «Прикасаемые» (номинация на Премию «Золотая Маска» 2016 года — «Лучший спектакль-эксперимент». Автор идеи: Евгений Миронов, режиссер: Руслан Маликов)	http://prikasaemye.so-edinenie.org/laboratory

Год создания	Название театра/проекта	Комментарий
2016	Спектакль «Неприкасаемые» о жизни бездомных людей в зале Аннекирхе. Режиссер: Михаил Паласов	
2017	« Язык птиц » — спектакль, в котором наравне с профессиональными актерами участвуют люди с особенностями развития. Спектакль возник в результате работы экспериментального театрального проекта «Встреча» (совместная инициатива БДТ имени Г. А. Товстоногова и центра творчества, образования, обучения и социальной абилитации для взрослых людей с аутизмом «Антон тут рядом»)	https://bdt.spb.ru/спектакли/язык-птиц

ПСИХОЛОГИЯ

ГРАНИЦЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ: ПРОНИЦАЕМОСТЬ ИЛИ ЗАКРЫТОСТЬ?

АЛЕКСАНДРА ИГОРЕВНА БОБРОВА

Московская высшая школа социальных и экономических наук

Интернет-аддикция: миф или реальность?

Давид Тан, более известный под никнеймом moonmeander — мировой киберспортсмен, участвующий в интернациональных матчах в составе команды Online Game. Несколько лет moonmeander вместе с командой выигрывал такие соревнования, как Dream League, The Manila Major, Dota Pit League, The Boston Major. Общая сумма выигрыша составляет около трех миллионов долларов. В своем интервью киберспортсмен рассказывает о начале карьеры, в частности, приводит эпизод, как он был настолько одержим игрой в онлайн-игры, что умудрялся не посещать школу. Каждый день он приводил в действие отработанную схему: он уходил из дома, ждал, пока его мать закроет дверь в дом, пробирался через окно в свою комнату, играл весь день, ближе к концу школьных занятий он вылезал обратно на улицу и делал вид, что возвращается домой после трудного школьного дня, естественно, вознаграждая себя игрой в онлайн-игры. Сейчас moonmeander — один из самых молодых мировых миллионеров.

К сожалению, далеко не все истории с увлечением компьютерными играми заканчиваются так успешно. В современном мире все большее количество людей получают доступ в Интернет и, как следствие, все больше попадают в группу риска «интернет-зависимых». Современные родители обеспокоены данной проблемой, а в психологических журналах растет число запросов по тематике «Мой сын постоянно сидит в Интернете. Он ничем больше не занимается. Что мне

с этим делать?». Многие педагоги говорят о пагубном влиянии Интернета на когнитивные функции подрастающего поколения, в то время как другие считают использование Интернета неотъемлемой частью современного общества.

И действительно, как мы можем говорить о том, что такое «нормальное», а что такое «чрезмерное» потребление, когда мы живем в мире «дополненной» реальности. Сейчас Интернет стал самым способом нашего существования, усложняя тем самым задачу определения его адекватного для физиологического и психического здоровья размера потребления.

В данном эссе мы попытаемся определить, что такое интернет-зависимость. Для этого в первой его части мы выделим критерии, которые позволят нам рассуждать, что такое виртуальная аддикция. Во второй части мы попытаемся осмыслить причины ее возникновения, руководствуясь наиболее состоятельными, на наш взгляд, психологическими теориями зависимости. По причине недостаточной исследованности этой темы, большую часть нашей работы мы посвятим осмыслению аддикции в целом, периодически экстраполируя данную логику на интернет-аддикцию. В последней части мы сделаем небольшой обзор современных психологических исследований на тему того, какое лечение интернет-зависимости является наиболее эффективным, почему оно необходимо и к каким последствиям может привести его отсутствие.

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Как уже было сказано, феномен интернет-зависимости возник относительно недавно, и, на наш взгляд, именно интернет-зависимость является наиболее спорным феноменом в современной психологии зависимости. Из-за вездесущности Интернета невозможно провести демаркационную линию между зависимостью, увлеченностью или привычкой, а иногда речь идет о необходимости постоянного использования Интернета в профессиональных целях.

Все-таки одно общее основание у нас есть, аддикция — это всегда форма патологическая, она подразумевает отклонение от нормы. Однако большинство исследователей в психологии признают тот факт, что норма относительна. На примере алкогольной зависимости этот тезис можно доказать наиболее убедительно и ярко.

Так, до XIX века в Англии не существовало понятий «наркоман» и «пьяница». Потребление алкоголя не считалось чем-то зазорным,

а количество потребляемого в те времена алкоголя показалось бы современному исследователю аномальным. Наркотические вещества находились в свободном доступе, а опиум можно было купить за барной стойкой любого английского паба. Индустриализация в корне меняет структуру общества, а также переопределяет отношение к алкоголю, трансформируя его статус «доброй традиции» в статус «вредной привычки». Успех мануфактурного производства зависит от максимальной производительности, а значит, необходимыми качествами работника становятся дисциплинированность и продуктивность. Несложно догадаться, что алкоголь снижал желаемую максимальную отдачу от работника, в то же время способствуя многочисленным несчастным случаям на производстве. Трезвость возводится в ранг добродетели, что способствует появлению многочисленных листовок и плакатов, призывающих сокращать еще недавно считавшуюся нормой дозу потребления спиртных напитков. Апогеем такого движения становится сухой закон, введенный властями США в 1920 году.

Данный пример наиболее наглядно показывает, что понятие нормы не является универсальным. Если в XVIII веке потребление определенного количества алкоголя считалось ежедневной дозой, то сегодня эквивалентное количество спиртного напитка считается патологией. Уже в 1952 году алкоголизм появляется в DSM-I, первом руководстве по психическим расстройствам. Категоризируется алкоголизм как «социопатическое личностное расстройство» наряду с отклонениями сексуального характера и антисоциальным поведением. Чуть позже, в третьем переиздании руководства, механизм действия алкогольной зависимости признается «образцовым» в плане работы любых психоактивных веществ. Также в данном издании употребление алкоголя связывается с такими последствиями, как расстройство личности, поведения и когнитивных функций¹.

Ретранслируя логику алкогольной зависимости на интернет-аддикцию, можно задаться следующими вопросами: является ли современная норма потребления интернет-контента приемлемой или она патологична? Какие последствия имеет бесконтрольное использование Интернета? Будет ли занесена интернет-зависимость в DSM в будущем или же останется необходимым средством существования в современном мире? Существует ли вообще интернет-аддикция?²

¹ *Murran M.* The psychology of Addiction. London: Taylor and Francis Ltd, 1900.

² *Kuss D.J., Griffiths M.D.* Internet addiction in Psychotherapy. Basingstoke: PALGRAVE MACMILLAN, 2015.

На эти вопросы трудно ответить и по той причине, что потребление Интернета очень сложно оценить измерительными категориями. Интернет-зависимость относится к так называемым «non-substance addiction», то есть зависимостям, которые не связаны с потреблением осязаемых реальных субстанций, стремительно меняющих состояние сознания. Потребление Интернета куда более эфемерно по своей сути, что усложняет задачу постановки диагноза «интернет-зависимый». Для того, чтобы осуществить подобную задачу, необходимо ввести некие критерии, определяющие «патологичность» потребления интернет-контента.

В современной науке выделяют два основных типа критериев, которые дифференцируются в соответствии с двумя разными типами объяснений природы зависимости: это модель болезни (disease model) и модель человеческих черт (personal-factor model). Модель болезни предполагает отношение к зависимости как к нарушению правильной деятельности организма человека, в которой по сути нет его ответственности и вины. С другой стороны, в оппозиции находится модель человеческих черт, основным постулатом которой является вера в то, что аддикция — это выработавшаяся черта характера, которая является приобретенной, а следовательно, поддается коррекции, в том числе и самим субъектом.

Критерии в случае модели болезни отличаются от критериев модели человеческих черт. В первой аддикцию осмысляют психиатры, с personal-factor model работают психологи. Для того чтобы разобраться, что такое аддикция, в нашей работе мы совместим обе модели и выделим наиболее значимые, на наш взгляд, критерии, которые позволяют говорить о проблеме интернет-зависимости, а также ее отличии от злоупотребления Интернетом.

Толерантность — признак, который, по мнению психиатров, является одним из значимых в различении аддикции и злоупотребления. Под толерантностью понимается потребность в увеличении дозы, связанная с постепенным ослаблением интенсивности эффекта. Для того, чтобы ощутить те же эмоции, которые организм испытывал в первый раз, необходима куда большая доза, ведь организм постепенно привыкает к употребляемому веществу: алкоголю, наркотикам, психотропным веществам, лекарствам. Однако критерий толерантности также хорошо описывает и ситуацию с интернет-зависимостью: исследования показали, что на протяжении первого месяца злоупотребления онлайн-играми наблюдается резкий скачок в количестве времени, проведенном за монитором компьютера. В короткий

промежуток оно увеличивается от 2–3 часов в день до 24 и на этом уровне стабильно остается в дальнейшем¹.

Вторым признаком, выделяемым психиатрами в качестве отличительного для аддикции, является наличие **эффекта отмены**. Традиционно под эффектом отмены в медицине понимается болезненная реакция пациента с дальнейшим ухудшением его состояния, связанная с уменьшением дозировки принимаемого лекарственного препарата или с его окончательным прекращением. Если говорить об интернет-аддикции, то очень сложно выделить реальные физиологические изменения, происходящие с организмом. Однако опрос многих испытуемых показал, что депривация Интернета характеризуется многочисленными психосоматическими эффектами. К ощущаемым симптомам они относят: тремор в руках, апатию, высокую температуру, озноб, дискомфорт в животе, а также тошноту. Данные симптомы исчезают при возобновлении доступа в Интернет².

Предпочтение времяпрепровождения в Интернете другим видам активности. Некоторые исследования показали, что если лишить интернет-зависимого и интернет-независимого испытуемого доступа в Интернет на несколько недель, то независимому испытуемому удастся после некоторого периода замешательства и адаптации приспособиться к существующему положению дел и найти альтернативные виды занятий. Для интернет-зависимых испытуемых же характерна невозможность занять себя другими видами активности, и вся их энергия уходит на ожидание получения обратного доступа. Такой тип поведения имеет альтернативное название «туннельное зрение», то есть ситуация, в которой вся физическая и психическая энергия сосредоточены лишь на одном объекте.

Потеря контроля. Характеризуется одинаковым количеством потребления интернет-контента в любое время: субъект больше не различает праздники, рабочие будни и выходные. Он тратит примерно одно и то же количество времени на времяпрепровождение в Интернете, вне зависимости от поставленных задач. Потеря контроля способствует снижению функциональности в профессиональном, бытовом, социальном смысле. Особенно ярко данная ситуация выражается у школьников: спустя несколько месяцев аддиктивного поведения их успеваемость в школе заметно ухудшается.

¹ Kuss D.J., Griffiths M.D. Internet addiction in Psychotherapy. Basingstoke: PALGRAVE MACMILLAN, 2015.

² Ibid.

Итак, мы выделили несколько критериев, которые кажутся нам наиболее подходящими для определения интернет-аддикции. К ним мы относим: рост толерантности, наличие эффекта отмены, «туннельное зрение», а также потерю контроля, сопровождающуюся дисфункциональностью во всех сферах жизни. Несмотря на некоторые противоречия и неоднозначность данных критериев, нам они кажутся наиболее подходящими для анализа интернет-зависимости. С помощью них мы способны отличить аддикцию от злоупотребления и увлеченности, а придав аддикции онтологический статус, мы можем поразмышлять о ее причинах и способах лечения.

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ: НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

В данной части будут представлены основные психологические теории, которые объясняют феномен интернет-зависимости. Мы сознательно игнорируем биологический подход, так как психологический язык описания конкретно данного типа зависимости кажется нам наиболее перспективным, поскольку интернет-зависимость относится к категории «несубстанциональных зависимостей», а значит природа ее куда сложнее.

В качестве первой попытки объяснения интернет-аддикции мы воспользуемся теорией **классического обусловливания**, разработанной русским физиологом И. П. Павловым. Основным принципом классического обусловливания является тот факт, что если какой-то определенный стимул регулярно ассоциировать с потреблением какой-либо субстанции, то вскоре данный стимул будет вызывать такую же психологическую и физиологическую реакцию, как и сама субстанция. Приведем знаменитый пример со звоном колокола: если целенаправленно ассоциировать подачу пищи со звоном колокола, то впоследствии процессы пищеварения и слюноотделения начнут активироваться уже при звоне колокола, а не при непосредственной подаче пищи¹.

Пример классического обусловливания хорошо иллюстрирует алкогольную и наркотическую зависимость, описывая злоупотребление, «срывы», а также рецидивы действием триггера, или «условного стимула». Теория классического обусловливания отчасти объясняет интернет-зависимость: Интернет — это своего рода фабрика удовлетворения желаний, где ты можешь развлекать себя в любом месте

¹ Торндайк Э., Уотсон Дж. Б. Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. М.: АСТ-ЛТД, 1998. 704 с.

и в любое время в соответствии со своими желаниями и потребностями. Получается следующий цикл: удовольствие (безусловный стимул) постоянно ассоциируется с компьютером или гаджетом (условный стимул). Таким образом, один вид устройства, имеющего выход в Интернет, стимулирует приятные ощущения в предвкушении получения удовольствия. Так как компьютеры и гаджеты стали вездесущи и широкодоступны, неудивительно, что большую часть времени современный человек проводит в Интернете. Однако такое объяснение нерелевантно для анализа онлайн-игр, где зачастую получение удовольствия имеет отложенный характер, более того, в большинстве игр есть «порог вхождения» — период, когда игра не приносит никакого удовольствия, а скорее наоборот, связывается с негативными эмоциями из-за непонимания ее правил, а также жестокого обращения с новичками в виртуальном мире.

В какой-то степени данный пробел в теории классического обусловливания решается в дальнейшем американским психологом Б. Скиннером, который различает позитивное и негативное «вознаграждение»¹. В первом случае речь идет о том, о чем мы уже рассуждали: о получении непосредственного удовольствия при времяпрепровождении в Интернете, негативное же подкрепление характеризуется не получением положительных эмоций, а избавлением от отрицательных. В случае интернет-зависимости негативным подкреплением может быть избавление от скуки. Действительно, из-за доступности Интернета большую часть рутинных и «скучных» дел индивид разбавляет параллельным интернет-серфингом. Если мы посмотрим на тех, кто едет в общественном транспорте, стоит в пробке, ждет своей очереди на прием к врачу, то станет ясно, что основным развлечением является «блуждание» в Интернете или онлайн-игры. Более того, из-за все более продвинутых компьютеров, а также их небольшого размера и легкости перемещения многие умудряются играть в командные тактико-стратегические игры непосредственно за рулем автомобиля, проводя время в ожидании переключения светофора.

Механизм избавления от скуки начинает ассоциироваться с Интернетом, поэтому при возникновении этого неприятного чувства человек по привычке использует Интернет. По возвращении в реальность человек может почувствовать скуку повседневных дел и обыденной жизни, что опять подталкивает его залезть в Интернет. Круг замыкается.

¹ *Staddon J. Behaviorism. London: General Duckworth and CO, Ltd, 1993.*

Теория социального научения вводит еще одну переменную между стимулом и последствиями его действия — когнитивную составляющую¹. Проживая свой опыт, индивид смотрит на то, как действуют другие и какие последствия несут их действия. В соответствии с приобретенными знаниями индивид старается действовать. Получается, что, при анализе времяпрепровождения в Интернете, в поле внимания индивида оказываются исключительно положительные его стороны, однако он не видит отрицательных, так как они пролонгированы во времени: нехватка витамина D, проблемы с позвоночником, ожирение, снижение общей продуктивности. В итоге бесконтрольное использование Интернета представляется индивиду эффективным.

Последняя теория, о которой пойдет речь в данной части, это **теория проблемного поведения**, которая наилучшим образом отражает комплексный подход в изучении зависимости. Идея ее заключается в том, что каждый индивид обладает некой предрасположенностью к тому, чтобы нарушать нормы и паттерны поведения, принятые в социуме. Степень наклонов к проблемному поведению может быть обозначена на континууме между двух полярностей. По одну сторону континуума находится человек, ведущий конвенциональный или одобряемый обществом образ жизни. В случае с использованием Интернета таким человеком нам представляется тот, кто использует Интернет исключительно в продуктивных целях и не растрчивает свою психическую и физическую энергию. С другой стороны находится индивид, чье поведение считается асоциальным, в нашем случае это зависимый от Интернета, не выполняющий свои социальные и профессиональные обязанности индивид. На ум приходит пример взрослого человека, который целыми днями развлекает себя Интернетом, не работает и живет за счет ресурсов других членов семьи, что является причиной постоянных семейных конфликтов².

Последователи теории проблемного поведения заявляют: если вы хотите изменить какую-то модель поведения (в нашем случае это злоупотребление Интернетом), необходимо поменять весь образ жизни индивида. Так, осмысление жизненных целей, здоровый образ жизни, которого придерживается не только интернет-зависимый, но и остальные члены семьи, в совокупности с постановкой карьерных целей и задач личностного развития могут повлиять на нежелательную сторону поведения.

¹ Бандура А. Теория социального научения. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2000.

² Murrain M. The psychology of Addiction. London: Taylor and Francis Ltd, 1900.

Рассмотрев далеко не все, но наиболее полезные с точки зрения практического применения теории объяснения интернет-зависимости, можем сделать следующие выводы: во-первых, нет одной всеобъемлющей теории, которая наилучшим образом объяснила бы все аспекты интернет-зависимости, во-вторых, феномен интернет-зависимости является настолько многосторонним и многофункциональным, что для решения конкретного запроса приходится подбирать конкретную теорию (например, для объяснения постоянного общения в Интернете хорошо подходит теория социального научения, в то время как для объяснения гэмблинга подходит **теория эмоциональных переключений**), в-третьих, каждый подход требует своего инструментария в лечении интернет-зависимых, а иногда и изменений не только на личностном, но и общественном уровне.

Необходимость лечения и возможные последствия интернет-аддикции

Рассмотрев основные психологические теории, объясняющие аддиктивное поведение, и экстраполировав их логику на интернет-зависимость, мы можем предложить некоторые варианты работы с данной проблемой.

Если говорить о классическом и оперантном обусловливании, то наиболее подходящей терапией выступает работа с клиентом в когнитивно-бихевиоральном ключе. Особенностью СВТ (Cognitive Behavior Therapy) является совмещение сразу двух направлений: с одной стороны, речь идет о работе с привычками, разрывании цикличности их повторения и формировании новых навыков. С другой стороны, неотъемлемой частью терапии должно быть осознание самим клиентом, что его запрос поддается корректировке, и понимание того, какой способ является наиболее подходящим для ее осуществления. Эти два компонента представляются нам особенно ценными в случае работы с интернет-зависимыми клиентами. Основной задачей в данном случае будет не прекращение использования Интернета (ведь в современном мире такое решение представляется малоэффективным), а осознание того, что процесс использования Интернета перестал быть контролируемым, а наша задача сделать его осознанным и продуктивным. Эти принципы составляют когнитивный компонент терапии, подзадачами которой являются:

1. Различение клиентом своих мыслей и чувств в отношении интернет-пользования.

2. Осознание того, как чувства могут искажать мысли клиента по поводу интернет-пользования, а также автоматизировать поведение не всегда в продуктивную сторону.
3. Развитие навыков, помогающих замечать, интерпретировать и прерывать такие «автоматические» действия.

Дальнейшая терапия осуществляется в бихевиоральном ключе и заключается в работе с «вознаграждениями», то есть исследование того, каким образом использование Интернета поощряется образом жизни и окружением клиента. Далее — корректировка обнаруженных триггеров.

Рекомендации по корректировке окружения и образа жизни клиента мы также находим при работе с теорией проблемного поведения. Как мы уже говорили, специалисты, работающие в этой области, исходят из того, что для изменения определенного паттерна поведения необходимо менять весь образ жизни, результатом которого этот паттерн стал. Особенно актуальной данная проблема становится в современном российском обществе. Исследования показали, что основной группой риска в отношении зависимости от онлайн-игр являются подростки из неблагополучных семей. Семейный уклад, в котором родители не могут или не хотят заниматься воспитанием детей, приводит к тому, что они ищут наиболее доступные способы развлечения и самореализации. Интернет оказывается проводником в сообщество, где они могут получить общение и избавиться от скуки. Отсутствие элементарной компьютерной грамотности у родителей из таких семей не позволяет воспитать у детей интернет-культуру, где индивид смог бы осознать все выгоды и риски интернет-пользования. К тому же дети из неблагополучных семей зачастую воспитываются более старшим поколением, которое относится к компьютеру как к своего рода «черному ящику» и, как следствие, не понимает, в какой момент увлечение подростка компьютерными играми становится проблематичным.

Изменение образа жизни подразумевает научение альтернативным формам проведения досуга и развлечений. Человек, сравнивая себя с другими, согласно теории социального научения Бандуры, вырабатывает понятие собственной самооффективности, то есть веры в наличие у себя компетенций для выполнения определенных жизненных задач. Самооффективность определяется тем, какой вид деятельности человек выбирает, как много усилий он готов вложить в этот вид деятельности и как долго способен сопротивляться неизбежным труд-

ностям. Исследования показали, что низкая самооценка, а как следствие — низкая самоэффективность зачастую выступают триггерами, которые способствуют тому, что человек начинает искать альтернативные формы реализации в виртуальном мире. Именно по такому принципу работает самая известная социальная сеть с элементами трехмерного виртуального пространства «Second Life». Недвусмысленное название как бы говорит пользователю: еще не поздно начать вторую жизнь, где ты сможешь быть более успешным и более эффективным. На данный момент «секонд лайф» является площадкой, где люди создают альтернативные семьи, работают на альтернативных работах и даже получают альтернативное образование¹.

Основной акцент в данном случае следует сделать на повышении самооценки и самоэффективности в реальном мире, для того чтобы у индивида не было потребности «сбежать» во «второй мир». Это касается работы как со взрослыми, так и со школьниками и подростками: для успешной жизни всегда необходима площадка, где они смогли бы проявить и развить свои компетенции. К сожалению, во многих школах преподаватели предпочитают занять детей, остающихся после школы, Интернетом, так как это освобождает их от обязанности заниматься детьми и позволяет посвятить освободившееся время себе и своим делам.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: одним из наиболее эффективных способов работы с интернет-зависимостью является когнитивно-бихевиоральная терапия. Она позволяет работать с клиентом сразу на двух уровнях: на интеллектуальном и аффективном. Она не просто меняет конкретную неэффективную модель поведения, а анализирует непродуктивное окружение клиента, тем самым предотвращая возможные «срывы» и «рецидивы».

Также можно сказать, что окружение клиента играет важнейшую роль в формировании и дальнейшем развитии аддикции. Наиболее подверженными интернет-зависимости являются подростки из неблагополучных семей, родители которых не принимают участие в формировании продуктивных занятий и развлечений. Следующей категорией лиц, входящих в группу риска, оказываются индивиды с низкой самоэффективностью. Из-за невозможности реализовать свои компетенции в реальной жизни, они находят альтернативные площадки для самореализации, и наиболее доступной площадкой становятся онлайн-игры с элементами социальных сетей. Здесь возможно выстраивание альтернативной жизни и дальнейшая подмена ее реальной.

¹ Boellstorff T. Coming of age in second life. New Jersey: Princeton University Press, 2008.

Проблема психологической готовности общества к инклюзии людей с синдромом Дауна

На данный момент российская система образования претерпевает существенные изменения, связанные с введением инклюзивной модели обучения и воспитания детей. Безусловно, у такой тенденции есть существенный ряд как плюсов, так и минусов, но система образования — институт, тесно интегрированный в общество, и любое изменение в нем также меняет многое в жизни страны.

При подготовке инклюзивных проектов решается множество задач — разработка и внедрение образовательных программ, педагогических кадров, физических ресурсов, но не существует специальных программ по работе с родителями учеников, принимающих участие в процессе инклюзии, причем как со стороны родителей массовой школы, так и со стороны родителей детей с ОВЗ, что влечет за собой массу разнообразных конфликтов и может стать причиной снижения успеваемости учеников разных групп.

Стоит отметить, что не только родители, непосредственно столкнувшиеся с феноменом инклюзии, но и люди, окружающие семью, зачастую имеют нарушенное представление об инвалидности, в первую очередь из-за длительного исторического периода в жизни страны, когда всяческие отклонения от нормы оценивались негативно и преподносились в отрицательном ключе.

Люди с синдромом Дауна представляют особый интерес в данном контексте, так как имеют ряд характерных особенностей внешнего вида, не позволяющих окружающим воспринимать их непредвзято, в отличие, например, от лиц с ЗПР или легкой формой умственной отсталости. На сегодняшний день разрабатывается множество проектов по профессиональной ориентации и трудоустройству «солнечных» людей, которые с рождения и до конца жизни оставались на попечении родителей.

Целью исследования, описанного в данной статье, является формирование представления о готовности общества к принятию и сотрудничеству с людьми с синдромом Дауна, а задачами — анализ теоретических источников, формирование бланка анкеты, проведение опроса и анализ результатов опроса. Соответственно, объектом исследования являются люди с синдромом Дауна, предметом — особенности их взаимодействия с обществом.

Гипотеза описываемой исследовательской работы заключается в том, что, на наш взгляд, российское общество имеет ряд проблем в восприятии людей с инвалидностью и существует необходимость в разработке специальных программ и социальных проектов, направленных на формирование адекватного представления о людях с ограниченными возможностями здоровья.

Такое состояние, как синдром Дауна, названо по имени первого описавшего его ученого — англичанина Джона Ленгдона Хейдона Дауна, автора работы «Наблюдения по этнической классификации умственно отсталых людей», вышедшей в 1866 году. Сам исследователь обозначил синдром как «Монголизм» из-за характерных морфологических черт таких людей, но в 1965 году за таким нарушением прочно закрепилось наименование «синдром Дауна». Несколькими годами ранее, в 1959 году, французский исследователь Жером Лежен выявил и описал хромосомные нарушения, влекущие за собой синдром — Джон Даун полагал, что описанное им состояние детей связано с хроническими заболеваниями родителей, например туберкулезом.

Синдром Дауна — форма геномной патологии, заключающейся в том, что в кариотипе, то есть в полном наборе хромосом человека, находится 47 против 46 у генетически здорового человека. Нарушение происходит в 21-й паре хромосом и называется трисомия — хромосомы в ней представлены тремя, а не двумя копиями. Таким образом, в описании страдающих синдромом часто встречается такая аббревиатура — Т21, то есть «трисомия 21», синдром Дауна. Трисомия по 21-й паре хромосом самая частая причина возникновения синдрома Дауна — примерно 94% от общего количества таких детей.

При нормальном развитии эмбриона генетическое нарушение может случиться позже, и тогда часть клеток эмбриона будут с нормальным хромосомным набором, а часть с лишней хромосомой, такая форма синдрома Дауна называется мозаичной. Из-за того, что изменения происходят не во всем организме, а только в отдельных участках, тяжесть последствий не так велика, как в случае классической трисомии.

Определить наличие этой формы заболевания гораздо труднее, особенно с помощью пренатальных методов диагностики. Выраженность клинических симптомов зависит от соотношения количества нормальных клеток и клеток с аномальным хромосомным набором. Частота мозаичной формы составляет 2% от общего числа детей с синдромом.

Причиной синдрома Дауна может также быть так называемая робертсоновская транслокация. Это мутация, при которой происходят изменения структуры хромосом, в данном случае 21-я хромосома прикрепляется к другой хромосоме, в большинстве случаев к 14-й в кариотипе мамы или папы. У ребенка в таком случае генотип будет представлен 23 парами хромосом, как и у нормально развивающегося человека. Стоит отметить, что перед рождением последующего потомства родителям стоит пройти обследование — ведь данное нарушение происходит именно в организме родителя. Согласно статистике, робертсоновская транслокация является причиной синдрома Дауна в 2% случаев.

Синдром Дауна следует называть именно синдромом, исходя из его определения: согласно словарю, синдром — это сочетание симптомов, признаков, обычно характерных для какого-либо заболевания; но так как причины синдрома кроются именно в какой-либо мутации ДНК, а не болезни, грамотно именно такое название этого состояния.

Синдром, как правило, диагностируется сразу при рождении ребенка, так как имеет ряд типичных морфологических признаков. В ранней литературе можно найти такую фразу, описывающую детей с синдромом Дауна, — дети одной матери, так как из-за своих особенностей они похожи между собой. Какие же это особенности:

- «плоское лицо» (90%),
- брахицефалия (81%) — короткоголовость,
- кожная складка на шее у новорожденных (81%),
- монголоидный разрез глаз (80%),
- эпикант (80%), вертикальная складка кожи, прикрывающая внутренний угол глазной щели (слезный бугорок),
- гиперподвижность суставов (80%),
- мышечная гипотония (80%), то есть низкая степень напряжения мышц,
- короткие конечности (70%),
- аркообразное небо (58%) и т. д.

Поперечная ладонная складка, считающаяся универсальным признаком синдрома Дауна, встречается в 45% случаев, а пятна Брушфильда (пигментные пятна по краю радужки) — в 19% случаев.

Безусловно, конечный диагноз ребенку поставят только после результата цитогенетического анализа, так как мы видим, что некоторые признаки а) достаточно редки и б) могут проследиваться и у других новорожденных.

Также синдром Дауна часто сочетается с соматическими заболеваниями, такими как:

- врожденный порок сердца,
- апноэ во сне (45%),
- гипотиреоз (30%),
- патологии ОДА,
- болезни офтальмологического и отоларингологического характера (40%),
- проблемы ЖКТ (12%).

Как и при любом генетическом нарушении, синдром Дауна сопровождается снижением интеллекта. Как показывают исследования американских ученых, такая генная мутация снижает миелинизацию (то есть защитную функцию) нервных волокон, что приводит к нарушению развития белого вещества переднего мозга и замедлению прохождения в нем нервных импульсов. В результате возникает набор интеллектуальных и неврологических расстройств. К тому же, из-за своеобразного развития скелета, возникает органическое поражение головного мозга, то есть умственная отсталость.

Психологические особенности такого ребенка разнообразны в своих проявлениях по возрасту, как и у детей, развивающихся в пределах нормы.

Дети с синдромом Дауна от 0 до 3 лет

Исследования показывают, что дети раннего возраста с синдромом Дауна и их сверстники, развивающиеся в норме, проходят одни и те же этапы развития, например появление улыбки, попыток переворачиваться, ползать и т. д. Разница состоит в сроках возникновения этих этапов — в среднем у детей с синдромом Дауна они проявляются на пять месяцев позже. Так, например, средний диапазон появления навыка ползания на четвереньках у детей в норме составляет 10 месяцев, у детей с синдромом Дауна — 15. Стоит отметить, что многие этапы развития у детей с синдромом Дауна вписываются в диапазон развития возрастной нормы.

Физиологические особенности детей с синдромом Дауна сильно влияют на их психомоторное развитие, чаще всего оно неравномерно,

поэтому важно организовать своевременную медицинскую поддержку ребенка.

Социальное же развитие детей раннего возраста с синдромом Дауна страдает не только из-за перечисленных нами особенностей. Большое значение имеет установление крепких связей в паре «мать — ребенок». Женщина, находящаяся в состоянии стресса, и ребенок, дающий эмоциональную реакцию с задержкой, формируют симбиоз, в котором чаще прослеживается негативное влияние матери на ребенка — это могут быть гиперопека, негативизм, проекция успехов и неудач ребенка на себя. Поэтому на раннем этапе развития ребенка с синдромом Дауна необходима психологическая поддержка родителей.

Дети школьного возраста (от 4 до 12 лет)

Так как дети с синдромом Дауна проходят все те же этапы развития, что и дети, развивающиеся в норме, следующей вехой их развития после трех лет становится кризис трех лет, появление игры как вида деятельности. В силу особенностей речи у ребенка в дошкольном возрасте часто возникают конфликты с окружающими, в первую очередь с семьей (происходит наложение психологических проблем родителей на проблемы развития ребенка), несмотря на усвоенные нормы поведения. Специалисты рекомендуют помещение таких детей в коллектив — детские сады, учреждения дополнительного образования — для стимуляции формирования навыка четкой речи и развития самооценки.

Дошкольный и школьный период жизни ребенка с синдромом Дауна характеризуется возрастающей потребностью формирования навыков самообслуживания, так как от этого зависит возможность частого выхода ребенка в общество, за рамки привычного окружения, следовательно, и его дальнейшая социализация и развитие.

Дети — подростки (13–18 лет)

Данный возраст характеризуется рядом вторичных психологических и социологических проблем, переживаемых ребенком с синдромом Дауна из-за полового созревания и не только. Подросток самоидентифицирует себя, осознает свои интересы, мысли, стремления, привязанности. Такие процессы делают общение подростка, развивающегося в норме, экспрессивным, резким, неожиданным. Подростку же с синдромом Дауна достаточно тяжело дается восприятие подобных факторов из-за особенностей мышления, описанных нами ранее. Кроме того, зачастую такой ребенок оказывается под давле-

нием родителей, стремящихся к удержанию его около себя. Отметим также, что физическое развитие детей с синдромом Дауна проходит в те же сроки, что и в норме, что вносит дополнительный диссонанс в проблему взросления такого ребенка — когда физический рост опережает ментальный.

Таким образом, характерными особенностями детей с синдромом Дауна являются: малая инициативность, рассеянное внимание, асинхронность развития речи, склонность к подражательству, трудности в выражении собственных чувств и мыслей, анатомические особенности, влияние сопутствующих заболеваний на психосоматические реакции ребенка.

Дети с синдромом Дауна обучаются в специальных коррекционных учебных заведениях, школах и колледжах, осваивают различные творческие и прикладные профессии. На данный момент в России очень мало официально трудоустроенных лиц с синдромом Дауна, но благодаря различным проектам это число растет.

Что же такое инклюзия?

Инклюзивное образование — это такая организация процесса обучения, при которой ВСЕ дети, независимо от их физических, психических, интеллектуальных, культурно-этнических, языковых и иных особенностей, включены в общую систему образования и обучаются по месту жительства вместе со своими сверстниками без инвалидности в одних и тех же общеобразовательных школах — в таких школах общего типа, которые учитывают их особые образовательные потребности и оказывают своим ученикам необходимую специальную поддержку.

Инклюзивное обучение детей с особенностями развития совместно с их сверстниками — это обучение разных детей в одном классе, а не в специально выделенной группе (классе) при общеобразовательной школе.

Инклюзии как процессу в российском обществе сопутствует множество проблем. Стратегию инклюзивного образования можно представить в виде следующей пирамиды (рис. 1) — это в первую очередь физический ресурс — и обеспечение школы всем необходимым оборудованием, и состояние самого здания школы, проекта. Второй важный «кирпич» — профессиональные педагоги, сопровождающие инклюзивное образование. Не только дефектологи, логопеды и психологи, но и непосредственно учителя коррекционных школ и специальные психологи.

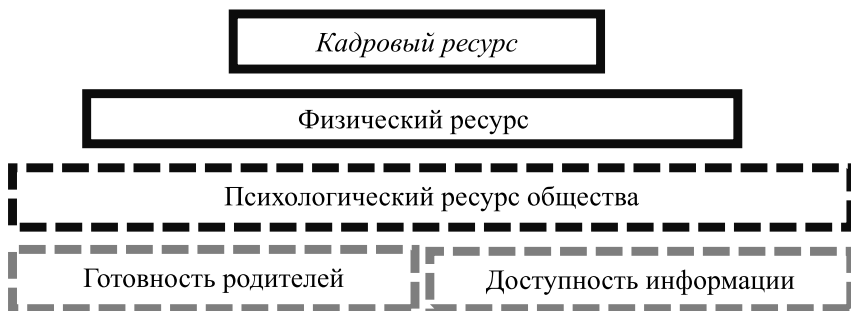

Рис. 1

Фундаментом данной схемы является такое обширное понятие, как «психологический ресурс общества». Это готовность и заинтересованность окружающего мира в инклюзии. В чем он заключается? В первую очередь самую важную роль в этой цепочке играют родители как детей, развивающихся в норме, так и детей с синдромом Дауна, так как от их взглядов и стратегии поведения зависит не только сам процесс обучения, но и отношение детей друг к другу. И грамотную линию поведения они смогут выстроить только при наличии второго «кирпича», информационной достаточности. Доступность информации, популяризация понятной для широкой аудитории литературы помогла бы побороть многие неверные установки, существующие в обществе по отношению к людям с синдромом Дауна, сложившиеся исторически. В Советском Союзе, государстве, стремившемся к коммунистическому идеалу, не принято было говорить о каких-либо дезадаптированных элементах общества, детей с синдромом Дауна родители часто оставляли, и доживали они свою недолгую жизнь в закрытых психиатрических клиниках. Такое представление о людях с синдромом Дауна, как о неспособных ни к какому взаимодействию «овоцах», до сих пор присутствует в нашем обществе, и чаще всего с ним сталкиваются родители таких детей. К сожалению, эта проблема столь велика, что ее проявления встречаются и в профессиональном сообществе — многие матери детей с синдромом Дауна говорят о некомпетентном вмешательстве медиков, акушеров и педиатров — это советы оставить ребенка в роддоме, недопуск матери до новорожденного, преувеличение его недуга. С проявлениями элементарной неинформированности сталкиваются и сами организаторы инклюзивного процесса. Например, при подготовке проек-

та «Солнечных смен» — двухнедельной инклюзивной смены в детском лагере, родители многих детей проявляли недовольство, что дети с синдромом Дауна будут находиться в лагере, так как они сомневались в наличии у ребят навыков самообслуживания и социального общения.

На наш взгляд, на данный момент обществу требуется ликвидация безграмотности в отношении описываемой группы детей. Иллюстрацией этому может послужить проведенный нами опрос. Выборка небольшая, но проведена среди молодых людей разных социальных групп как наиболее мобильных членов современного общества. Анкета (табл. 1) была составлена на основе анализа запросов интернет-аудитории: специальных педагогов, дефектологов и семей с детьми с синдромом Дауна. Важная деталь — зачастую таким семьям пишут родители здоровых детей с вопросом «Как мне себя вести?», то есть родителям не хватает информации.

Респондентам предлагался бланк анкеты, где в графе «ответ» возможны были три варианта — «да», «нет», «не знаю». Также опрашиваемые могли делать какие-либо примечания в этих же ячейках. Забегая вперед, отметим, что данный бланк и/или инструкция требуют усовершенствования, так как для примечаний оказалось недостаточно места.

Таблица 1

Бланк анкеты

Вопрос	Ответ
1. Осведомлены ли Вы об особенностях синдрома Дауна?	
2. Сталкивались ли Вы с людьми с синдромом Дауна в повседневной жизни? (Если да, укажите, в каких обстоятельствах)	
3. Готовы ли Вы к тому, что в общеобразовательных школах будут обучаться дети с синдромом Дауна?	
4. Одобрены бы Вы работу лиц с синдромом Дауна в сфере повседневного обслуживания — например в супермаркетах?	

Рассмотрим результаты опроса (табл. 2).

Результаты анкетирования

Вопрос	Ответ
1. Осведомлены ли Вы об особенностях синдрома Дауна?	Да — 70%
2. Сталкивались ли Вы с людьми с синдромом Дауна в повседневной жизни? (Если да, укажите, в каких обстоятельствах)	Да — 20%
	Нет — 10%
3. Готовы ли Вы к тому, что в общеобразовательных школах будут обучаться дети с синдромом Дауна?	Да — 20%
	Нет — 60%
4. Одобрили бы Вы работу лиц с синдромом Дауна в сфере повседневного обслуживания — например, в супермаркетах?	Не знаю — 70%
	Нет — 20%

Как мы видим, большинство респондентов знают о синдроме Дауна, но при этом большинство из них либо никогда не сталкивались с такими людьми конкретно, либо не знают об этом. Также люди нейтрально относятся к такому явлению, как трудоустройство «солнечных» людей. Но одновременно высока отрицательная оценка идеи совместного обучения детей, развивающихся в норме, и детей с синдромом Дауна.

Примечания и комментарии опрашиваемых демонстрируют сомнения в трудоспособности людей с синдромом Дауна, а также объясняют негативную оценку идеи инклюзивного образования — респонденты сомневаются в дееспособности и адекватности таких детей.

Таким образом, гипотеза нашего исследования подтвердилась — необходимость в разработке специальных проектов для формирования адекватного представления о людях с синдромом Дауна существует, и в первую очередь это должна быть работа по информированию населения, так как от этого зависит успех инклюзивного образования, что, в свою очередь, влечет за собой развитие трудоустройства лиц с ОВЗ в России.

Данное исследование будет продолжено с использованием большей выборки с целью формирования наиболее полного запроса общества к специалисту и разработки стратегии работы по формированию широкодоступной теоретической базы.

Этические границы в психологическом консультировании ЛГБ-подростков

В современной российской действительности проблема отношения к сексуальным меньшинствам крайне обострена. В июне 2013 года был принят федеральный закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, который осложнил оказание какой-либо помощи ЛГБ-подросткам. Консультирующие психологи оказались перед сложным выбором: работать с клиентами в соответствии с принципами искренности и открытости или деформировать свой подход в стремлении не нарушить новый закон, ведь, по сути, поддержка подростка в его желании принять свою сексуальную ориентацию может быть расценена как пропаганда. С точки зрения этики эту дилемму можно отнести к проявлению конфликта совести и закона, изучаемого еще древними философами.

Психологическое консультирование ЛГБ-подростков само по себе, без отягощающего социального и законодательного фондов, требует от психотерапевта решения специфических этических проблем. Первая связана с возможным конфликтом интересов клиента и его родителей. Согласно профессиональным этическим кодексам разных стран психолог должен действовать в первую очередь в интересах своего клиента. Но в ситуации консультирования подростков, осознавших свою гомо- или бисексуальность, психотерапевт часто сталкивается с тем, что подросток не готов сделать каминг-аут перед родителями. Сами родители, которые должны дать согласие на проведение психотерапии и быть уведомлены о ее промежуточных результатах, при этом зачастую не готовы принять сексуальную ориентацию своего ребенка.

Под давлением родителей и социальной среды подростки нередко обращаются к психологу с запросом о смене сексуальной ориентации на гетеросексуальную. Терапия, направленная на изменение сексуальной ориентации клиента с гомосексуальной на гетеросексуальную, называется репаративной. Ее использование небезопасно,

поэтому перед психологом встает очень сложная задача — объяснить это ребенку и суметь помочь ему, не прибегая к опасным техникам. Очень важно, чтобы психолог действовал только в интересах клиента, без оглядки на свое мировоззрение, и не являлся сам инициатором проведения репаративной терапии или каких-либо других резких решений (например, о совершении каминг-аута).

В данной работе описанные выше проблемы рассмотрены в порядке возрастания их дискуссионности и неразрешенности в настоящее время. Первая часть посвящена проблеме репаративной терапии и предвзятости психолога; вторая — взаимодействию психолога с родителями клиента; третья освещает юридические сложности консультирования ЛГБ-подростков и конфликт совести и закона, к которому они ведут.

РЕПАРАТИВНАЯ ТЕРАПИЯ И ПРЕДВЗЯТОСТЬ ПСИХОЛОГА

На протяжении долгих лет гомосексуальность считалась психическим заболеванием. Для «излечения» от гомосексуальности и смены ориентации на гетеросексуальную применялась так называемая репаративная (или иначе конверсионная) терапия. Существовали разные методы подобной терапии: от электрошока (в настоящее время применение этой методики запрещено) до индивидуального или группового консультирования. В 1990 году гомосексуальность была исключена из международной классификации болезней Всемирной организации здравоохранения; Россия перешла на использование этой классификации в 1999 году. С этого времени гомосексуальность стала рассматриваться как вариант нормы, а значит, отпала необходимость в излечении от нее. Несмотря на это, репаративная терапия применяется до сих пор.

Можем предположить, что использование конверсионной терапии вызвано отсутствием полного принятия сексуальных меньшинств даже в самых прогрессивных современных обществах. Общественное осуждение, страх за будущее, внутренняя гомофобия — некоторые причины, которые могут привести представителя сексуального меньшинства к психологу с запросом на изменение сексуальной ориентации. Если речь идет о подростке, то одной из основных причин является давление со стороны родителей.

Попытаемся разобраться, как этичный психолог должен выстраивать работу с подростком, обратившимся к специалисту в надежде исправить свою сексуальную ориентацию. Множество психологических

сообществ по всему миру осуждают, но не запрещают использование репаративной терапии и допускают ее применение только при полной информированности клиента. Это означает, что психолог должен как минимум дать представление клиенту об:

- эффективности применяемой репаративной техники, чтобы клиент понимал, каковы шансы ее успешного завершения;
- возможных негативных последствий терапии;
- других методиках исправительной терапии;
- возможности принять свою сексуальную ориентацию¹.

Особое значение имеет второй пункт. По мнению некоторых специалистов, любая репаративная терапия строится на вменении чувств вины и стыда, а потому приводит к психологическим проблемам в будущем². Встает закономерный вопрос: а способен ли подросток осознать все риски и взять на себя ответственность за них? Психологические сообщества некоторых штатов США ответили на этот вопрос «нет» и ввели запрет на проведение конверсионной терапии с лицами, не достигшими 18 лет³. Действительно, смена сексуальной ориентации — очень серьезное решение, которое должно быть принято клиентом полностью самостоятельно, в чем нельзя удостовериться, когда он несовершеннолетний и очень сильно зависит от родителей. Таким образом, порядок работы с подростком, желающим сменить сексуальную ориентацию, может быть следующим:

- предупредить о возможных тяжелых последствиях терапии и отказать в ее проведении, если клиент не достиг 18 лет;
- разобраться в причинах, побудивших подростка пойти на смену сексуальной ориентации;
- помочь ребенку принять свою сексуальную идентичность;
- при возможности и необходимости привлечь к процессу консультирования родителей клиента (этот пункт будет подробно разъяснен в следующей части).

К сожалению, многие психологи склоняют или вынуждают клиентов к прохождению репаративной терапии, что является совершенно недопустимым. Такие действия психологов свидетельствуют об их предвзятом отношении к представителям сексуальных меньшинств

¹ *Drescher J. Ethical issues in treating gay and lesbian patients // Psychiatric Clinics of North America. 2002. Т. 25. № 3. Р. А605–А621.*

² *Policy statement, «Homosexuality and Adolescence» American Academy of Pediatrics, Pediatrics, 1993-ОСТ.*

³ *Overview LGBT Law and Ethics. URL: www.getdowntobusinessconsulting.com/wp-content/uploads/2014/07/lgbtethicsclass1.x32527.pdf.*

и об отсутствии профессионально-этических принципов: этический психолог никогда не станет навязывать клиенту свое мировоззрение. Если личные убеждения психолога слишком сильны и ему не удастся быть объективным по отношению к клиенту, то необходимо совершить самоотвод и посоветовать клиенту другого специалиста.

Настаивание на проведении конверсионной терапии — самый ярко выраженный пример проявления предвзятости психолога, но существуют другие формы необъективности, которые могут быть опасны для клиента-подростка, а потому должны отслеживаться и пресекаться психологом. Речь идет о так называемом «навешивании ярлыков». Подростки часто не уверены в своей сексуальной ориентации и не готовы себя причислить к той или иной категории. Очень важно в этой ситуации не вешать на подростка ярлык гомо-, би — или гетеросексуальности, точно так же как и ярлык незрелости, выраженный фразами вроде: «ты еще слишком молод, чтобы говорить о своей сексуальной ориентации, все еще поменяется». Важно «идти за клиентом», а не за своими предубеждениями и представлениями о нем. Со временем подросток определится сам, не стоит ускорять события и подталкивать его к какому-то окончательному решению.

Мы обсудили внутренние этические вопросы, касающиеся непосредственного взаимодействия психолога с клиентом. Далее обсудим внешние проблемы, связанные с родителями ребенка и специфической российской законодательной реальностью.

ВЫБОР МЕЖДУ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬЮ ПОДРОСТКА И ИНФОРМИРОВАННОСТЬЮ РОДИТЕЛЕЙ

Необходимость той или иной формы прямого участия родителей в процессе психологического консультирования подростка варьируется в зависимости от возраста, решаемой проблемы и местного законодательства. В большинстве западных стран консультирование подростка невозможно без информированного согласия его родителя¹. В самом начале консультирования, опираясь на местные законодательные акты, общие и локальные этические кодексы и свои профессиональные принципы, психологи предлагают подростку и родителям некоторую схему информирования последних о состоянии их ребенка. Если все стороны идут на диалог, то удастся договориться о безопасном для всех формате работы, например: психолог не пере-

¹ *Bremis C. A comprehensive guide to child psychotherapy and counseling. Waveland Press, 2008.*

дает родителям содержание бесед с подростком, но с некоторой периодичностью сообщает о наблюдаемых улучшениях или ухудшениях в состоянии ребенка¹.

В России в настоящее время сложилась принципиально иная ситуация. Современное российское законодательство никак не регламентирует процесс оказания психологической помощи, а следовательно, не содержит никаких ограничений на проведение психологического консультирования детей и подростков и предписаний, обязывающих информировать родителей о нем. Кроме того, отсутствует некий единый этический кодекс, которому должны были бы следовать все консультанты. Отсутствие норм ведет к большей свободе и, как водится, большей ответственности. Если американский психолог при организации работы с ребенком и родителями руководствуется в первую очередь законодательными актами и этическими кодексами, то российский специалист вынужден опираться исключительно на свои этические и профессиональные принципы.

Когда речь идет о консультировании ЛГБ-подростков, вопрос об информированности родителей встает особенно остро. С одной стороны, психолог имеет резонные основания настаивать на информировании родителей и даже на их включенности в процесс консультирования. Такая позиция часто основывается на убежденности в том, что одним из основных факторов, помогающих подростку принять свою сексуальную ориентацию, является принятие и поддержка семьи. Исходя из такого представления, психолог может строить свою работу с родителями по двум направлениям: проработка родительских переживаний, связанных с гомо — или бисексуальностью своего ребенка (чувство вины, поиск причин и т. д.), и снабжение родителей объективной информацией о сексуальной ориентации и ЛГБ-сообществе: это могут быть статьи, брошюры, сайты. Второй пункт особенно важен в контексте широкой распространенности в российском обществе архаичных и антинаучных стереотипов о представителях сексуальных меньшинств.

В настоящее время подавляющее большинство психологов работают с подростками только на основании информированного согласия родителя. Всегда ли это связано исключительно с убежденностью специалистов о необходимости включенности родителей в процесс консультирования или ими руководят другие мотивы?

¹ Детская и подростковая психотерапия: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Е. В. Филипповой. М.: Издательство Юрайт, 2016.

В действительности основной мотив заключается в желании психолога обезопасить себя от самовольного вмешательства родителей, скандалов и возможных судебных разбирательств. Как уже было сказано ранее, в российском законодательстве нет единого документа, регламентирующего порядок оказания подростку психологической помощи. Есть отдельные акты, определяющие общие юридические права ребенка, а также порядок оказания ребенку психологической помощи в образовательных и других государственных учреждениях. Трактовать и проецировать эти правила на частное психологическое консультирование можно по-разному, но как бы то ни было, осуществление психологического консультирования подростка без согласия родителя всегда несет под собой определенные риски. Желание психолога обезопасить себя от этих рисков имеет рационально-эгоистический характер. Рациональный, потому что в результате такого решения психолог сохраняет свою консультативную практику и имеет возможность оказывать психологическую помощь большому числу нуждающихся в ней клиентов. Такой аргумент согласуется с утилитаристской позицией о «наибольшей пользе для наибольшего числа людей», однако утилитаристский подход в этом, как и во многих других случаях, приводит к ущемлению прав отдельных индивидов¹.

Требую у подростка согласие родителя на проведение психологического консультирования, психотерапевт не учитывает право ребенка на неприкосновенность личной жизни, прописанное в Конвенции ООН о правах ребенка². Кроме того, такое требование вступает в конфликт с основным принципом психологического консультирования о конфиденциальности клиента. Конфиденциальность критически важна, когда речь идет о высокотабуированных темах, коей является гомо — или бисексуальная ориентация в современном российском обществе. В некоторых американских штатах, законодательство которых требует обязательного согласия родителя на психологическое консультирование ребенка, сделаны исключения для работы с темами подростковой беременности, наркологической и алкогольной зависимости³. Эти темы рассматриваются как высокотабуированные (тема сексуальной ориентации не входит в этот список, так как

¹ Блэкберн С. Этика: краткое введение. М., 2007.

² Конвенция о правах ребенка, Статья 16. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/3d7e1fad08d6b5535157ee9e9d2a2dfc1bbc8518.

³ Детская и подростковая психотерапия: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Е. В. Филипповой. М.: Издательство Юрайт, 2016.

на данный момент воспринимается американским обществом в целом толерантно).

Получение информированного согласия родителя на психологическую консультацию ребенка фактически означает необходимость совершения подростком каминг-аута перед родителями. Но к этому может быть не готов как сам ребенок, так и его родители. Каминг-аут — очень сложный процесс, на который зачастую решаются на протяжении долгих лет. Во-первых, подростки бывают не уверены в своей сексуальной ориентации, боятся ярлыков, испытывают внутреннюю гомофобию и не готовы предстать перед кем-то в качестве представителя того или иного сексуального меньшинства. Во-вторых, подростки могут иметь субъективные и объективные основания полагать, что родители их не примут, и за каминг-аутом последует череда скандалов, наказаний и попыток «исправить» ребенка против его воли. Конечно, подросток может ошибаться в предположениях на счет родителей, преувеличивать опасность, но, с другой стороны, он знает свою семью, ее культурные особенности и традиции намного лучше, чем психолог, требующий от него на первой встрече согласие родителей.

Самым приемлемым видится решение, при котором психолог соглашается принять подростка без согласия родителей, но в процессе консультирования уделяет достаточное внимание проработке семейных проблем. Такой подход даст ребенку возможность разобраться в себе и вместе с психологом решить, стоит ли открываться родителям, и если да, то определить наименее болезненную стратегию каминг-аута. По общему соглашению психолога, подростка и родителей, последние могут быть далее вовлечены в процесс консультирования.

КОНФЛИКТ СОВЕСТИ И ЗАКОНА В ТЕРМИНАХ ТЕОРИИ МОРАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ Л. КОЛЬБЕРГА

Во введении было кратко сказано о новом федеральном законе, запрещающем пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений. Под пропагандой понимается «информация, направленная на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных

отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям»¹. Как можно видеть, сами формулировки — очень общие и многозначные, а практика применения закона пока недостаточная для того, чтобы на нее можно было опираться при трактовке. Не имея возможности разобраться конкретно в том, что запрещено, можем прийти только к одному выводу: при желании в практически любой беседе психолога с подростком на тему его сексуальной ориентации можно усмотреть нарушение закона. Для психолога риск преступить закон особенно велик в тех случаях, когда он выступает в роли информатора: если обратившийся к психологу подросток не знает о природе гомо — или бисексуальной ориентации, об особенностях однополых отношений и семей, о ЛГБ-сообществах и интересуется этой информацией, то в соответствии с профессиональными предписаниями психолог должен поделиться этой информацией с клиентом. Таким образом, перед психологом, консультирующим ЛГБ-подростка, встает выбор: действовать в соответствии с законом или личными моральными установками, подкрепленными в том числе профессиональными принципами?

Для того чтобы проанализировать суть этических проблем, порожаемых этим выбором, обратимся к теории морального развития Лоренса Кольберга. Кольберг полагал, что каждый человек проходит через три основных уровня нравственного развития: **доконвенциональный**, **конвенциональный**, **постконвенциональный**. Первый уровень встречается в основном у детей и поэтому не представляет для нас интереса. **Конвенциональный уровень** характеризуется ориентированностью индивида на общество и социальные нормы. На этой стадии индивид считает обязательным для себя и других подчинение общим нормам (законам), не сомневается в их целесообразности. Большое число взрослых людей всю зрелую жизнь проводят на этом этапе нравственного развития. **Постконвенционального уровня** достигают те, кто опирается в действиях на свои личные моральные принципы, рассматривает законы как полезный регулирующий инструмент, который, однако, может работать неправильно. Пятая стадия развития нравственности, входящая в этот уровень, подразумевает сомнение в справедливости всех законов и необходимость отмены или изменения несправедливых; шестая стадия требует подчинения только универсальным этическим принципам и непод-

¹ КоАП РФ, статья 6.21. URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=210056#0.

чинения законам, перечасим им¹. Переживания, мысли и стратегия работы психолога, консультирующего ЛГБ-подростка, зависят от того, на какой стадии развития нравственности находится специалист.

Психолог, находящийся на конвенциональном уровне развития, выбирая между законом и профессиональными принципами, скорее всего, выберет первое. Такой вывод напрямую следует из определения этого уровня. Важно отметить, что конвенциональный уровень подразумевает чувство общности с той группой, нормам которой следует индивид². Поэтому если психотерапевт идентифицирует себя в первую очередь с психологическим сообществом и только во вторую — со страной и ее обществом, то возможно, что для него будет естественным неподчинение закону, идущему вразрез с профессиональными принципами. Если у психолога идентификация с профессиональным сообществом приблизительно так же сильна, как с обществом, и/или психолог очень эмпативный, то можно предположить, что обсуждаемая этическая дилемма послужит пусковым механизмом для перехода специалиста на постконвенциональный уровень развития нравственности. Психолог, уже находящийся на постконвенциональном уровне, будет действовать, ориентируясь на свои собственные представления о морали, которые могут совпадать с общепризнанными профессиональными принципами или отличаться от них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе был проведен анализ трех основных этических проблем, с которыми встречается психолог при консультировании ЛГБ-подростка.

Первая из рассмотренных проблем, касающаяся репаративной терапии и предвзятости психологов, к настоящему времени хорошо изучена. В работе приведены этические принципы, соблюдение которых, по мнению мировых психологических сообществ, обеспечит безопасную помощь клиенту.

Вторая проблема, связанная с осведомленностью родителей о консультировании их ребенка, носит более дискуссионный характер, так как ее решение напрямую зависит от законодательств, варьирующихся в разных странах (а иногда и регионах). В России, в силу отсутствия законодательного урегулирования консультационной деятельности,

¹ Kohlberg L. Moral stages and moralization: The cognitive-developmental approach // Moral development and behavior: Theory, research, and social issues. 1976. P. 31–53.

² Sonnert G. Limits of morality: A sociological approach to higher moral stages // Journal of Adult Development. 1994. T. 1. № . 2. P. 127–134.

эта проблема решается каждым специалистом по-своему. Рассматриваемая ситуация хорошо иллюстрирует плюсы и минусы недостаточного законодательства.

Последняя часть работы посвящена закону о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, его влиянию на процесс консультирования и порождаемой им этической дилемме. Конфликт совести и закона не имеет одного верного решения или хотя бы алгоритма его поиска, а является фундаментальной философской проблемой. Именно поэтому автор избегает каких-либо осуждающих или одобряющих суждений и выводов и ограничивается лишь анализом возможных действий психологов с точки зрения теории морального развития Лоренца Кольберга.

Телеэмпатия: воздействие телевидения на эмоции аудитории

Для СМИ важно создать контент, вызывающий определенные эмоции у аудитории. Эмоции выступают в этом случае конкретным конечным продуктом деятельности медиа. В эпоху развития телевидения этот продукт стал основополагающим, именно он определяет фактуру современного контента и в то же время является основной целью любой телепередачи.

Эмоции можно представить как простейшую форму психического отражения, осуществляющую саморегуляцию при воздействии на человека раздражителей¹. Основной задачей телевидения как раз и является создание особого рода раздражителей, способных повлиять на эмоциональную сферу аудитории. Создание таких раздражителей представляет собой процесс психологического воздействия телевидения на зрителя, это происходит за счёт изменения у телезрителя поведенческих, когнитивных либо эмоциональных установок. В связи с этим многими исследователями ставится вопрос о правомерности и модальности такого воздействия². Практически все ученые, занимающиеся данной проблематикой, сходятся во мнении о негативном характере такого рода воздействия (теория «спирали умолчания», теория медиазаговора Э. Ноэль-Нойман, «Теория подкрепления» К. Холанд, «кукла бобо» А. Бандуры, теория культивации Дж. Гербнера, «эффект Ван Винкля» Р. Гюисман и Л. Эрон).

Можно встретить лишь отдельные работы, в которых происходит попытка рассмотреть возможный позитивный эффект такого воздействия. Так, в ходе одного эксперимента выяснилось, что для телезрителей оказывается важным поведение их любимых телегероев в определенных жизненных обстоятельствах. В одном из сериалов поднималась проблема донорства собственных органов после смерти, где герои

¹ Виноградова С.М., Мельник Г.С. Психология массовой коммуникации. М.: Издательство Юрайт, 2015.

² Камбербач Г. «Воздействие» СМИ на общество: неоконченная дискуссия // Медиа. Введение / под ред. А. Бриггза, П. Кобли. М.: Юнити-дана, 2005.

положительно относились к такому процессу и в ходе развития сюжета становились донорами. Зрители, наблюдая за поступками телегероев, изменяли собственное мнение, они уже готовы были принять решение об участии в донорской программе. Чем более они были эмоционально вовлечены в просмотр телесериала, тем охотнее принимали решение о своем донорстве¹. В данном случае телезрители старались подражать поступкам экранных телегероев, с которыми они себя идентифицируют. И такое подражание способствовало развитию просоциального поведения, которое положительно влияло на аудиторию.

Эффект подражания возможен с помощью эмпатии. Эмпатия предполагает особый способ познания, «вчувствование» себя в образ другого. На эмоциональном либо когнитивном уровне человек способен вживаться в ситуацию другого человека, тем самым испытывая эмоции другого и воспринимая его когнитивные компоненты.

С появлением нового телевизионного формата — благотворительных акций — особенно отчетливо стала проявляться возможность воздействия телевидения на телезрителей через вызов чувства эмпатии. Такой формат наиболее успешно в настоящее время транслируется на двух федеральных каналах — Первом и Пятом. Главное отличие от других телепередач состоит в том, что благотворительные акции сами по себе не рассчитаны на привлечение аудитории. Напротив, они встраиваются в наиболее рейтинговые передачи канала с постоянно высокой аудиторией — главные новостные выпуски, утренние информационно-развлекательные программы. Иными словами, такие благотворительные акции не привлекают аудиторию, а используют высокорейтинговую передачу для сбора необходимых средств. Получается дополнительный эффект, условно названный по итогам нашего исследования *благотворительным*. Такой эффект позволяет говорить о совершенно новой важной составляющей телевидения, которая прежде не была изучена экспериментаторами медиаиндустрии.

В связи с этим, *объектом* исследования были выбраны телевизионные благотворительные акции в аспекте их влияния на эмоциональную сферу зрителей. Сюжеты благотворительных акций призваны воздействовать на эмоциональную сферу телезрителей, побуждая их принять участие в акции. Поэтому *цель* нашего исследования состояла в изучении особенностей воздействия телевидения на эмоции зрителей на примере благотворительных акций.

¹ Morgan M., Shanahan J. Two decades of cultivation research // Communication yearbook 20 / ed. by B. R. Bursleson. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1997.

В исследовании было задействовано два основных *метода*: фокус-группа и психологический опросник для диагностики к способности эмпатии А. Мехрабиана и Н. Эпштейна. В фокус-группе принимали участие 16 респондентов. Из них 8 мужчин и 8 женщин, возрастные ограничения: от 23 до 40 лет. Одним из критериев отбора являлось условие, что респонденты предпочитают новости как основной телевизионный контент (смотрят ежедневно новостные выпуски). Это связано с тем, что сюжеты телевизионных благотворительных акций в основном транслируются в эфирном времени новостных выпусков, тем самым такие респонденты являются потенциальными потребителями данного контента.

Психологический опросник был необходим для разделения респондентов на группы по уровню эмпатийности. Высказывалось предположение, что респонденты с различным уровнем эмпатии будут по-разному реагировать на определенные аудиовизуальные эффекты элементов благотворительных акций. И желание принять участие в акции будет обусловлено отличными стимулами для этих групп.

Результаты исследования. По итогам нашего исследования были подтверждены следующие гипотезы.

1. Использование в благотворительных сюжетах определенных аудиовизуальных эффектов действительно способно оказывать влияние на эмоции аудитории, формируя намерения к изменению поведения. Как показало исследование, эмоции человека оказывают непосредственное воздействие на формирование намерений к определенным поведенческим актам. В своем принятии решений телезритель во многом ориентируется на возникшее в данный момент эмоциональное состояние и на основе этого может решиться участвовать в телевизионной благотворительной акции.
2. Намерение зрителей принять участие в благотворительной акции зависит от уровня эмпатических способностей. Для людей с разным уровнем эмпатии при принятии ими решения об участии в акции оказывались наиболее важными разные факторы и эффекты, продемонстрированные в благотворительных сюжетах. Отталкиваясь от степени выраженности эмпатии, возможно влиять на определенную группу телезрителей наиболее эффективными для них аудиовизуальными средствами.

Теоретический анализ представленной проблемы привел нас к классификации медиаэмоций. Немецкий психолог К. Шеррер различал два

типа эмоций, вызываемых медиа, — реакция на реальные события, которые сообщили СМИ, и реакция на события вымышленной действительности, которую также привносит в жизнь человека медиаконтент. П. Винтерхофф-Шпурк к этому добавил еще и третий вид так называемых коммоций — эмоции, вызванные наблюдением за эмоциями других людей¹. Большинство проводимых исследований соотносилось с первой категорией эмоций на основе реально пережитого опыта. Телевидение же редуцирует эмоции, которые порой далеки от реальности. И изучением именно такого воздействия пока мало кто занимался.

Основываясь на теоретических воззрениях К. Шеррера и П. Винтерхофф-Шпурка о разных видах эмоционального реагирования на сообщения СМИ, предлагается авторская концепция нового понятия «телеэмпатия». *Телеэмпатия* предполагает проявление чувства эмпатии к экранным образам и героям. Ее можно разделить на три основополагающих вида:

- 1) сопереживание телегероям, с которыми произошли события из реальной жизни;
- 2) сопереживание вымышленным образам телегероев, событиям виртуальной реальности;
- 3) сопереживание телегероям, у которых проявляется чувство эмпатии к другому телегерою (эмпатия по отношению к эмпатии).

Проявление эмпатии и телеэмпатии зависит от степени значимости одного субъекта для другого. Если существуют родственные связи между двумя людьми, то и уровень возможной эмпатии между ними будет выше и активнее проявляться. В связи с этим будет возрастать и телеэмпатия при просмотре на экране проявлений эмпатии родственников по отношению друг к другу.

Посредством эмпирической части исследования было выявлено, что сюжеты телевизионных благотворительных акций соответствуют первому и третьему пункту предложенной классификации. В данном формате отсутствуют вымышленные образы, поэтому сопереживания событиям виртуальной реальности нет.

Первая категория. В случае сюжетов телевизионной благотворительной акции телеэмпатия телезрителей проявлялась по отношению к главному герою ролика, его родным. Этому способствовали определенные аудиовизуальные эффекты, которые оказывали влияние на эмоции аудитории, формируя намерения к изменению поведения. Были выявлены конкретные аудиовизуальные средства, кото-

¹ Винтерхофф-Шпурк П. Медиапсихология. Основные принципы. Харьков, 2007.

рые оказывают воздействие на эмоции зрителей. Такими средствами стали: показ шрамов героя ролика после операции, физических отклонений; больничные условия (в больнице, поликлинике, люди в белых халатах, медицинские приборы); пульсирующая музыка; плач ребенка в начале ролика; звук прибора, следящего за ритмом сердца.

Степень воздействия аудиовизуальных эффектов телевизионных благотворительных акций зависит от уровня способности к эмпатии у зрителя. Наше исследование показало, что в зависимости от той или иной выраженности у респондента эмпатических способностей совершенно различны мотивационные механизмы по инициации действия участия в благотворительной акции у зрителей с ярко выраженной эмпатией и со слабо выраженной, то есть проявление телеэмпатии зависит прежде всего от индивидуальных особенностей конкретного реципиента. В зависимости от этих особенностей создаваемые телевидением «раздражители» способны вызвать разную реакцию.

Стоит также отметить, что эмпатичные реципиенты ориентируются как на визуальные, так и на аудиальные образы. Для них имеют огромное значение именно аудиальные компоненты, на которые они сильно эмоционально реагируют. Для неэмпатичных зрителей определяющую роль играет визуальный образ, без которого они не могут воспринимать сюжет полностью.

Для респондентов с *высоким уровнем эмпатии* особо важны два эффекта, условно названные автором *эффектами страдания и больничных условий*. Если респонденты видят, что главный герой сюжета каким-то образом эмоционально переживает по поводу своей болезни или отличия от физической нормы других людей, неспособности сделать какое-либо действие, то зрители хотят скорее прекратить это и будут принимать участие в акции. Важным эффектом являются и видимые вокруг главного героя больничные условия — их эмпатичные люди ассоциируют со страданием героя и также охотнее готовы принять участие в телевизионной благотворительной акции. Больничные условия предполагают наличие медицинской атрибутики и всего, что связывается реципиентами с больницей.

Для зрителей с *низким уровнем эмпатии* более свойственно реагировать на логические компоненты благотворительных сюжетов. Наиболее важными для них оказывались факты, которые подтверждали необходимость срочной помощи главному герою и демонстрировали конкретные способы решения проблемы телегероя. Наиболее важным эффектом стоит выделить визуализацию конкретных

действий, которые приведут к положительному результату: если в сюжете показан конкретный врач; больница; препараты, которые необходимы для восстановления здоровья героя сюжета — тогда телезрители с низким уровнем эмпатии готовы принимать решение об участии в телевизионной благотворительной акции. Таким реципиентам важно получить подтверждение того, что уже есть выработанный план по решению проблемы главного героя телевизионной благотворительной акции. Визуализированный способ решения проблемы подтверждает целесообразность помощи реципиентами с низким уровнем эмпатии, является гарантией того, что пожертвования дойдут по назначению.

Третья категория. Некоторые элементы телевизионной благотворительной акции направлены на инициирование третьего вида телеэмпатии. В процессе проведения фокус-группы респондентам был продемонстрирован сюжет с известной личностью акции «День добрых дел» на Пятом канале. Героем сюжета являлся Дима Билан, который призывал телезрителей участвовать в благотворительной акции. В данном сюжете у респондентов была возможность наблюдать проявление эмпатии у известной личности непосредственно к детям, которым необходима помощь, к героям акции. Таким образом возможен механизм проявления эмпатии зрителей к эмпатии известной личности, которая сопереживает детям, героям акции.

Именно в данном случае механизм не был реализован, так как Дима Билан не смог вызвать чувства сопереживания у респондентов, они не поверили в искренность его собственного чувства эмпатии к героям акции. От этого весь эффект сошел на нет и никак не отозвался на эмоциональном фоне реципиентов. Конкретная личность и конкретное поведение в сюжете играют основополагающую роль в вызове чувства эмпатии у телезрителей.

Но особенно сильно воздействующим на эмоциональное состояние респондентов стал аудиовизуальный эффект плача и монолога матери в персонифицированном сюжете о больном ребенке благотворительной акции Первого канала. Многие реципиенты отмечали его отдельно, и реакция на него также активно проявлялась и в их физическом состоянии. В данном случае мать главного героя сюжета испытывала к ребенку чувство сопереживания, которое было искренним, что и отмечалось респондентами. Они также прониклись к этому чувству сопереживания матери (к телегерою, сопереживающему другому телегерою) и испытали к нему чувство телеэмпатии. Это способ-

ствовало значительному усилению эмпатии респондентов к сюжету благотворительной акции. Подтверждается это тем, что именно после сцены с плачем и монологом матери реципиенты испытали наиболее сильное эмоциональное напряжение (одна из респонденток после этого эпизода не смогла удержать слез и выбежала из аудитории) и после него готовы были принять решение об участии в акции. Причем это было характерно для респондентов с высоким уровнем эмпатии, но также воздействовало и на реципиентов с низким уровнем эмпатии. В итоге получался тройной эмоциональный эффект: телезритель сопереживает ребенку; испытывает телеэмпатию к матери ребенка; сопереживает тому, как сопереживает мать ребенка. Данный эффект способствует выходу реципиента из состояния эмоционального покоя, тем самым значительно влияя на его когнитивные аспекты и поведенческие установки.

Также был выявлен особый элемент сюжета, который вызывал телеэмпатию у всех групп респондентов. Им стал *счетчик в углу экрана*, отсчитывающий количество собранных на данный момент средств. У многих зрителей он вызывал желание незамедлительно участвовать в акции. Объясняется это тем, что реципиенты имеют возможность наблюдать процесс увеличения пожертвованной суммы средств. Тем самым они понимают, что в акции принимает участие огромное количество телезрителей, которые сопереживают событиям из сюжетов. И реципиенты обращают внимание именно на это сопереживание и сопереживают ему. Здесь выявляется косвенная телеэмпатия — эмпатия по отношению к предполагаемому сопереживанию на основе счетчика пожертвованных средств. Реципиенты пытаются скопировать поведение других зрителей, и чем их больше, тем весомее становится проявление телеэмпатии.

В итоге можно говорить о том, что телевизионные благотворительные акции воздействуют на эмоциональное состояние телезрителей. Это воздействие происходит по-разному, в зависимости от уровня эмпатических способностей телеаудитории. Сюжеты благотворительных акций направлены на вызов телеэмпатии, которая, особым образом влияя на эмоции реципиентов, способна инициировать определенное действие (в случае телевизионных благотворительных акций — на отправку смс-сообщения).

Кроме того, результатом данного исследования можно считать тот факт, что воздействие телевидения на эмоции зрителя может приносить позитивные эффекты. Телевизионные благотворительные акции

формируют особое просоциальное поведение. Данное поведение характеризуется развитием социально значимых характеристик, формированием общечеловеческих ценностей у телеаудитории. Телеэмпатия является основой формирования такого поведения, правда, ее возможности зависят от качества предоставляемого контента и цели его использования.

Сборник научных трудов

Векторы развития современной России

ГРАНИЦЫ ДАЮТ ОТПОР: ДЕМАРКАЦИЯ ПРАКТИК, ПРОСТРАНСТВ И ЯЗЫКОВ ОПИСАНИЯ

Материалы XVI Международной научно-практической конференции
молодых ученых 20–22 апреля 2017 года

Корректор *М. М. Лемешева*
Оригинал-макет *А. А. Хромов*

Подписано в печать 23.01.2018. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 13,5. Тираж 80 экз. Заказ № 1085

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 965 048 04 28

